

В. Кормилицын

ДЕРЖАВА

16+

Валерий Кормилицын
Держава том 4

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кормилицын В. А.

Держава том 4 / В. А. Кормилицын — «ЛитРес: Самиздат», 2019

4-я книга романа-эпопеи "Держава" начинается с лета 1907 года, и повествование ведётся до событий лета 1915 года. В романе описан Ленский расстрел и торжества по случаю столетия Бородина. Показаны празднования в 1913 году трёхсотлетия Дома Романовых и Германская война, начавшаяся в 1914 году, а на фоне этих событий мирная жизнь и боевые действия героев книги во время войны, встреча Рождества и Нового 1915 года. И мечты... О мире, победе и жизни... Ведь больше ничего не надо русскому Солдату.

© Кормилицын В. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

88

– Служи честно, как все Рубановы служили. И помни – Родина одна! Другой у нас не будет. Защищай её до последнего вздоха, – напутствовал Максим Акимович племянника.

Просто к неописуемому горю Георгия Акимовича, старший сын его, Арсений, после окончания гимназии пошёл учиться не в благородный Санкт-Петербургский университет, а в рассадник бурбонства и ретроградства – Михайловское артиллерийское училище. Скорбь несчастного отца до такой степени была безмерна, что даже не захотел общаться с сыном, и опеку над ним взял Максим Акимович.

После парадного обеда в доме Рубанова-старшего, на который Георгий Акимович с Лизой сочли нужным не приходить, пригласив племянника в кабинет, Максим Акимович и дал ему этот «отцовский» наказ.

Через паузу, дабы племянник усвоил сказанное, продолжил:

– Училище ты выбрал прекрасное. Правда, с 1903 года установлен трёхгодичный курс обучения...

– Не заметишь, как годы пролетят, – вставил фразу зашедший в кабинет Аким.

– Не перебивай, сынок. После свои мысли выскажешь, – ласково попенял ему отец. – В течение трёхлетнего курса станешь изучать: фортификацию, тактику, топографию, аналитическую геометрию, – удивил Акима таинственной дисциплиной, – дифференциальные исчисления... А тебе в академию следует поступать, – видя озадаченный лик старшего сына, заодно проинформировал и его. – Так, какие там ещё предметы? – потерял нить рассуждений. – Ага! Интегральные исчисления, – Аким при этом тяжело вздохнул, – химия, физика, французский, немецкий и русский языки... Словом...

– Будешь как кот учёный, – неизвестно отчего съязвил сын.

– Ну да! – Не стал отрицать отец. – Только станешь не по цепи налево-направо маршировать...

– А вот Павловское училище прошу не поминать всеу...

– Даже и не думал, – улыбнулся Максим Акимович. – Собирался сказать, что юнкер научится метко палить из артиллерийского орудия, – довёл до логического конца мысль и порадовался, что напряжение прошло и племянник уже веселее смотрит в военное будущее.

– В Петербурге держит тон, только юнкер михайлон. Старшие научат Журавушке... Вначале всегда страшно, потом привыкнешь, – поддержал кузена Аким. – Кроме тех неизвестных для меня наук, о которых давеча вещал отец, особое внимание обрати на строевые занятия... Это самое важное...

– А также научишься верховой езде, вольтижировке, езде в орудийных упряжках, – продолжил Максим Акимович.

– Папа', не забудь фехтование, гимнастику... И танцы... Эта дисциплина находится на втором месте после строевых занятий, – улыбнулся Арсению, а потом отцу. – Шучу. А теперь серьёзно. Всегда помни этический кодекс российского офицерства. Основа – долг и честь!

Отец с гордостью поглядел на сына. Не заметив этого, Аким продолжил:

– Инструкция, определяющая правила военного воспитания в юнкерских училищах гласит: «Военно-воспитательная подготовка должна заключаться в глубоком укоренении чувства долга христианского... верноподданнического и воинского. Развитии и упрочении сознания о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества». – Мне это в училище с первых дней внушили. Главное – люби Россию... А остальное приложится.

* * *

В департамент полиции, что в доме на Фонтанке, пришёл умело зашифрованный телеграфный донос, о котором тут же было доложено полковнику Герасимову.

Немного поразмышляв, тот догадался, чьих рук дело, и назначил главному эсеровскому лиходею встречу на конспиративной квартире.

«Видно опять тридцать сребреников позарез понадобились, коли так наглеет, – расположившись в кресле, размышлял Александр Васильевич. – Кто б знал, как неприятен мне этот мокрогубый, низколобый еврей с короткой стрижкой и бабской покатостью плеч... И задница у него тоже бабская, – мысленно плюнул полковник. – С каким дерьмом приходится работать... Но, как доложил руководитель заграничной агентуры: пришедший в 1906 году на смену начальнику германского генерального штаба Альфреду фон Шлифену Хельмут фон Мольтке, родной племянник прославленного под Седаном Мольтке-старшего, выдвинул идею, что «дерьма» нет, а есть «кадры». Может, немецкие генштабисты и правы. Работать надо со всеми, кто желает нам помогать... Даже с «дерьмовыми кадрами». Это относится и к моему визави, шефу боевой организации эсеров – Азефу. Параллельно он является и нашим агентом. Внимательно изучил его досье. Когда будущий бомбист учился на инженера в Карлсруэ – видно понадобились деньги, и он связался с Департаментом полиции. Наш весьма «грамотный» делопроизводитель, – с улыбкой вспомнил досье тайного агента, – занёс его в документы Особого отдела как «сотрудника из Кастрюли». Так и значится теперь, – рассмеялся полковник, вздрогнув от неуместного в пустой комнате хохота. – Постепенно мы все сходим с ума... И с той, и с другой стороны, – глянул на часы. – Что-то опаздывает этот иудей. Не похоже на него», – заволновался жандарм.

Чтоб убить время, начал размышлять на посторонние темы. Но как не старался, мысленно всегда возвращался к Азефу: «Иуда был из Иудеи. Запомню, откуда родом Евно Фишелевич. Духовно, тоже оттуда. Иуда из Иудеи, а все остальные ученики Христа из Галилеи... Наверное, в этом есть какой-то недоступный мне, да и вообще людям, сакральный смысл... Хотя что тут недоступного: получается, что иудеи не Христов народ, а Иудин... Родил Иуду Симон из Кариота... Значит он Иуда Симонович Искаротский... И тайно работал на Понтия Пилата. Римского прокуратора. А Евно Фишелевич из Карлсруэ работает на меня, Петербургского прокуратора, – опять вздрогнул, услышав в прихожей треньканье колокольчика. – Совсем нервы ни к чёрту с этой службой», – достав из кармана наган, пошёл открывать дверь.

– Евно Фишелевич, – брезгливо пожал потную, мясистую, будто без костей, ладонь агента. – Вы как дилетант-первогодок, право. Ну к чему прислали на Фонтанку телеграфный донос на несуществующего человека? – указал агенту на кресло, усевшись напротив в соседнее. – Думаете, в тюрьме за это будет послабление? – порадовался проступившей на лице бомбиста матовой бледности и капелькам пота на носу. – Шучу, не пугайтесь.

– Я, Александр Васильевич, очень про тюрьму слушать не люблю. Даже анекдоты, – то ли пригладил ёжик волос на голове, то ли вытер о него потные ладони Азеф.

– А что, про тюрьму тоже есть анекдоты? – немного расслабился полковник, будто ненадолго достав из кармана толстую пачку купюр.

– Разумеется. Анекдоты сочиняют про всё.

– И что за хохма про тюрьму? – проявил профессиональный интерес к возникшей теме Герасимов.

– В этом году, как вы знаете, генерал Стессель, сдавший Порт-Артур, отдан под суд и находится в Петропавловской крепости. Вот в народе и говорят: неважно, что Стесселя посадили в крепость. Он её тоже сдаст... – развеселил полковника и захохотал сам.

«Смеётся, будто ворон каркает», – подумал Герасимов.

– С вами, господин Азеф, очень интересно сотрудничать: «Ибо сразу не поймёшь, кого подставляете: наших генералов или своих друзей-динамитчиков». – Вы нам помогли изобличить Марию Беневскую, по кличке «Генриетта», которая участвовала в подготовке покушения на Московского генерал-губернатора Дубасова. Была арестована и прошлой осенью пригово-

рена к шестнадцати годам каторги. Посодействовали с арестом Давида Боришанского по прозвищу «Абрам», участника покушения на Плеве. Арестован и отправлен на каторгу. Департамент полиции весьма благодарен за одиозную Дору Бриллиант, которая сейчас тоже находится в Петропавловской крепости. Помогли и с арестом члена Петербургского отдела БО Якова Загороднева, проходившего по делу о динамитной мастерской. А в данное время от вас нет никакой помощи, – собрался упрятать пачку купюр в карман.

– Для этого я с вами и встретился, Александр Васильевич, дабы сообщить, что видная деятельница нашей партии, мадам Брешко-Брешковская сейчас находится в Симбирске и мне известен её адрес, – замолчал, поправив вдруг ставший тугим крахмальный воротничок.

– Сказали «а», произносите и следующую букву алфавита.

– Видите, горло пересохло...

– Вон на столе графин с водой.

– Не поможет. Спазм может снять та пачка купюр, что пока находится в ваших руках, – вновь закаркал Азеф, полагая, что остроумно пошутил, и назвал адрес, когда деньги перекочевали в его карман.

– Мне очень пригодились в работе ваши сведения о Лондонском съезде РСДРП, что проходил до девятнадцатого мая сего года, и получил у революционеров порядковый пятый номер. Хотя фракция эсеров там не присутствовала, но работу съезда вы освятили весьма скрупулёзно. Особенно порадовала принятая резолюция о роспуске боевых дружин и запрете экспроприаций. Только на практике толку от этих резолюций – ноль. Уже в июне, под руководством одного из делегатов съезда, некоего Джугашвили, бандит Камо со товарищи, ограбили банковский фаэтон на Эриванской площади в Тифлисе. В результате «Тифлисской экспроприации», как окрестили её газеты, жертвами бомбы, кроме кассира и двух казаков, стали несколько десятков прохожих... Не могли бы по своим связям узнать, где скрываются эти головорезы? Пачка с деньгами будет в два раза толще.

– Постараюсь! Я сам ненавижу эсдеков.

«Любит деньги и, как шутят питерские студенты: «Шибко боится Сибири». На этих двух крючках и висит налимом».

После «тайной вечери с Иудой Симоновичем», – оставшись один, полковник поднялся из кресла и потянулся, хрустнув суставами: «А Сибири чего сейчас бояться? В 1906 году Карповича выслали в забайкальский Акатуй, вместо того, чтоб сразу на осине вздёрнуть. Так по дороге, на одном из этапов, отпросился у охраны за папиросами сходить и был таков... Сейчас за границей их покупает. Азеф сообщил – к партии эсеров примкнул. И мой «дружок» Троцкий бежал. Свердлову всего два года наш гуманный суд дал. Скоро освободят ухаря. Стессель, правда, сидит... Но как у Христа за пазухой. Каждодневные свидания с супругой, чтение книг, усиленное питание... И жди теперь, как бы крепость англичанам или немцам не загнал, – мысленно поёрничал, вновь усевшись в кресло. – Брешковскую арестовывать поручика Банникова отправлю. Погляжу на него в деле. Эсеры могут и отомстить. Осенью прошлого года на генерала Ренненкампа покушались... За то, что усмирал бунтовщиков на железной дороге. А проигравший войну Куропаткин никаким репрессиям не подвергся. В 1906 году даже отчёт издал. «Для служебного пользования». Решил оправдать себя. Читал этот многостраничный опус. Вполне резонно, что в России не разрешили печатать. Пишет, что у нас всё плохо было в Маньчжурской армии, а у японцев – прекрасно. Значит, так руководил. Не сумел ни порядка в армии добиться, ни побед. Главная опора России сейчас – Столыпин. Имея политическую волю, Вторую думу летом распустил. Поделом болтунам. Мудро им ответил: «Не запугаете!» Последняя его речь в думе потрясла всю Россию: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТЯСЕНИЯ, НАМ НУЖНА

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ». Этому человеку стану служить на совесть, и, как говорили в старину: «Не жалея живота своего!»

Новый Год Рубановы встретили дома и без гостей.

– Семейный праздник, – поднимал тосты за 1908 год Максим Акимович.

Его подобный расклад совершенно устраивал – с генералом Троцким ещё будет время встретиться.

– Ты так и не решил, какое выберешь оружие? – обстоятельно обсуждал с Акимом приказ №74 от 1907 года, разрешающий офицерам иметь взамен «Нагана» револьверы и пистолеты других систем.

– Папа', может выбрать «Браунинг»? Наш Ряснянский приобрёл себе «Кольт». Только ни одну мишень из него поразить не может.

– Сынок, давай выпьем за меткий глаз и крепкую руку, – вдохновился Рубанов-старший. Закусив, продолжили занимательную тему:

– Буданов, словно ковбой, хвалится «Смит энд Вессоном».

– Стрелял я из него. «Наган» лучше. Глеб пишет, что ему пришлось по вкусу пистолет Люггера «Парабеллум». А я себе куплю Маузер.

– Папа', он позиционируется, на мой взгляд, как лёгкий карабин. У тебя что, ружей мало? Или хочешь с ним на охоту ходить? Давай лучше выпьем коньяку за Новый Год. Шампанское пусть дамы пьют, – краем уха услышал, как маман возмущается тем, что Нобелевскую премию по литературе за 1907 год получил никому в России неизвестный сорокадвухлетний Редьярд Киплинг, а не наш старейший писатель Лев Толстой.

– ... Да его мощностъ и убойную силу не сравнить с твоим браунингом, – восхвалял маузер отец, пропустив мимо ушей про какого-то Киплинга, не создавшего за свою жизнь ни одного пистолета. – Прицельная дальностъ – почти верста, а не пятьдесят шагов, как у остальных пистолетов.

– Фактическая – двести шагов, – стал спорить с отцом Аким. – А эффектная – всего сто шагов. И разброс пуль большой.

– Мужчины, хватит вам шуметь по пустякам, – с трудом перекричала их Ирина Аркадьевна. – Давайте лучше поднимем тост за будущих молодожёнов: Глеба и Натали, – не желая того, испортила настроение старшему сыну.

* * *

Зима незаметно канула в лету и наступила весна.

В начале апреля Рубановы прибыли в Москву на свадебное торжество.

Правда, чтоб всё подготовить, Ирина Аркадьевна приехала за неделю, остановившись не в гостинице, не у Бутенёвых, а у своей давней подруги Машеньки Новосильцевой.

Ольга ехать категорически отказалась, сославшись на плохое самочувствие и общую слабость.

Когда Аким с отцом, шурясь от яркого света люстр, ступили под своды большого ресторанного зала, их встретил многоголосый цыганский хор во главе с нарядным женихом.

– К нам приехал, к нам приехал, Максим Акимыч дорогой, – бархатным голосом выводила красивая цыганка в цветастой юбке, держа перед собою серебряный поднос с двумя наполненными рюмками.

Выпив, Рубанов-старший бросил на поднос несколько мятых десяток.

Песенно порадоваться приезду Акима цыганка не успела, а он, разумеется, выпить, так как младший брат, обняв его, а затем взяв под руку отца, повёл родственников на почётные места в снятом банкетном зале.

Цыганский хор, бренча на гитарах и заливисто распевая, двинулся за ними.

– Я тут самый невзрачный, – указал на мундир Павловского полка без шитья на воротнике Аким. – Зато тебе повезло. Как раз к бракосочетанию государь вернул гусарскую форму, – оглядел синий доломан брата, расшитый по груди пятью рядами золотых шнуров, и заправленные в короткие сапоги красно-коричневые чакчиры.¹

– Вместо погон, как в старые времена, золотые витые шнуры с прикрепленными гомбочками...

– С чем?

– Гомбочками. На которых определяющие чин звёздочки крепятся, – словно ребёнок радовался новой форме Глеб. – А ещё все офицеры полка вместо уставной драгунской шашки, кавалерийские сабли заказали. Не в деревянных, а металлических ножнах. Покажу потом, – усадив родных, поспешил к своему месту, на ходу крикнув брату: – Подойди с невестой поздравайся.

«Сияет как луч прожектора, – невесело подумал Аким. – Или как отблеск света на лезвии кавалерийской шашки», – выискивал метафоры, и невнимательно выслушав отцовский тост, пригубил бокал с шампанским.

За столами что-то весёлое кричали гусарские офицеры, совершенно не обращая внимания на отставного генерала и пехотного гвардейца в орденах.

Случайно Аким встретился взглядом с Натали. Глаза её были печальны, что совершенно не вязалось со свадебным весельем.

Глеб с бокалом шампанского ходил между столов и чокался с товарищами, со смехом выслушивая их пожелания.

Натали сидела среди заставленного цветами стола и глядела на Акима.

Видимо от выпитого вина, на минуту ему пригрезилось, что видит её в рубановском саду среди кустов белых роз. Она в белоснежном платье и с книгой стихов на коленях, гладит белую кошку... Кипельно белый батист соскользнул с плеча, открыв нежное тепло тела. Сердце его просто разрывалось от любви к этой хрупкой черноволосой девушке, которая сегодня станет принадлежать его брату. Он будет обнимать эти нежные плечи и целовать жёлтые глаза... Никогда ещё Акиму не было так тоскливо и плохо, как в этот шумный весёлый весенний вечер.

* * *

После свадьбы, в Питере, на пасхальный день 13 апреля, Акима с Ольгой навестила компания старинных друзей-приятелей, которую привёл к ним в дом поручик 145-го пехотного Охтинского полка Виктор Дубасов.

Перво-наперво расцеловав Ольгу, пошёл сюсюкаться с крестником.

Когда все разместились за столом, во главе которого восседал Максим Акимович, Дубасов, выпив и закусив, изрёк:

– Дамы и господа, – оглядел присутствующих, сделав замечание Дроздовскому: – А ты Михаил Гордеевич, зря улыбаешься. У меня очень серьёзное сообщение, о котором скоро пропечатают в газетах.

– Опять Буфф развалил? – выдвинул версию Аким.

¹ Чакчиры – штаны прямого покроя со штрипками внизу. Во всех гусарских полках крапового цвета, кроме 5-го и 11-го полков.

– В сущности, угадали. Только на этот раз вдребезги разнёс провинциальный театр, – хихикнула белокурая Полина. – Мне с трудом удалось оторвать поручика от трагика.

– Да-а! – задумался на секунду Дубасов, подбирая приличный эпитет к слову «лицо». В уме, как нарочно, вертелись лишь выражения: рожа, харя и морда. – О-о! Физиономия этого актёршишки стала весьма комичной после встряски.

– За что фигляра обидели? – не слишком сердито поинтересовался Рубанов-старший.

– Этот скоморох осмелился высмеивать со сцены отца Иоанна Кронштадского.

– Мы с Виктором случайно попали на пьесу «Чёрные вороны», что представил публике бывший епархиальный миссионер, господин Протопопов, – добавила Полина, успокаивающе проведя тыльной стороной ладони по рукаву кителя поручика. – Материалом для неё послужили клеветнические статьи, что печатают в газетах толстовцы. По этим статьям псевдодраматург и слепил свой пасквиль.

– Просто поражён вашим деянием, господин поручик, – хохотнул Рубанов-младший и сделал паузу, ожидая, пока Аполлон разольёт по бокалам вино. – Никогда не замечал в вас религиозной одержимости. Ну ладно для куража пианино сломать...

– О, бесценный друг мой, – поразил приятеля вступлением Дубасов. – Сам знаешь, на войне самые безверные верить в Бога начинают... Однажды, думая, что живым из передраги не выйду, вспомнил почему-то отца Иоанна и мысленно попросил помолиться за меня... И остался жив... А возвращаясь из Маньчжурской армии домой, увидел по всей линии железной дороги, на столбах, заборах и стенах порочащие старца рисунки и листы со скабрёзными стихами.

– Безбожие это бездушие народа. Либералам и бомбистам срочно понадобилось разрушить народную веру, – прервал поручика Максим Акимович. – Опустошить совесть солдатскую и толкнуть на преступления... Что и происходило на транссибирской магистрали, пока Александр Николаевич Меллер-Закомельский с Павлом Карловичем Ренненкампом не прекратили беспорядки в полосе железной дороги. Как отставной генерал и поживший человек, много повидавший на своём веку, открыто скажу вам, юные господа... Нас, стариков, в большинстве своём ещё охватывает священный, чуть не запредельный трепет перед императором, олицетворяющим Россию. Для кого-то из моего поколения – это древние, освящённые веками устои, которые и означают саму жизнь... Смысл её. Ради чего можно пойти на любые жертвы и претерпеть любые страдания... Разумеется, есть среди нас и меркантильные люди, их, может даже, большинство. Ждущих от императора хороших пенсий, чинов, орденов, денежных выплат и прочих, таких вождённых благ. И всё равно, на мой взгляд, это лучше, чем желать развала страны и восстания низов. Ведь огромная часть сегодняшнего общества видит в лице монарха лишь цензуру,

нагайки, жандармов и тюрьмы... И не замечает подъёма промышленности и улучшения жизни. Им это даже не надо. А то трудно станет поднимать народ на революцию.

Глядя на отставного генерала, Дроздовский подумал, что его скепсис к уходящему поколению исчез: «Во все времена имеется недопонимание между отцами и детьми. Ещё Тургенев сочинил на эту тему книгу. Старшее поколение хотя бы знало, чего им надо и верило, чему служило... А сейчас лишь фрондирование своим отрицательным отношением ко всем начинаниям власти... Торжество сомнений и амбиций вместо верной службы Отечеству. В чести сейчас не патриоты, а так называемые «критически мыслящие личности», – сурово сжал рот. – В стране меняется отношение к царской власти. Традиционная абсолютная монархия уже сошла на нет... Как бы не рухнула и конституционная».

Отец Иоанн знал, что этот год станет последним в его земной жизни.

15 лет назад он предсказал свою кончину: «Смерти я не боюсь, – долгими ночами думал он. – И даже возгораюсь крепким желанием увидеть ХУДОЖНИКА, который меня сотво-

рил по образу и подобию Своему с разумом, чувством, свободой воли и бессмертием души... Больно за Россию. Только и думаю о ней, оставляя пределы Мира. Я знаю, у России есть душа. Это – Православие. Погибнет душа – не станет и России. Сегодня у меня важный день... Сил уже мало осталось, но надо собраться... Депутаты Третьей Думы просят встречи со мной».

С трудом поднявшись с постели, упал на колени пред иконой Христа с трепетным светом лампадки и зашептал ежедневную свою молитву:

– Господи! Имя Тебе – Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося. Имя Тебе – Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего. Имя Тебе – Свет: просвети душу мою, омрачённую житейскими страстями. Имя Тебе – Милость: не переставай миловать меня», – вспомнил завет Иоанна Златоуста: «Священник должен иметь душу чище самих лучей солнечных, и чтоб он мог сказать: и уже не я живу, но живёт во мне Христос».

9 мая утром отец Иоанн провёл раннюю службу в Андреевском соборе. 49 членов Третьей Государственной думы присутствовали на ней. И здесь же стоял весь кронштадский генералитет, адмиралы, командиры кораблей.

Забыв о болезни, громко, на весь собор он возвестил:

– Вы, собирающиеся в Третью думу и готовящиеся быть советниками Царю, которого Держава занимает шестую часть света... Изучите всесторонне её потребности и нужды, болезни и раны родины, её бесчисленные сокровища, земли и воды, коими так много пользуются иностранцы по непредприимчивости русских... Будьте правой рукой Государя, очами Его, искренними и верными, деятельными и доброжелательными. При этом помните, что Отечество земное с его церковью, есть предверие Отечества небесного. Потому любите его горячо, и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную – Там!

«Нет ничего на земле быстрее времени. Даже пуля в сравнении с ним не летит, а ползёт, – после двадцатилетия стал задумываться о годах Аким. – Старее... Не по дням, а по часам», – несколько утрировал он.

Словно подтверждая его теоретические выкладки, мигом пролетело лето и в конце сентября, как гренадёрка на голову (названием своего головного убора в известной русской поговорке павловцы заменяли слово «снег»), свалились младший брат с молодой женой и собакой Ильмой.

– Меня в драгунский отдел Офицерской кавалерийской школы перевели, – обнимал Акима и целовал руку Ольге Глеб. – До пятнадцатого августа следующего года обучаться стану, – радовался встрече. – Когда родители из Рубановки изволят пожаловать? – с улыбкой наблюдал, как растерявшийся старший брат целует руку такой же растерянной Натали и после, для успокоения, гладит собаку.

– Первого октября обещали прибыть.

– О-о! Как раз в этот день занятия начнутся. – Натали, любимая, ну чего ты как посторонняя стоишь? Мадам Камилла...

– Любимая.., – шутливо съязвил постепенно приходящий в себя старший брат.

– Ха-ха! Мадам, покажите нашу комнату и наведите в ней порядок.

– Чтоб как в казарме всё блестело, – вновь внёс шутливую словесную лепту в речь взбалмошного брата Аким.

Женщины заулыбались.

– Натали, нам придётся, дабы не выводить из равновесия братьев, вновь подружиться.

– Да, Ольга, согласна, – не стала спорить та и, подойдя, чмокнула в щёку бывшую подругу. – Обстоятельства складываются именно таким образом, – добавила она, неожиданно рассмешив всю компанию.

– Чересчур выпренно и пафосно, – вновь высказал своё мнение Аким, подумав: «Неужели так бывает? Только вчера разглядывал фотографию, где нас с Натали снял фотограф

с кошачьим бантом на шее... И вот сегодня она здесь, рядом, – исподволь любовался жёлтыми глазами и мягкой, неброской красотой молодой женщины. – Неужели я всё ещё люблю её?» – поразился и в то же время испугался он. – Это что на Шпалерной в Аракчеевской казарме? – не слушая подтверждения, добавил, дабы восстановить душевные силы и образ бравого вояки. – Николаевское военное училище покажется тебе институтом благородных девиц...

– А вот институт, милостивый государь, просим не трогать, – шутиливо возмутились дамы.

– Ну тогда, – развёл он руками, радуясь в душе, что натянутые отношения между ними проходят, – желаю тебе не стать кавалером ордена «Золотой репы», – развеселил брата. – Не лететь с коня головой в опилки первым из курса, – объяснил дамам значение награды. – Слышал, что двухлетний курс проходят около ста офицеров кавалерийских полков, а на ужасные парфорсные охоты, введенные бывшим начальником школы генералом Брусиловым, направляются даже толстяки-полковники, кандидаты в командиры полков. Говорят, некоторые из них, с перепугу уходят в отставку, лишь бы не скакать с десяток вёрст по пересечённой местности за бегущими «по живому зверю» гончими собаками.

– По какому ещё «живому зверю?» – разволновалась Натали.

– Обычно используются олени, – внутренне обрадовался, что супруга волнуется за него, Глеб.

– Даниели, – уточнил Аким, дабы блеснуть своей осведомлённостью и эрудицией. – Содержатся в питомнике. Ездили когда-то с отцом глядеть на них.

– А я, как в Рубановку попаду, среди местных помещиков парфорсные охоты введу. А то всё уточки им. В основном, жареные. Вот пусть Полстяной за Трезором с Ильмой на коне погоняется, враз похудеет. Да вы его не знаете, господа. Мадам Камилла, не пора ли обедать? – спросил у проходящей мимо домоправительницы Глеб.

Для прибывших из Рубановки Максима Акимовича с Ириной Аркадьевной оказалось приятной неожиданностью увидеть на перроне не только старшего сына, но и младшего.

Капельному Максиму из всей этой суетной толпы из пап, мам, бабушек, дедушек, больше всего пришлась по душе Ильма.

К тому же её имя выговаривалось легче, чем «Глезол».

– Сынок, да что ж не сообщил, что в Питер приехал? – цвела Ирина Аркадьевна, по очереди целуя сыновей и невесток. – Да иди ты, – шуганула лезущую лизаться собаку.

– Сюрприз! – улыбался Глеб.

– Сюплиз, – задумчиво повторил мелкий Максим, – развеселив и без того довольную родню и Ильму, запрыгавшую около малыша.

– Сын, что у тебя за форма? – удивился отец, разглядывая чёрный доломан с золотыми шнурами и чёрный ментик, подбитый алым сукном и отороченный мехом, небрежно накинутый на плечо.

– Это с прошлого года новая парадная форма школы. Пришлось сменить синий цвет на чёрный, – не очень огорчённым тоном произнёс Глеб.

– И кто сейчас у вас начальник?

– Генерал-майор Владимир Михайлович Безобразов.

– О-о! Он уже генерал?! – поразился отец.

– Мужчины, дома наговоритесь, – повела родню по перрону Ирина Аркадьевна.

– Господа! Кто желает с ветерком прокатиться на моторе и мигом попасть домой?

Пожелали Глеб с отцом.

Движок, разумеется, как всегда не вовремя заглох, и по приезде их весело встретили воплями иронического восторга:

– Наконец-то! Прибыли! Заждались уже!

– Думала, в Рубановку уехали! – смеялась Ирина Аркадьевна, любуясь сыновьями и мечтая: «Господи! Одари когда-нибудь ещё раз таким счастьем».

Весь октябрь молодёжь, согласно завистливым словам Максима Акимовича, вела разгульный образ жизни.

Ибо из двадцати четырёх офицеров, принятых в казачий отдел Школы, один оказался Кириллом Фомичом Ковзиком.

А из Варшавского военного округа прибыл в отпуск бывший паж, а ныне штабс-капитан Сергей Рудольфович Игнатьев.

– Господин Ковзик, ну как вы могли променять гусарский доломан на казачью бекешу? – вопрошал, сидя в ресторане, Глеб. – Смотрите, как вас украшает чёрная гусарская форма.

– Господин живой бог, во-первых, я не ёлка, чтоб меня украшать; во-вторых, с некоторых пор не вижу ничего почётнее, чем служить в Забайкальском казачьем войске. Видимо – судьба!

– Господа! Судьба, оказывается, капризная и загадочная дама, – гремел на весь зал граф Игнатьев. – Взять, к примеру, павлонов... Лучших женщин у пажей уводят, – склонив голову, поцеловал руку Ольге. – Да и кавалеристы хороши, – дотянувшись, припал к руке Натали. – И чувствую, что Полина с Варей тоже достанутся другим, – с улыбкой оглядел покрасневших девушек, одна из которых, белокурая Полина, сидела рядом с молчаливым сегодня Дубасовым, а за другой активно ухаживал Ковзик.

1-го ноября штабс-капитана Буданова, приказом по Павловскому лейб-гвардии полку, перевели командовать 2-й ротой вместо капитана Васильева, высочайше получившего чин полковника. А штабс-капитана Рубанова поставили на должность командира 1-й роты.

Забот стало невпроворот и посещать рестораны времени не было. К тому же Игнатьев уехал к месту службы, у «школьников» начался учебный курс, а у Дубасова – бурные любовные отношения с Полиной.

Максим Акимович перестал завидовать сыновьям, ибо 1-го ноября, в Париже, скончался отставной генерал-адмирал Российского Императорского флота великий князь Алексей Александрович, о чём возвестил высочайший манифест, и они с генералом Троцким принялись весьма активно поминать покойного, тело коего траурным поездом доставили на Николаевский вокзал столицы. 8-го ноября, по высочайше утверждённому церемониалу, состоялось погребение «семи пудов августейшего мяса», как злословили записные остряки, в Петропавловском соборе.

Литургию и отпевание совершил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний. На погребении присутствовал император. Случайно он заметил бывшего своего генерал-адъютанта, и тот получил приглашение посетить венценосную семью в Царском Селе.

Хорошо пахло морозным воздухом и умиротворяюще цокали копытами по мостовой рысаки.

Максим Акимович откинулся на спинку саней и задумался, глядя на заснеженные кусты и деревья Исаакиевского сквера.

– Во, черти. Всю дорогу перегородили, – ругнулся Архип Александрович, стараясь обехать длинный обоз низких деревенских дровней с накрытой рогожами поклажей. – Так и на вокзал, ядрёна вошь, опоздать можно.

«Чего мужички везут, интересно? Птицу битую, наверное. Либо свиные туши. Тьфу ты, прости Господи. Нашёл о чём думать, – почувствовал в душе досаду за неуместный интерес к крестьянскому товару. – К Его Величеству еду», – стал настраиваться на важную встречу Рубанов.

На вокзал приехали вовремя, а в Царском Селе его ожидала дворцовая карета.

Во дворце встретил старинный знакомый – седой старик в серебряных очках и наглухо застёгнутом сюртуке дворцового ведомства при орденах и медалях.

Ответив на приветствие служителя, и язвительно скосившись на его мирные награды, пошёл за ним в кабинет чуткого барометра царскосельских настроений барона Фредерикса.

Под седыми усами царедворца скользнула доброжелательная улыбка от вида отставного генерала и он, склонив в поклоне худую, рослую, чуть сутуловатую фигуру, предложил Максиму Акимовичу устраиваться в большом уютном кресле, располагающем к долгой, неторопливой беседе.

– У его величества премьер-министр Столыпин. Неизвестно, сколько времени займёт их встреча. Чаю, кофе? – предложил он гостю.

Максим Акимович поймал себя на мысли, что последние его приезды во дворец вызывают в душе необъяснимое беспокойство.

– Не сочтите за бестактность, Владимир Борисович. Однако позвольте вас спросить. Мне показалось или на самом деле только что видел во дворце мужика в косоворотке и смазных сапогах. Целый обоз подобных сермяжников перегородил дорогу саням, когда ехал в Питере на вокзал. Может, за мной кто из них увязался?

– Не извольте беспокоиться, Максим Акимович. Это, – покрутил головой по сторонам и понизил голос Фредерикс, – царский возжигатель лампад. Таковую должность предоставила ему Александра Фёдоровна.

– Шляются по дворцу все, кто ни попадя, потом свечи и пропадают, – пошутил Рубанов, до слёз насмешив барона.

– Тише, ради бога, тише, мой друг. Не вздумайте так пошутить при императрице, – предупредил он приятеля. – Молитвы его очень помогают царевичу Алексею во время приступов. Царица вся на нервах, – беседа перекинулась на тревожное здоровье государыни.

– А что же доктор Боткин?

– Причина недугов её величества не тело, а занедуживший астрал. Так говорит фрейлина Вырубова. А у нас на Руси издревле... Вы и сами это знаете, есть замечательные целители из простонародья.

«У нас на Руси...», – саркастически подумал Рубанов, отхлебнув из чашечки кофе. – Сказал бы: «У нас в Финляндии», – прислушался к речи сановника:

– У этого мужика большая внутренняя сила, способная вылечить царицу и её сына.

«Видимо, царская чета так и думает, коли их «барометр» рассуждает об этом».

– Что-то я не верю в деревенское знахарство, – поставив пустую чашечку на стол, произнёс Рубанов, планируя разговорить пожилого сановника и узнать для себя что-нибудь нужное: «Я ведь тоже когда-то был царедворцем», – оправдал свою хитрость.

– Зря, Максим Акимович, – под седыми усами мелькнула понимающая улыбка.

«Этот лишнего не скажет», – ответно улыбнулся Рубанов.

– Смею вас уверить, мне в минуту излечил зубную хворь лохматый и немый лесник. А вы столкнулись с Распутиным. Простой серый русский мужик. К тому же – бывший конокрад, – вновь улыбнулся из-под седых усов. – Прошу вас. Ежели вдруг о нём зайдёт речь, сделайте положительный отзыв – не пожалеете. А сейчас вам пора на аудиенцию, – увидел в проёме унылое лицо в серебряных очках на носу.

Проходя мимо раскрытой двери одной из комнат, Максим Акимович услышал сердитый лай.

– Эйра, не узнала меня? – нагнувшись, погладил лохматого скотч-терьера и, распрямившись, лицом к лицу столкнулся с императрицей.

Глядя на Рубанова, она зябко запахнулась в горностаевую ротонду и протянула руку для поцелуя.

Зная, что императрице это нравится, с приветливой старомодной учтивостью коснулся губами её руки и произнёс:

– Как там у Грибоедова, ваше величество: «Ваш шпиц – прелестный шпиц...» – улыбнулся ей и, нагнувшись, ещё раз погладил уже ластившуюся к нему собачонку.

– У меня не шпиц, а терьерша, – увидев, что «сатрапов» нет, а рядом лишь один из четырёх придворных эфиопов в придуманной ещё Екатериной Второй форме: экзотических алых штанах и расшитом золотом жакете, наплевав на этикет и дворцовый протокол, тоже нагнулась, с удовольствием потрепав шёрстку Эйры. – К Николаю? Передавайте ему от меня привет, – взяв на руки собачку, исчезла за тяжёлой дверью, тихонько закрытой американским негром Джимом Геркулесом.

Когда Рубанов вошёл в царский кабинет, государь задумчиво стоял в центре, заложив руки за спину и слегка расставив ноги в широких пехотных шароварах старого образца и мягких сапогах в гармошку. Одет был в застёгнутую на все пуговицы военную тужурку с полковничьими погонами. Поначалу Рубанов даже не узнал императора, так осунулось его моложавое лицо, а щёки, то ли от забот, то ли от тусклого освещения, избороздили землистые полутени.

Подойдя к монарху, остановился, согласно уставу за два шага, по-солдатски щёлкнул каблуками сапог и доложил:

– Ваше императорское величество, бывший генерал-адъютант Рубанов по вашему приказу прибыл.

– Ну-ну, Максим Акимович, полноте вам, – вышел из задумчивости Николай, обаятельно и как-то застенчиво улыбнувшись, – это был не приказ, а просьба, – взял под руку посетителя и проводил к креслу у стола, обойдя который, сел в такое же жёсткое кресло напротив. – Курите, – пододвинул раскрытый портсигар.

Сам тоже взял папиросу, неспешно чиркнул спичкой по заду толстого серебряного бегемота, и предупредительно, нарушив этикет, поднёс её к папиросе Максима Акимовича.

– Благодарю, ваше величество, – выпустил дым в потолок и расслабился, почувствовав, что внутренняя напряжённость и натянутость исчезли. – Её величество передавали вам привет, – заметил, как поникшее и утомлённое лицо Николая разгладилось, а землистые тени на щеках исчезли. – Эйру Александра Фёдоровна ловила. Убежал пёсик от хозяйки.

Император доброжелательно улыбнулся, почувствовав, что гость хочет поднять его настроение и хоть на время развеять тревоги и заботы.

Но это Рубанову не удалось.

– Как вы знаете, в октябре Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что может вылиться в большую европейскую войну, – нервно выдохнул облако дыма и загасил папиросу в пепельнице Николай. – Мы с Петром Аркадьевичем сегодня пришли к мнению, что к войне не готовы, а потому во внешней политике все осложнения следует дезавуировать и не отвечать на вызовы.

Рубанов согласно покивал головой.

– Столыпин выразился определённо жёстко, но реалистично, – взял другую папиросу государь. – Россия переживает вторую Цусиму... В сентябре министр иностранных дел Австро-Венгрии Алоиз Эренталь – внук спекулянта зерном из Праги, что всю жизнь красовался в длинных пейзажах, напрочь переиграл нашего Извольского, внука сановника и лицеиста по образованию.

«Фигляра по жизни и фата по привычкам», – мысленно добавил Рубанов.

–... Пригласив нашего министра погостить в моравском замке Бухлау, повёл с ним переговоры.

«В замке с таким названием русский человек, хоть и бывший лицеист, договориться не сумеет, – вздохнул Максим Акимович, – потому как на следующее утро окажется в китайском

городке Бодун», – образно и понятно прояснил для себя обстановку, в то же время внимательно слушая государя.

– ... Тот пообещал нашему лицеисту Дарданеллы, а может даже и всю Турцию, лишь бы мы не вмешивались. После встречи внук торговца зерном сообщил в газеты, что Россия согласна на австрийскую аннексию славянских территорий, нанеся мощный удар не только нам, но и Сербии. В результате беспочвенных мечтаний Извольского о проливах, доверие Белграда к России пошатнулось, а весь славянский Мир возмущён. Максим Акимович, генералов бывших не бывает... Как вы считаете, в силах мы воевать? – нагнувшись, сдунул пепел с какого-то документа на столе, а может спрятал лицо, дабы не выказать раздражение и досаду – никто не должен знать, какое у государя настроение и каковы его мысли.

– Ваше величество, – поднялся из кресла Рубанов. – Россия в данный момент абсолютно не готова к войне... Это не только моё мнение, но и подавляющего большинства военных. И не готова будет, как минимум, до двадцатого года.

– Да вы садитесь, у нас же неофициальная встреча и беседа, – дрожа пальцами, вновь закурил Николай. – Вы правы. Столыпин сказал, что если у нас будет хотя бы два десятилетия умиротворения и покоя, мир не узнает Россию, настолько она станет сильна и могущественна, – поднявшись, подошёл к окну и глянул на парк.

Светский навык подсказал Рубанову, что пора встать и откланяться – аудиенция закончилась.

«Генерал Троцкий как-то проговорился, что возвращаясь с царского доклада, всегда бывал охвачен верноподданническим упоением: «В душе возникает что-то возвышенно-мистическое, как у верующей старушки, причастившейся на Пасху: сподобилась!», – шутил он. А я почему-то священного трепета не испытываю... И даже чувствую жалость к этому невысокому доброму человеку с погонами полковника, который, кроме них, несёт на своих не слишком широких и мощных плечах колоссальный груз ответственности за Россию. Зря подал в отставку, – осудил себя. – Мало у государя верных людей осталось».

20 декабря 1908 года отошёл ко Господу Иоанн Кронштадский.

Именно такими словами сообщил барину о смерти праведника конюх Иван, размазывая по щекам слёзы.

«Пастырь не умер, не скончался и даже не преставился... А отошёл ко Господу», – размышлял Максим Акимович, направляясь ранним утром 22 декабря в Кронштадт.

Проводить в последний путь старца напросились: конюх Иван, кучер Архип Александрович, повар Герасим Васильевич, швейцар Прокопыч, сторож Пахомыч, дворник Власыч и даже лакей Аполлон.

Конечно, добирались до Кронштадта они отдельно от барина.

Ирина Аркадьевна, младший брат с супругой, баронесса Корф, княгиня Извольская, графиня Борецкая на похороны не поехали.

Невзирая на сильный мороз десятки тысяч простых людей устремились в Кронштадт.

«А ведь верно простые люди называли старца: «Народный батюшка», – стоя на литургии в Андреевском соборе, думал Максим Акимович.

Заупокойную службу, что совершал епископ Гдовский Кирилл, он слушал стоя среди народа, а не рядом с малочисленными генералами и адмиралами.

После службы траурная процессия двинулась по льду Финского залива к железной дороге в Ораниенбаум.

Гроб везли на катафалке в сопровождении 94-го Енисейского полка.

Специальный траурный поезд из Ораниенбаума прибыл на столичный Балтийский вокзал, откуда гигантская процессия двинулась за гробом на Карповку в Иоанновский монастырь, где завещал похоронить себя отец Иоанн.

– Где брать силы для праведной жизни? – вопрошал идущий рядом с Рубановым крестьянин.

– Только в Боге! – ответила ему пожилая нищенка: «Цель нашей жизни, – говорил праведник, – соединение с Богом, – вещала она. – В этой жизни – в вере, надежде и любви, а в будущей – в любви всесовершенной». – Отец Иоанн учил: «Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею», – вот первая его заповедь. Вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». – Иной, больше сих, заповеди нет.

К своему удивлению, оглядевшись, Максим Акимович увидел рядом с собой сыновей, поручика Дубасова и всю дворню.

В собор они не попали. Стоя рядом с оркестром Енисейского полка, глядели на музыкантов, а те неожиданно заиграли нежный, берущий за сердце, незнакомый вальс, от звуков которого из глаз Акима потекли слёзы.

– Да что это? – стесняясь, вытер их рукой в замшевой перчатке.

– Вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», – подумав, что незнакомый офицер спросил у него, ответил стоявший рядом юный подпоручик. – Посвящён погибшим в русско-японскую войну воинам 214-го пехотного Мокшанского полка. Наш капельмейстер где-то раздобыл ноты. Полковнику вальс очень нравится... Да и вам, смотрю, тоже.

На Рождество Рубановых навестила Любовь Владимировна с сыном Арсением и четырнадцатилетним Максимом.

После взаимных приветствий и поцелуев, как водится, сели за стол.

– Слава Богу, сыновья твои, в отличие от дочки, людьми стали, – с любовью оглядел племянников Максим Акимович.

Проглотив нелестный отзыв о Лизавете, Любовь Владимировна не стала полемизировать с отставным генералом. К тому же – праздник на дворе.

– ... Один артиллерист, – ласково покивал Арсению. – А другой даже меня удивил, ни то что отца, переведясь из сухопутного кадетского в Морской корпус. Моряков в нашей родне ещё не было. Первый адмиралом станет, – ободряюще улыбнулся зардевшемуся племяннику.

– Сумел каким-то образом Георгия Акимовича уговорить, – перебила Рубанова-старшего невестка.

– Расскажи Максимка, что там за правила? С Морским корпусом совершенно не знаком, – благожелательно попросил юношу дядя.

– Тушуясь от взрослого общества, будущий моряк вскочил на ноги.

– Да ты сидя говори, – улыбнулся Максим Акимович. Дисциплинирован, однако, – сделал он вывод.

– В Морском корпусе шесть классов. Три младших называются общими, а три старших – специальными. Для поступления в младший общий класс требуются знания трёх классов реального училища или гимназии. Три первых года мы кадеты, а потом станем гардемаринами.

– Хвалю, сынок. Выбор твой одобряю и если что – всегда окажу поддержку, – выпил и закусил, прислушавшись к новой теме разговора.

Тон задавала Любовь Владимировна.

– Недавно прочла рассказ о «Семи повешенных» Леонида Андреева. До сих пор прийти в себя не могу, – разволновалась она.

– Не надо, голубушка, так далеко уходить, а то обратную дорогу и вовсе можно забыть, – недовольный подобной темой разговора попробовал перевести его в более весёлое рождественское русло Рубанов-старший.

– Да полно вам, Максим Акимович колкости говорить. И так на душе тоскливо. Наказание, выразившееся в ожидании смерти. А потом – и сама смерть. Не имеет права государство убивать. Этим деянием оно уравнивает себя с бандитами. Семь жизней... Подумать страшно... Семь несчастных людей.

– Семь террористов, – уточнил Максим Акимович. – Этот рассказ ещё весной напечатали и Ольга все уши мне прожужжала... А теперь вы мадам, этого декадента, пессимиста и нытика восхваляете. Значит, вместе с ним революционерам-террористам сочувствуете и жалеете их. Давайте лучше я вам про нормальных писателей прочитаю, – вытащил из кармана сложенную до размера спичечного коробка газету.

– Ежели не понимаете ничего в литературе, то и молчите, мой друг. Сабанеева своего читайте. А Леонид Андреев – гений! Не хуже Достоевского. Так описать ожидание смерти. Такие образы, точность деталей и впечатляющий слог. Семь жизней, семь судеб и одна на всех Смерть.

– Матушка Любовь Владимировна. Вы не на поминки по семи повешенным пришли, а Рождество отмечать, – с помощью нехитрых манипуляций превратил скомканный листок в полноценную газету. – Фельетон «Как и что пьют русские писатели». И среди них ваш разлюбленный Леонид Андреев, – не спеша нацепил простые очки в костяной оправе, сделавшись похожим не на доблестного генерала, а на отставного телеграфиста.

Это и примирило профессорскую супругу с ехидным родственником.

– Придерживаясь классических традиций, начну издалека. Одна петербургская газета проанкетировала моральный облик современных писателей. И в результате получился вывод, что эти агнцы божии, по их клятвам и уверениям, пьют лишь одну прозрачную ключевую воду. Дабы точно удостовериться, репортёр этой благочестивой газеты обошёл буфетчиков самых посещаемых пишущей братией ресторанов, задавая им единственный вопрос: «Скажите пожалуйста, что пьют русские писатели?» Буфетчик излюбленного литераторами ресторана «Вена» ответил: «Русские писатели пьют преимущественно очищенную, но не брезгуют и пивом, которое спрашивают всегда бокалами. Когда средства позволяют, охотно требуют и коньяку, предпочитая хорошим, но дорогим маркам плохие, но зато дешёвые. Вина пьют редко, только когда угощают», – на халяву, как известно, и уксус сладок, – оторвавшись от газеты, прокомментировал поведение русских писателей Рубанов-старший и, задумчиво кашлянув, продолжил: «Что же касается ликёров, то склонности к ним не чувствуют, предпочитая повторить коньяк. В отношении закуски требуют той, которой за наименьшую цену полагается наибольшее количество. Многие пьют совершенно не закусывая или совершают обряд «ерша», заключающийся в том, что каждую рюмочку водки, запивают глотком пива». – «А как пьют русские писатели?» – «В кредит-с. Изредка за наличные или в рассрочку платежа. Иногда оставляют заложника и затем его выкупают. Если не забудут, конечно».

Братья переглянулись и погыгыкали, женщины осуждающе покачали головами, а Максим Акимович вновь прокомментировал:

– Вот сидя в заложниках, Леонид Андреев и сочинил рассказ про повешенных, – возмутил Любовь Владимировну, и удовлетворённый содеянным, продолжил рождественские чтения: «В отношении, так сказать, ёмкости, русские писатели идут непосредственно за купцами. Некоторые пьют до положения риз, но большинство отличается хорошей закалкой и ума не пропивает. Напившись, целуются, ругаются или хвалятся авансами, которые получили и пропили, или собираются получить и пропить. Замечено, что суммы явно преувеличивают, – сдвинув очки к кончику носа и оглядев слушателей, поразился немалому интересу на их лицах. Даже у женщин.

Поправив указательным пальцем очки, продолжил:

– В «Капернауеме» тот же вопрос буфетчику и ответ: «Пьют водку-с. Иногда начинают с пива. Закусывают мало». – «А вина?» – «Не уважают-с. Старые писатели – те действительно требовали винца и толк понимали, а у нынешних кроме водки никакой продукт не идёт». – «И много пьют?» – «Пьют зло-с. Злее писателя один только мастеровой пьёт-с».

– А теперь в трактире «У Фёдорова», – вытаращил глаза над очками Рубанов и вновь уткнулся в газету: «Русский писатель пьёт больше у стойки, а на закуску берёт бутерброд из пятачковых. Некоторые беллетристы припускают в водку пивка. Для вдохновения, говорят. Не дегустируют. Пьют залпом». – «А пьют ли русские драматурги?» – «И курица пьёт. Как же не пить русскому драматургу? Но драматург на четвёртом месте по ёмкости. В первую голову идёт по ёмкости публицист, за ним беллетрист, после поэт, а затем уж драматург...»

– Вот вам результат беспристрастной анкеты, – вновь сложил газету до уровня спичечной коробки Максим Акимович и бережно убрал в карман. – Троцкому ещё почитаю.

– Папа', а нет ли там про военных?

– Военные, разумеется, на первом месте, – успокоил сыновей и племянников. – Потом мастеровые, купцы, писатели, нефтяники и кораблестроительные инженеры.

– Скорее бы стать офицером! – возмечтал Арсений, с завистью оглядев прикреплённый к кителю Акима недавно утверждённый нагрудный знак Павловского лейб-гвардии полка – копию золотого Прейсиш-Эйлауского креста с надписью: «Победа при Прейш-Ейлау 27 ген. 1807г.».

Император на Рождество, видимо, тоже прочёл алкогольный фельетон, сделав аналогичный рубановскому вывод о ёмкости военных.

Приказом по военному ведомству за №584 от 30 декабря 1908 года водку в армии объявили вне закона, и она заменялась на лёгкое виноградное вино, которым брезговали поголовно все русские писатели новой формации.

Такого грустного Нового года нижние чины Императорской Российской армии за всю её историю ещё не испытывали.

И даже полковой священник, увещевая и призывая их к тверезой жизни, делал это как-то вяло и без бога в душе.

После новогодних праздников полковник Ряснянский собрал офицеров в портретном зале, назвав его отчего: портерным...

– Господа! Надеюсь, находясь в ресторанах, между тостами, вы просматривали приказ за №584, из коего следует, что разгульная жизнь офицерского собрания остаётся в прошлом.

Сидевший в кресле напротив портрета генерал-майора фон Рейтерна Аким увидел, что Магнус Магнусович удивлённо поднял брови.

– Старший начальник обязан личным примером воздействовать на младшего в плане сокращения употребления спиртных напитков.

Глаза у фон Рейтерна вылезли из орбит и, по мнению Акима, попадись ему Ряснянский, выдрал бы из него весь плюмаж и ещё прошерстил бы вдоль хребта артиллерийским банником.²

Евгений Феликсович видно почувствовал это и пошёл на попятный:

– Потреблять спиртное, конечно, офицерам категорически не возбраняется, но они сами могут отказаться от употребления алкоголя.

После этой фразы Акиму показалось, что соседний с фон Рейтерном генерал-майор Моллер Фёдор Фёдорович, сожалеюще глядя на Ряснянского, покрутил у виска пальцем.

² Банник. – Деревянная цилиндрическая колодка со щёткой, насаженная на древко. Служит для очистки канала орудия от порохового нагара.

«Нет, не следовало вчера столько пить с Дубасовым», – подумал он.

– Штабс-капитан Рубанов, ну что у вас с самых младших офицерских чинов за привычка в портерном, тьфу, в портретном зале по верхам глядеть? Сосредоточьте внимание на мне. Своём командире. А портретами бывших командующих полком потом полюбуется. И вообще! Назначаю вас председателем полкового общества трезвости.

Поднимаясь из кресла, краем глаза Аким заметил, как Магнус Магнусович с Моллером упали в обморок.

– Я не потяну столь ответственную должность.

– А вы не препирайтесь со старшим полковником. Приказ начальника – закон для подчинённого.

– Я не препираюсь, господин полковник, а каюсь, ибо вчера посетил привокзальный буфет, где нарушил все мыслимые и немыслимые параграфы антиалкогольного Указа.

Фон Рейтерн с Моллером, выйдя из обморочного состояния, уважительно глянули на офицера.

– Да вас за это на суде офицерской чести следует разбирать... Но уверен, что оправдают. Господа. Наша задача, как лучшего гвардейского полка, являющегося примером для всей Императорской армии, обратить внимание на соответствующую организацию офицерского собрания, придав ему характер семейный, учебный и спортивный.

– Так точно, господин полковник. Вместо застолий кувыркаться, отжиматься и приседать будем, – рассмешил генералов Аким.

Все офицеры, покивав головами, поддержали командира 1-ой роты.

– Господа! Моя задача довести до вашего сведения данный Указ, что я с чистой совестью и сделал. Догадываюсь, как мы будем исполнять его, – присовокупил себя к офицерской массе. – Но с нижними чинами следует заниматься устройством спектаклей, осмотром музеев, посещать по удешевлённым ценам театры, выставки, цирк... То есть отвлекать их от пагубной привычки пить в увольнении алкогольные напитки, – закончил он нравоучения. – Вопросы есть?

– Так точно! – взбунтовался Рубанов. – Господин полковник, а сборкой-разборкой винтовки, изучением нагана...

– Так, всё! Вольно-разойдись. А вас, господин штабс-капитан, попрошу остаться...

Дождавшись, когда посмеивающиеся офицеры удалились из портретного зала, помолчав, для нагнетания у подчинённого нервных флюидов, полковник, подправив гвардейские усы, начал душещипательную беседу:

– Вы очень складно говорили во время моего выступления. Потому, как единственный участник боевых действий с японцами, проведёте беседу с субалтерн-офицерами полка о тактической подготовке пехотной роты во время русско-японской войны. Это, думаю, будет весьма полезно для совершенствования профессионально-должностной подготовки обер-офицерских кадров.

– Господин полковник...

– Не перебивайте старшего по званию, господин штабс-капитан. Я ещё не закончил. Его превосходительство назначил дату проведения учений на местности нашему батальону. Меня будто бы убили, типун мне на язык, а вы, как мой заместитель, приняли руководство батальоном. Вот и займитесь решением тактических задач в теории, составив описание манёвров и учений. Пошагово всё опишите в донесении, которое и предоставите мне. Что вы давеча собирались сказать?

– Господин полковник, – на самом деле перепугался Рубанов. – У меня совершенно нет для этого времени. Оно занято заполнением разных отчётностей в толстенных прошнурованных, пронумерованных и полковою печатью заверенных гроссбухах о деньгах на хозяйственные нужды роты. О деньгах, выданных роте из полковой казны за несение городских караулов.

О деньгах, отпускаемых из полка на наём бани. К тому же возникла путаница с деньгами за дрова, отпущенные полком для приготовления пищи. Вообще не знаю, куда эти дрова делись, и докупил их за свой счёт...

– Всё-всё-всё! – поднятием ладони пресёк словоизвержение подчинённого Ряснянский. – Скажите спасибо, что не командуе эскадроном в кавалерии. Там бы ещё заполняли отчётность о продаже навоза и полученной за это суммы. И командира кавалерийского полка ни на йоту не будет волновать, коли у лошадей случится запор, – заржал полковник, неожиданно для себя полностью восстановив нервную систему ротного командира, подумавшего: «Бедный Глеб. Скоро ему придётся подобную ведомость заполнять, а если не хватит, то где-то добывать навоз. Но для живого бога – это раз плюнуть».

– Чего это вы улыбаетесь, господин штабс-капитан? – подозрительно осведомился Ряснянский. – Представили типун на моём языке?

– Никак нет, господин полковник, – мысленно ликвидировав нервные флюиды, даже щёлкнул каблуками от удовольствия Рубанов. – Составляю в уме план доклада.

– И что же в нём смешного?

– Вспомнил о закупке навоза в гусарском полку для ротного огорода.

– Хвалю! Вот это вы молодец, – отпустил офицера старший полковник.

Новый 1909 год начался с больших проблем не только у штабс-капитана Рубанова, но и у полковника Герасимова, не говоря уже о разоблачённом сексоте Азефе.

Журналист и охотник за провокаторами Владимир Бурцев обнародовал доказательные материалы, свидетельствовавшие, что Азеф был агентом полиции и одновременно возглавлял эсеровских боевиков, участвуя и руководя террористическими актами.

Сомнений в этом не было, ибо бывший директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин, безусловно нарушив все должностные инструкции, подтвердил, что Азеф являлся агентом полиции.

«Да как он смел, – осуждал более Лопухина, нежели Азефа, полковник Герасимов. – За «кровавое воскресенье» и смерть великого князя Сергея от рук бомбистов сняли с должности начальника Департамента, но тут же определили на другую, сделав эстляндским губернатором. Там тоже намутил, поддерживая бунтовщиков и даже создав из них отряды вооружённой рабочей милиции, успешно гонявшие полицию и жандармов. Спасибо, пришедший на смену Святополк-Мирскому новый министр внутренних дел Дурново, с треском выгнал Лопухина без пенсии в отставку. Это, видимо, и разозлило действительного статского советника, коли, презрев все полицейские законы и нормы, которые он и до этого не уважал, ринулся выводить на чистую воду моего осведомителя. Азеф-то тёртый калач. Благополучно сумел раствориться в Европе, а вот Алексея Александровича арестовали по обвинению в раскрытии служебной тайны. И даже его товарищ по орловской гимназии Пётр Аркадьевич Столыпин возмущён его действиями и не собирается выгораживать своего однокашника. Как бы фемида и обо мне не вспомнила. Инкриминируют какую-нибудь ерунду, типа – попустительство... И прощай карьера. А то ещё и на нары к Стесселю с Лопухиным отправят».

Вскоре Лопухин был приговорён к лишению всех прав состояния и каторжным работам на пять лет.

Однако Общее собрание кассационных департаментов Правительствующего Сената смягчило приговор и заменило каторжные работы ссылкой на поселение на тот же срок.

Но всё это были частности в сравнении с набиравшим обороты Боснийским кризисом.

Сербия и Черногория объявили мобилизацию и отказались признать аннексию Австрией Боснии и Герцеговины.

Общеввропейская война была неизбежна.

Русское общество сочувствовало братьям-славянам, и по всей стране шла запись в добровольческие отряды, готовые выступить на помощь боснийцам.

– Дмитрий Николаевич Кусков написал в письме, что в Москве уже десять тысяч добровольцев ждут отправки на войну, – сообщил родителям Глеб. – Только вот, пишет он, губернатор Москвы и Московской губернии генерал-майор Джунковский выступает против.

– Правильно делает. Владимир Фёдорович растёт ни по дням, а по часам и уже зачислен в Свиту Его величества по гвардейской пехоте. Это на ступень выше флигель-адъютантства. Дети мои, история имеет свойство повторяться. В дни давно минувшей молодости всё это уже было. Только с незначительной разницей. Тогда тоже развернулось движение в поддержку славянских народов. В обществе возникла дискуссия между славянофилами и западниками. Первые, в лице своего лидера, писателя Достоевского, доказывали, что Россия, придя на помощь славянским народам, выполнит свою главную историческую миссию, сплотив их вокруг себя на основе православия. Вторые, в лице Тургенева, отрицали всякую духовность и были более практичны, считая, что целью войны является освобождение болгар. Коли все слои общества за войну, Россия 12 апреля 1877 года и объявила её Турции. Население Болгарии восторженно встретило свою освободительницу – русскую армию. Румыния в мае провозгласила полную независимость от Турции.

Потеряв в боях 20 тысяч убитыми и 60 тысяч ранеными, Россия заключила Сан-Стефанский договор. После войны на княжеский престол Болгарии взошёл принц Александр Баттенберг. Отношения между ним и Россией постепенно стали ухудшаться. Князь способствовал подчинению Болгарии австрийскому влиянию. А в 1887 году избранный на болгарский престол принц Фердинанд Саксен-Кобург-Готский и вовсе подавил прорусскую оппозицию, приняв австро-германскую сторону. Вот и воюйте за них. После этого я полностью разочаровался в идеологии панславизма о политическом и духовном единении славян. Малые славянские народы вспоминают об этой идее, лишь когда Турция или Австро-Венгрия прижмут им хвост. Приходите и выручайте нас, русские братья. Кладите жизни за нашу свободу. А когда добьётесь – пошли вон!

– Папа', ты не прав, – возмутился Аким. – Славян объединяет языковая, религиозная и культурная общность. Не удалось вашему поколению, удастся нам.

– Наивная молодёжь, – покачал головой Максим Акимович. – Русские должны воевать только за Россию. Правильно говорил император Александр Третий, что единственные союзники России – её армия и флот. А все эти болгары, румыны и прочие «братушки», почуяв опасность, тут же подожмут хвост и перейдут на сторону нашего врага. Франция нас сразу же предала по вопросу о проливах. Зачем ей мощная Россия. Единственная ошибка Александра Третьего – заключение договора с этими либеральными лягушатниками. Чувствую, это ещё выйдет нам боком. Лучшим нашим союзником была бы императорская Германия. Но Николай, не просчитывая сегодняшнюю ситуацию, всей душой верит заветам почившего в бозе отца: европейский мир, незыблемость самодержавия и франко-русский союз. Но все эти три ипостаси трещат по швам.

4 февраля в Петербурге скончался младший брат императора Александра Третьего и дядя царствующего государя великий князь Владимир Александрович Романов, о чём было официально извещено Высочайшим Манифестом от того же дня.

На отпевании присутствовали император, вдова покойного великая княгиня Мария Павловна, члены императорской семьи и министры.

Рубанов-старший на погребении в Петропавловском соборе не присутствовал – простудился и заболел.

Аким, к своему удивлению переживал о кончине великого князя, с удовольствием вспоминая, как попался ему на дежурстве, будучи подпоручиком и загремел на гауптвахту.

Жизнь, между тем, шла своим чередом.

В мае родители, забрав с собой ненаглядного внука, уехали в Рубановку, а братья – в Красносельский лагерь.

Ольга с Натали сняли дачу под Дудергофом и вместе с мужьями, часто наезжавшими их навестить, наслаждались летним отдыхом.

В этом же месяце, к радости Акима, в стройные ряды Офицерской кавалерийской школы влилось несколько выпускников Академии генерального штаба, среди которых оказался и штабс-капитан Дроздовский.

– О, горе мне! – в шутку воздевал он к небу руки. – Теперь целый год предстоит учиться в «лошадиной академии». В Академии генштаба она пользуется репутацией малоприятного учреждения. Да ещё так называемые «мёртвые барьеры», врытые в землю. Не дожить мне до генеральского чина и не командовать дивизией.

– Это, Михаил Гордеевич, ты высоко замахнулся. Ну, хотя бы полком командовать. Беру тебя в ученики, – улыбнулся Глеб. – Через месяц станешь отъявленным кавалеристом, и любой барьер с закрытыми глазами будешь брать.

В июле весь состав Офицерской школы направился в окрестности местечка Поставы, Виленской губернии, где начались парфорсные охоты.

Офицеры разместились в специально построенном охотничьем замке, где их жёнам места не нашлось.

Аким, купаясь в Дудергофском озере, сильно простыл и, взяв отпуск по болезни, присовокупил к нему 28 дней положенного ежегодного, отбыв с Натали и Ольгой в Рубановку.

– Хоть немного падишахом побуду, – кашляя, зубоскалил он, любуясь Натали и удивляясь этому, и даже злясь на себя.

Закрывал глаза, притворяясь спящим, но потом, шурясь от солнца из окошка, вновь наблюдал как она, сидя напротив, увлечённо читает книгу и, забывшись, словно маленькая девочка, шевеля губами, шепчет понравившиеся строки. А затем, положив на столик томик стихов, закалывает шпильками волосы, задумчиво глядя на мелькающую за окном берёзовую рошу.

– Натали, чего читаешь? – отважился спросить. – Не Брюсова случайно.

– Случайно нет, – улыбнулась она, взяв со столика книгу. – Бальмонта.

– Француз что ли?

– Русский поэт, – полистала томик стихов.

– Прочти что-нибудь, если не трудно.

– Не трудно, – сосредоточенно сощурилась, читая про себя строки и шевеля губами, вызвав этим волну нежности в сердце Акима. – Вот! Давно, ещё в девятисотом году написанное стихотворение: «Безглагольность».

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали...

– Стихи читаете? – зашла в купе Ольга. – Я чай у проводника заказала, – подозрительно оглядела мужа с невесткой.

«Как она не вовремя», – расстроился Аким.

– Бальмонта, – глянула в окошко, а затем на Ольгу Натали. – Очень популярный современный автор.

– И что же у него такого выдающегося есть? – присела на мягкий диван.

– У каждого свой вкус, – отчего-то застеснялась Натали. – Вот, например, интересное четверостишие:

Мне чужды ваши рассуждения:

«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».

Я – нежный иней охлажденья,

Я – ветерка чуть слышный вздох.

– Заумно и экстравагантно, – пришла к умозаключению Ольга.

– Поэт отобразил не мир, а субъективные ощущения от него, – оправдала стихотворца Натали.

Аким, старательно отводя от неё взгляд, неожиданно почувствовал в душе нежные звуки вальса и отвернулся к вагонной стенке, слыша, словно сквозь сон, голос супруги:

– А я Арцыбашевым зачитываюсь. Его «Саниным» особенно. И ничего фривольного в романе не нахожу, – тоже стала оправдывать автора. – По манере и стилю – реалист и натуралист.

– Да этот Санин подлец, – вскипела Натали. – Смысл жизни для него не помогать ближним, а брать от жизни сколько можно. Сестре посоветовал уничтожить ребёнка, подстрекает Соловейчика к самоубийству, избивает Зарудина, который после этого убивает себя. Одно слово – мерзавец.

– Скорее – современный человек, – голоса куда-то удалялись, будто поднимаясь в небо и растворяясь там, а вместо них во вселенной нежно за- звучал вальс.

В Рубановке болезнь окончательно свалила его, словно ждала, когда он доберётся домой.

Глотая порошки и микстуры, Аким поначалу безучастно глядел в потолок, но вскоре его внимание захватила огромная чёрная ворона, выбравшая местом дислокации ветку тополя, и, в свою очередь, с не меньшим любопытством наблюдающая оттуда за Акимом.

А может, ему так казалось после стихов Бальмонта: «Как там говорила Натали? Важны ощущения, оттенки личных переживаний, а не сама действительность, – кашлял он, наблюдая за птицей. – Нет, от действительности никуда не деться. Просто следует всё это совмещать».

– Папа', – позвал отца. – Не сочти за трудность выполнить желание больного.

– Да любое. Особенно выпить за твоё здоровье.

– Выпей, а закусить вынеси кусочек сыра вон той вороне, – кивком головы указал на тополь с сидящей на ветке чёрной птицей.

– Чем бы дитя не тешилось, лишь бы выздоравливало, – выполнил просьбу, и вместе с сыном наблюдал за действиями, как он выразился, карги. – Это ты басню Крылова вспомнил? – стал выяснять подоплеку события. – Чем чёрт не шутит? Может и лисица прибежит?! – мечтательно поласкал взглядом висевший на стене бельгийский двуствольный «Лебо» с роскошной гравировкой. – Семьсот пятьдесят рубчиков ружьецо, – неожиданно вспомнил цену. – Это сколько же надо лисьих шкурок добыть, дабы окупить его? – стал подсчитывать в уме количество, но сбился, выпил коньяку и понёс вороне закуску.

Через пару дней отставной генерал втянулся в опыты над героиней басни, и, несмотря на колкие взгляды супруги, целеустремлённо разбрасывал под деревом сыр, дабы поглядеть, что из этого выйдет. Постепенно у них с сыном сие действие перешло в маниакальную страсть, но полюбоваться вороной с кусочком сыра в клюве им так и не удалось. Лисы тоже не наблюда-

лось. Её с большой пользой для себя, заменил рыжий Трезор, с аппетитом сжирающий закуску и тоже задумчиво поглядывающий на подопытную.

Эксперимент с треском провалился, а там пошло выздоровление и постепенно идея «фикс» сошла на нет.

Больше всего страдал от этого привыкший к деликатесу Трезор.

В пятницу Рубановы пригласили священника, дабы почитал молитвы на здоровье. И правда, после этого Аким стал бодрее, жизнерадостно пошутив:

– Перечень смертных грехов, озвученный батюшкой, удивительно смахивает на мои воскресные планы, – очень обрадовал отца и напряг супругу, вспомнившую самый ужасный на её взгляд грех: не пожелай жены ближнего своего.

Шуганув безмятежно спящего на клавишах рояля чёрно-белого котёнка, Аким попытался наиграть мотив бравурного марша, начав, по мнению жены, отсчёт грехам.

Окинув взглядом натюрморт из разбросанных на алой плюшевой скатерти мелких зелёных яблок, с простой стеклянной вазой в центре, из которой выглядывали полевые жёлтые цветы и коричневая корявая ветка, облепленная ярко-красной смородиной, Аким надумал вдруг проехаться верхом на лошади в лес и полюбоваться природой.

Отцу эта идея не понравилась, а вот молодые дамы и Ильма с радостью откликнулись на его предложение.

Через полчаса две амазонки и выздоравливающий кентавр, в сопровождении собак, вскачь неслись по неширокой, заросшей пожелтевшей травой дороге среди ржаного поля и шагом уже, проехав узкие полосы овса и гречихи, выехали на луг с копнами скошенного сена и весёлыми ромашками, тут и там белеющими на невысокой стерне.

Наслаждаясь свежим ветерком и запахом трав, Аким вздрогнул от визга супруги.

«Ну вот, всю идиллию нарушила», – оглянулся, наблюдая, как та машет руками и вопит: «пчела-а», заиклившись на букве «а».

Подъехав к ней, хлопнул в ладоши, загасив этим действием крик.

– Прихлопнул кусаку, – сообщил потрясённой от пережитых волнений жене. – Это, наверное, та самая, что в Дудергофе Дубасова тяпнула, – услышал фыркание Натали. – Дамы! Рысью – марш-марш, – заорал он, прищипорив коня и направив его в сторону леса.

В прохладном сумраке гуськом ехали по натопанной тропе, отводя от лица тонкие ветки, и неожиданно наткнулись на тихое лесное озеро.

«Да я здесь уже был, – чему-то радуясь, подумал Аким. – Вон там Глеб ягоду нашёл, определив её как ежевику. Ничего. Жив до сих пор», – солидно слез с коня и помог дамам спуститься на землю.

– Жаба-а! – второй раз разрушила торжественное чудо природы Ольга, вновь надолго заиклившись на первой букве алфавита.

Исхитрившись, как Глеб в детстве, заткнуть пальцами одновременно глаза, нос и уши, каким-то шестым чувством угадал фыркание Натали, почему-то обрадовавшись этому, и гугниво, из-за заткнутого пальцами носа, осуждающе прогундел:

– Мадам! Жабочка, с перепугу, окочурилась, – применил гимназический термин, – от разрыва сердца, – чуть подумав, добавил диагноз.

– Я этого не хотела! – спокойным уже голосом стала оправдываться Ольга, до коликов развеселив всю компанию, включая и собак.

Трезор, дабы показать Ильме какой он бесстрашный кобель, с разбега ухнул в озеро, подняв сим глупым деянием тучу брызг, несколько десятков ответных прыжков в конец разнервничавшихся лягушек и третий вопль обрызганной Ольги.

Когда какофония звуков немного затихла, бедовый Трезор выбрался из воды и, рисуясь перед красавицей Ильмой, стряхнул со своей шерсти ведро влаги, щедро поделившись половиной ёмкости с горластой нынче мадам Рубановой.

– Сударыня, вы точно сегодня охрипните, и мне придётся лечить вас водкой.

– Согласна! – сбавила тон супруга, отряхивая платье. – Только я буду пить, а вы станете таскать сыр своей пернатой приятельнице. Уйди от меня, изверг мохнатый, – отогнала она бесшабашного пса.

Через день Аким забыл уже о недавнем недомогании, с увлечением играя в лаун-теннис с отцом и дамами.

А вокруг всё цвело и благоухало. И рядом Натали.

Аким ругал себя и старался не обращать на неё внимания, но глаза, помимо его воли, искали её и наслаждались видом молодой женщины, то сидящей на скамейке и внимательно изучающей потрёпанное майерское руководство по лаун-теннису, то воплощая его на практике в паре с Акимом.

«Я слежу не за ней, а за мячиком» – мысленно убеждал себя, отбивая её удары и любуясь стройной фигурой в воздушной блузе и узкой пикейной юбке.

А за теннисной площадкой, неподалёку от дома, как когда-то в далёком детстве, варили на примусах клубничное варенье, и серые женские глаза внимательно следили за мелькающим среди деревьев силуэтом молодого барина.

– Мама, мама, – подбежал к высокой статной женщине смуглый черноволосый мальчик с расстёгнутым воротом не слишком свежей косоворотки, – положи ещё пенок, – протянул деревянную миску.

– Настька, никак задремала?! – пряча в голосе смех, кричала ей полная крепкая женщина, помешивая деревянной ложкой булькающую массу. – За кастрюлей следи, а не за барином.

– Да ну тебя, Манюсь, – краснела подруга. – За Зойкой лучше приглядывай, чем за мной, – кивала на десятилетнюю девочку, за обе щёки уплетающую из деревянной миски пенки вместе с её сыном. – Как чушка вся вымазалась. Федюсь, неси ещё корзину с ягодой, – обратилась к широкоплечему мужику в закатанных до колен штанах. – На рыбалку что ли собрался?

Утром, пока все спали, Аким попил чаю за накрытым клетчатой клеёнкой столом, стоящим под яблоней в саду, и, поблагодарив чернобровую Настю, отчего та счастливо вспыхнула лицом, направился в конюшню, где сонный Ефим седлал «бедное животное», так понял из его ворчанья «суматошный» барин.

Миновав Рубановку, «суматошный» вскачь понёсся к мосту, и, осадив коня, терпеливо ждал, когда по нему, гремя колёсами, проедут две порожние телеги.

За Чернавкой, слившись в единое целое с конём, устремился в сторону речушки и вновь остановился, дабы не обгонять маленького босого мальчишку с прутиком, целенаправленно гнавшего к реке стаю переваливающих ся с боку на бок уток. Между делом уплетая круто посоленную краюху ржаного хлеба, тот покрикивал на них и нравоучительно помахивал прутиком, не позволяя самым любознательным отклониться от маршрута и слопать что-нибудь вкусенькое.

Конь, тряся гривой, добродушно косился на пастушка, понимая, что нельзя распугивать живность.

Ждать пришлось довольно-таки длительное время, медленно следуя за утиной стаей с белобрсым вожаком.

В одном месте его обругал и прогнал рыболов с облупленным носом, напоследок продемонстрировав пастушку мокрый кулачок.

А так как он был года на два постарше и чуть не на голову длиннее, тот не отважился лезть на рожон и погнал недовольно галдящих уток дальше по заросшему травой берегу. Пройдя с

десяток сажений, ³заметил ещё одну протоптанную в траве тропу, ведущую к воде и направил уставших подопечных туда, несмотря на протесты сидящей на серых досках мостка пухлощёй девчонки в дырявом сарафане и белом платочке с васильками.

– Тут мои утки плавают, – сообщила сопернику, на что тот, посопев носом, солидно ответил:

– Ничо-о! Не перепутаются.

Недовольная новым соседством девчонка, из вредности, стала шлёпать ногами по воде, пытаясь отпугнуть чужих уток.

Как же. Испугаешь их брызгами. Увидев воду, чуть не сбив с ног пастушка, они с криком ринулись в реку.

Недовольный рыболов прокричал чего-то связанное с мамой, а затем, азартно сжав губы, дёрнул удилище вверх, вытащив из воды серебристую на солнце рыбёшку.

Нежданный улов примирил его с водоплавающей птицей, мамой и подпасками.

Проехав вдоль берега с полверсты, Аким наткнулся на песчаную косу, и, расседлав коня, повёл его на водопой. Оглядевшись и не заметив посторонних, разделся и с утиным восторгом бросился в реку, через минуту оказавшись на другом берегу. Наплававшись, выбрался обсохнуть.

«Господи! Как я люблю Рубановку», – подумал он, натягивая на мокрое ещё тело штаны и рубаху.

Подрёмывая в седле, мерным шагом ехал по рубановской улице, чуть не сбив с ног длинного худого субъекта с чеховской бородкой.

Сняв очки и поздоровавшись, тот подышал на стёкла, потёр окуляры о тощий живот и водрузил их на нос.

Аким молча взирал на странную личность и его телодвижения.

– В делах закопался, – сообщила личность, поскребя чеховскую бородку. – Во второй ареопаг⁴не выбрали... Никудышный демос⁵стал... Забыл о свободе и демократии. Да и гопли-ты⁶распоясались. Лупят всех подряд почём зря. Сегодня к папеньке вашему пойду, – сменил он тему. – Буду просить с ремонтом школы помочь, – махнул в пространство рукой, обозначая где-то там своё учебное заведение.

«Так это рубановский светоч образования, что сеет умное, вечное... и ещё чёрт знает какое, – сдержал улыбку Аким. – Мифами древней Греции увлёкся на каникулах».

– Вы, господин учитель, перед полицмейстером посдержаннее на язык будьте, а то запросто повторите путешествие Одиссея на Сахалин. С материалом на школу отец поможет, – ошастливил педагога.

Вечером, вновь побеспокоив приладившегося дрыхнуть на клавишах котёнка, музицировали на рояле, затем сумерничали на террасе, наслаждаясь чаем с клубничным вареньем и попутно отмахиваясь от комаров и прочей летучей мелочи.

Молодые женщины вновь стали дружны и по любому поводу спорили с Акимом, что его очень веселило. Днём читали книги или лежали в гамаках «под сенью деревьев», как выражался Максим Акимович. Если солнце, «шаля и играя», как выражался его сын, перемещало тень в сторону, брали по одеялу, и, расстелив в гуще парка, отдыхали там. Читать и лежать на одеялах любили подальше друг от друга.

³ Сажень – 3 аршина – 2,13 метра.

⁴ Ареопаг. Собрание авторитетных лиц в древних Афинах.

⁵ Демос. Народ в древней Греции.

⁶ Гоплит. Воин в древней Греции.

Всё пропиталось летним зноем: и цветы, и небо, и деревья с уставшими от жары листьями.

Аким, маясь от скуки, заглянул к отцу – тот спал под раскрытым настежь окном.

Побрёл в свою комнату – там отдыхала жена.

«Сиеста, будь она неладна. На Волгу идти лень. Пойду в гамаке поваляюсь».

Но солнечные лучи ярко освещали привязанный к двум стволам гамак.

«Тогда в беседке посижу», – решил он, медленно бредя по аллее и свернув затем на тропу.

Неожиданно из-за деревьев выскочила Ильма, а за ней – довольный жизнью и солнечным днём, Трезор.

«И жара им нипочём, – глянул вслед убежавшим собакам. – То-то потешные «трезорики» родятся», – замер, увидев сидящую на свёрнутом одеяле Натали.

Она увлечённо читала, не слыша и не замечая ничего вокруг, а пальцы её непроизвольно сжимали и разжимали яблоко. Светлое лёгкое платье с глубоким декольте открывало шею и верхнюю часть груди.

Аким загляделся на явленную ему красоту, любясь чёрными локонами, нежной изящностью шеи, пластичной покатостью плеч и небольшой выпуклостью груди под светлым шёлком.

Её щёки зарумянились, когда увидела его. Положив книгу на траву и превратив яблоко в закладку, она надела лёгкую соломенную шляпку и, протянув ему руку, грациозно поднялась.

– Сударь, – первая прервала неловкое молчание. – В этой белой косоворотке вы отчего-то ужасно напомнили мне того маньчжурского поручика, что медитировал у гранитной скалы с виноградной лозой в шёлковых китайских штанах и халате с драконами, – улыбнулась, ощутив приятное волнение, когда он, склонившись, коснулся губами её руки.

– К сожалению, у меня нет веера, чтоб подарить тебе, но я обязательно преподнесу жёлтую кувшинку, и ты станешь русалкой, приколов её к волосам. Смотри – ёжик, – снизив голос до шёпота, кивнул на ворох пожухлых листьев, из-под которых подозрительно глядели на людей чёрные бусины глаз.

Покрутив кнопкой чёрного носа, ёж фыркнул и, определив, что опасность ему не грозит, деловито засеменил по своим ежиным делам.

– Какая прелесть.

– Колючая прелесть, – поправил романтическую даму кавалер. – Жара. Предлагаю спрятаться от неё в беседке моего детства и юности. А потом я покажу тебе Волгу с высоты птичьего полёта. Жаль, что ваша репутация, мадам, может пострадать, а то бы ночью полюбовались на плоты, плывущие вниз по реке, и на мириады звёзд на небе, и может, разгадали бы детскую тайну – река поднимается к небу или небо опускается к реке, – глядел на неё бесконечно нежным взором, от которого у Натали вновь вспыхнули щёки.

– Нельзя так смотреть на замужнюю женщину, – упрекнула она Акима. – Ведь я другому отдана и буду век ему верна. Лучше ведите в вашу беседку, сударь.

– Прости, Натали... И не за взгляд...

Когда вернулись обратно, ветерок с любопытством шевелил страницы книги, по-видимому, злясь на яблоко, не позволяющее их листать.

Акиму показалось, что по всему парку разлита грусть и любовь.

– Очень трогательно – яблоко на раскрытой книге, – дабы нарушить неловкое молчание, произнесла Натали, поднимая с травы томик стихов.

– Только Богу известно, что самое важное в жизни – Любовь. Большинство мужчин об этом даже не догадываются... Суется, делают карьеру, деньги и живут с нелюбимыми женщинами. И лишь на склоне лет поймут, что остались в пустоте и потеряли ту единственную, что читала стихи, и вместо закладки у неё было яблоко...

– Аким..., – сглотнула комок в горле. – Аким, не говори больше так... Это, хотя и красиво звучит, но бестактно... И запоздало...

– Прости, Натали, – резко повернувшись, пошёл к обрыву, не заметив, что за ним наблюдают ещё одни любящие женские глаза.

Ночью он не дождался плывущих плотов, а оседлав коня, полетел на нём по звёздному небу, вдыхая не запах мироздания, а земной запах трав и цветов.

Остановил его у маленькой церкви, отражающейся в лунной тихой воде.

Его охватило чувство безмерного одиночества и тоски в безмолвности этой нереальной ночи. Лишь таинственный шелест камышей и чуть слышный плеск воды, и лунная тропинка на реке, ведущая вверх, к звёздам, и шёпот листвы, и старая деревянная церковь с покосившимся крестом... И он... Один в целом мире... И ожидание чего-то...

Резкий крик ночной птицы привёл его в чувство и вернул из горней выси на землю.

Спать лёг под утро.

И снился ему яркий день и белоснежные кони, скачущие по мелководью речного плёса, высекая серебряными подковами жемчужины блестящих на солнце брызг. И снилась ЛЮБОВЬ...

Солнечные лучи и капли влаги создали абрис прекрасного женского лица... И голос... Даже не голос, а шёпот ветра или шелест травы, бесконечно повторяющий: я хочу испытать Тебя как чистую родниковую воду, как виноградное вино в бокале... Всего лишь один глоток Любви за всю жизнь... Всего лишь один глоток... И вдруг как бы со стороны увидел себя и Натали. Взявшись за руки, они шли по усыпанной цветами тропе в белесо-голубую даль неба с красной точкой солнца у горизонта...

Он раскрыл глаза, ощущая в душе прозрачную бездонность нежности...

А вечером Натали играла на рояле. Просто и безыскусно, но с душой и чувством.

Подросший котёнок сказочными зелёными глазами глядел то на молодую женщину, чьи пальцы трепетным прикосновением к клавишам выманивали томные звуки, то на офицера, то на две, горящие на рояле свечи, и, казалось, всё понимал, сочувствовал и переживал за них.

Наступил август.

Густо падали листья и звёзды.

Аким бесцельно бродил по утреннему парку, неожиданно для себя оказавшись на том месте, где встретил читающую стихи Натали. Улыбнувшись, заметил старого колючего знакомого, бесстрашно вылезшего из вороха жёлтой листвы.

Строго оглядев незваного гостя, тот обнюхал жёлудь, картинно лежащий на красочно-красном резном листе, фыркнул и засеменил, шурша листвой, по своим, не менее важным, чем у людей, делам.

Замерев на секунду от волнения, Аким увидел неподалёку от жёлудя белоснежный батистовый платок. Её платок. Забытый или потерянный.

Подняв его, встряхнул и прижал к щеке, ощутив тонкий аромат духов и кружащий голову запах Натали: «Господи! Как я люблю её...»

В августовский знойный день Аким, отец и Натали отправились в дальнюю конную прогулку.

У Ольги разболелась голова и она наотрез отказалась от путешествия.

Проезжая мимо Полстяновки, волею судьбы столкнулись с местными помещиками: Зосимом Мироновичем Полстяным и братьями-близнецами Николаем и Михаилом Ивановичами.

– Так зайчик в озими трепещет, увидя вдруг издалека, в кусты припавшего стрелка, – пророкотал Полстяной. – Вот и я так же обрадовался, увидев вас, дорогой мой Максим Акимович.

– Ну, зайчик-то, предположим, не столь рад был, лицезря охотника, дражайший мой дружище, – слез с коня Рубанов-старший, по очереди обнимаясь с приятелями. – Надо бы поохотиться вместе, – загорелся он здоровой, на его взгляд, мыслью.

– Давно пора от хозяйственных дел отвлечься, – поддержали идею усатые близнецы.

– Так давайте у меня и обсудим мероприятие, – вдохновился назревающим обжорством и выпивкой Зосима Миронович. – Как раз велел вчера кабанчика забить. И запить найдётся чем. Вы как? Максим Акимович?

– Молодёжь! Чего вам со стариками киснуть? Покатайтесь сегодня без меня, а вечером вместе домой и поедem.

Рубанов-младший не возражал, а даме слова не дали – молода ещё, чтоб своё мнение иметь, да к тому же – женщина.

«Доживёшь до возраста Пелагеи Харитоновны, тогда и выскажешься», – подумал предводитель уездного дворянства, направляясь с приятелями в сторону своего дома.

– Натали, а я выпросил у ёжика твой платок, – пошутил Аким, протягивая белый батист и стараясь снять возникшее напряжение.

Молодая женщина улыбнулась, разгладив складку неудовольствия между бровей.

– Действительно мой. Как ещё раз пойдёшь в гости к ёжику, передай от моего имени благодарность и яблоко, – рысью понеслась по просёлочной дороге, вскачь миновав усыпанный жёлтой листвой деревянный мостик, и остановила лошадь у звонкого ручья в пушкинской берёзовой роще. – Как красиво, – плеснула в пылающее лицо прохладной водой и утёрлась батистовым платком.

Догнав амазонку, Аким хотел поинтересоваться: не отъявленный ли кавалерист научил так скакать на лошади?, но рассудил, что вспоминать брата будет сейчас не к месту. И тут он увидел кувшинку...

Войдя в воду, сорвал цветок и молча протянул его растерянной даме.

Прижав кувшинку к груди, она потрясённо глядела на офицера, думая, что мечтала об этом многие-многие ночи... Пахнувшая речной влагой жёлтая кувшинка и рядом подаривший её любимый мужчина...

Аким растворился в её глазах и ни о чём не думая кроме этой недоступной женщины, мягко и нежно поцеловал её в сладкие-сладкие губы, чуть слышно прошептав, или просто подумав: любовь моя потерянная... А может, просто сон? – целовал её вновь и вновь...

А она, прижимая к сердцу кувшинку, беззвучно рыдала, и слёзы текли по её лицу.

– Почему ты плачешь? Я сделал тебе больно? – оторвался от женских губ.

– Ты сделал мне божественно хорошо...

– А чего тогда плачешь? – не понял он.

– От этого и плачу, – обняла его плечи и, забыв всё на свете, сама припала к горячим мужским губам.

– Натали, – целуя её шептал он, почему-то думая, что громким звуком голоса развеет этот прекрасный сон, где звонкий ручей, жёлтая роща и любимая женщина... – Натали... Я мечтал бы подарить тебе все цветы, что есть на земле... Всё счастье мира... И всю любовь, разлитую во вселенной... Но это не в моих силах. Могу лишь преподнести свою любовь... Жёлтую кувшинку... И маленький кусочек быстротечного счастья...

– Запутались мы..., – тоже шёпотом ответила она. – Заблудились в чувствах и жизни...

А потом, уставшие и опустошённые от того божественно-прекрасного, что случилось с ними, лежали на траве и глядели в синее небо с редкими пышными облаками.

– Сейчас на них ангелы, а не кровоточащие души, как на войне в Маньчжурии, – чуть хрипловатым голосом произнёс он, повернув голову к возлюбленной. – Ну что ты нахмурилась и стала словно солнце, ушедшее за гранитную сопку, – улыбнулся ей. – Теперь я знаю, что такое Любовь... Что такое счастье... И понял, что воспевают поэты в стихах о Женщине и Любви...

– Я тоже вижу двух ангелов на облаке, – приподнявшись и опершись на локоть, произнесла она. – Но не с нимбами, а кровоточащими сердцами. Начать жизнь сначала, как и любовь, невозможно... Это будет уже другая жизнь и другая любовь..., – поцеловала его в лоб и поднялась, оправляя юбку и волосы. – Это – первый и последний раз, Аким. Больше такое не должно повториться, – направилась к ручью, неожиданно подумав: «Аким – это нежный вальс, а Глеб – бурное танго...»

Август подошёл к своей середине.

Утро выдалось свежим и тихим.

Накинув на плечи старый белый китель, Аким стоял на косогоре и смотрел на заполнивший Волгу и всё вокруг белый туман: «А может, это я нахожусь на облаке, со своим кровоточащим сердцем?! Она больше не хочет разговаривать со мной, – глядел, как туман постепенно рассеивается в утренних солнечных лучах.

Всю ночь моросил мелкий дождь, и в прохваченном сыростью парке терпко пахло прелым листом и, почему-то, кувшинками.

«Странно. Запах кувшинок. А может, это так пахнут мокрые от дождя яблоки? – подошёл к тому месту, где видел ежа. – Я ведь должен его поблагодарить, – мысленно улыбнулся и шелохнул сапогом влажные листья. – Да где же теперь его найдёшь?!

В доме, когда вернулся, творился небольшой бедлам – то невестки и свекровь надумали пойти по грибы.

Руководила походом кухарка, а ныне ключница и домоправительница Марфа.

Натали в плаще с капюшоном и плетёной корзиной в руке, прошла мимо Акима, словно это было пустое место.

Вновь заморосил небольшой дождь, который только обрадовал женщин.

– Я место знаю, где поляна просто забита подберёзовиками и боровиками, – вдохновляла дам Марфа. – А какое блюдо потом из них приготовлю, – чмокала губами.

– А мы с тобой, Аким, в Рубановку наведаемся, к новому старосте, а после к лесничему и егерю – Егорше, – целился из «Зауэра» в сидящую на ветке тополя ворону Максим Акимович. – Ружьёцо себе подбери. «Ланкастер» советую взять. Егорша недавно поведал, что кабанище в лесу поселился. Огромный секач. Вот на него и поохотимся.

– Откуда он здесь взялся? – не поверил отцу Аким.

– По версии бывшего солдата, а ныне егеря и лесничего Егорши – за ним из Маньчжурии увязался.

– Ага! Японцы послали, дабы отсёк ему кое-чего, – захмыкал Аким. – Он и мне об этом впре говорил. Чем, конечно, чёрт не шутит, когда егерь спит... Возьму-ка я лучше ижевский «русский винчестер». Понадёжнее твоего «Ланкастера» будет:

Ещё вчера, на солнце млея,

Последним лес дрожал листом.

И озимь, пышно зеленея,

Лежала бархатным ковром, -

тоже прицелился из «винчестера» в многострадальную ворону.

– Полстяной стиху научил?!

– Фет! – опроверг отца Аким.

В деревне егерь Егорша, словно на икону глядя на младшего Рубанова, доложил ему обстановку:

– Так что, вашбродь, секачище здоровый, как ведмедь. Наглуший – страсть... Хужей японца. По лесу прёт как лыцарь в латах. Нипочём зверюге ветки и даже непролазные заросли. Сметливый. Я его картошкой на поляне прикармливаю. Богатый её ноне урожай.

– Егорша, откуда ты всё это знаешь?

– Я, ваше превосходительство, два раза от него на дереве спасался. Оттуда и наблюдал за поганцем. Тут неподалёку речушка лесная, так этот веprise в камышах живёт. Пудов пятнадцать нагулял, скотина. Перед заходом солнца мою картошку жрать идёт на поляну. Ну и так чего съестного накопает рылом. Утром в свои камыши дрыхнуть отправляется. Мне от него одна только польза. Лес воровать перестали. Спужались хряка мохнатого, – загыгыкал лесник. – Тут, пожалуй, вздрогнешь, как увидишь. С дерева рассмотрел клычищи его. Длинные и трёхгранные, как штык у винтовки. Сечёт ими, рвёт, а после жертву копытами топчет, – перекрестился от ужасной картины и задумчиво опёрся на берданку. – Не иначе японский генерал Хасегава по мою душу послал, – пришёл к неутешительному выводу егерь.

– Или бог за грехи наказывает... За окрас формы в Маньчжурии, – с ног до головы оглядел Егоршу Аким.

– Господа хорошие! – переполошился, наслушавшись о секаче-одиночке Антип, он же рубановский староста. – Делов неспорот. Семён Михайлович... По прозвищу Хован и Степан с супружницей, тёткой Клавдией, решили на отруба податься и закрепить землю в частную собственность. Степан прямо и сказал: «Мы, грит, как новожёны теперь. С земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то, грит, она была гулящая девка, а теперь на веки вечные законной женой стала». И тётка Клавдия стервецу не осмелилась возразить. Вот сейчас землемер их разбросанные полосы в один участок собирает.

– Шельмецы. Из общины вышли. Рушит Столыпин старую деревню, – нахмурился Максим Акимович. – Хуторянами теперь станут. Сельскими хозяевами. И барин им не указ. Столыпин думает, что они будут надёжной опорой трону. Перессорил крестьян между собой. Аж сердце прихватило, – схватился за грудь Рубанов-старший. – Лучше с кабаном воевать, чем... – не договорил, заметив подъезжающих соседей-помещиков: Полстяного и братьев Ивановичей.

Поздоровавшись, эмоционально стали обсуждать предстоящую охоту:

– Выйдем засветло, перед заходом солнца. Егорша поляну с прикормом укажет. Спрячемся за деревьями и станем ждать. А там уж на кого этот зверюга вылезет, тот и жажнет по нему.

– Ой, друзья. Я вас у кромки леса подожду, – разволновался Полстяной.

– Ну да! Верное решение. А то вдруг с тыла секач надумает напасть, – заржали братья.

– А что? И такое возможно? – окончательно струхнул предводитель дворянства. – Тогда уж лучше в доме побуду. Секач – это не утка, – сделал гениальное умозаключение.

– Верно подмечено. Впору и Сабанееву, – в лёгкую съязвил Максим Акимович. – Господа. Приглашаю вас отобедать, – обрадовал Полстяного, – а вечером – на охоту, – немного подпортил ему аппетит.

Дома Аким поразился восторгу от «грибной охоты» на лицах женщин.

– Удачно, видимо, по грибы сходили, поздравляю, – сделал им комплимент.

– А вот сейчас как раз и отведаете. Марфа уже приготовить успела, – усаживала за стол гостей и домочадцев Ирина Аркадьевна.

К огорчению Зосимы Мироновича охотники-мужчины пили мало и засветло тронулись в путь.

Первым ехал верхом Максим Акимович. За ним братья Ивановичи. Следом – сын. Затем Ефим на телеге, в которой расположились Ванятка и безногий солдат Веригин. Последним, в коляске, ехал Полстяной, и чтоб не тратить зря время, обгладывал копчёную свиную ногу.

Оставив позади Рубановку с желтевшими новой соломой крышами домов, сделали привал на поляне.

«Красота!» – залюбовался Аким серебристой, в блеске заходящих солнечных лучей, паутиной и слабо колеблющимися от ветерка листьями, время от времени срывающимися с ветвей и устилающими поляну.

Кроме Трезора и Ильмы, тайно следующими за обозом, в Рубановке к охотникам, кроме егеря, присоединились: кузнец, Гришка-косой, Коротенький Ленивец и рыболов Афоня, коему на охоте, по мнению мужиков, делать было совершенно нечего – даже его длиннющих рук не хватило бы, чтоб продемонстрировать размер будущей добычи.

Спрыгнув с телеги, Веригин сразу увяз деревяшками во влажной после дождя земле. Развеселившиеся мужики, словно репу, выдернули его с «грядки» и со смехом водрузили на телегу.

– Нет. С таким гамом-тарарамом охоты не будет, – решил Максим Акимович. – Тут не только кабан – медведь испугается. Оставайтесь здесь и ждите сигнала. Пойдут со мной и сыном только Ивановичи да Егорша.

Перечить никто не посмел, лишь неугомонные собаки остались при своём мнении.

– Откуда ветер дует? – задумчиво спросил Рубанов-старший. – К зверю следует приближаться с подветренной стороны.

Но ветер решил озадачить охотников и внести интригу, притаившись в кронах деревьев.

– Вон оттуда дует, – махнул в сторону деревни Ефим.

Разумеется, у Гришки-косого и Веригина был свой взгляд на колебания воздуха.

Кузнец десять раз слюнявил указательный палец, и выставлял его в небо, чутко осязая последствия. Но ни к какому результату, кроме отмытого пальца, не пришёл.

– Безветрие! – высказал свою точку зрения Коротенький Ленивец, усаживаясь на застеленную листьями траву.

– Штиль! Чтоб его! – поддержал мужика предводитель дворянства, плюхаясь рядом и бросив обглоданную кость собакам.

– Ну и хрен с ним! – по-военному чётко подошёл к вопросу Егорша, опираясь на берданку. – Я знаю, в какой стороне речушка. Оттуда этот нехристь и притащится пожрать, – повёл за собой избранных.

– Бить вепря надо шагов с сорока, – учил коллег Николай Иванович. – Ближе подпускать – себе дороже выйдет. Я, например, в отличие от Егорши, плохо по деревьям лазаю.

– С сорока промажешь, – стал полемизировать брат. – До тридцати следует подпускать.

– Ага! Успею, по-твоему, за землемером сбегать, чтоб расстояние от меня до кабана вымерил, – съехидничал Николай Иванович и замолчал, с опаской прислушиваясь к какому-то треску. – Идёт, кажись, вражина! – прикинул, далеко ли до обхватистого дерева.

– Да не-е, показалось, – успокоил его брат. – Ребята, не стреляйте по кабану в «штык», а лучше пропустите и пальните в бок или в угон по хребту.

Солнцу надоело ждать, когда охотники распределятся по номерам, и оно, цепляясь за ветви деревьев, спряталось в лесной чащобе.

– Вон оттуда зверь пойдёт, – указал пальцем направление Егорша. – Видите, корни подрыты. Тут кормится. Я на дерево залезу, чтоб оттуда скотиняку высматривать, а вы, ваши благородия, распределитесь – кто, где, караулить врага станет.

Аким выбрал место у невысокой берёзы и зорко всматривался в близлежащие деревья, маленькие ёлочки и кустарник, которые быстро окутывал сумрак.

Луна слабо освещала затихший лес, и, наконец, подул лёгкий ветерок – видно надоело таиться от охотников в укромных местах и неглубоком овражке. Вот оттуда, треща сухими ветками, шелестя пожухлой листвой и утробно хрюкая, неожиданно появился секач.

Остановившись, несколько раз глубоко и громко вдохнул воздух, и не спеша пошёл в сторону замерших за лапником ели братьев.

Глаза Акима привыкли к темноте и он ясно видел огромный квадрат вепря, напролом перевешего сквозь кустарник и мелкий березняк. В прогалине между деревьями мелькнула его горбатая высокая холка и скрылась за кустарником.

Кожей лица он почувствовал дуновение ветерка и принесённую им ночную сырость из овражка: «Чёрт-дьявол! Далеко для выстрела. И как бы в кого-нибудь из братьев или отца не попасть», – замерев, сжимал винчестер.

Затем, пригнувшись и контролируя каждый шаг, опуская ногу у корня травы, словно в охотничьей вылазке на войне, стал продвигаться в сторону ясно доносившегося чавканья и негромкого похрюкивания: «Картошку жрёт», – всматриваясь в темноту, замер за густой порослью высохшей крапивы, чтоб оглядеться и успокоить стук сердца.

Секач, как ему показалось, переместился куда-то в сторону: «Жжётся ещё», – случайно коснулся рукой крапивы и медленно распрямился – полусогнутые ноги затекли от напряжения.

Через секунду вздрогнул от прозвучавшего выстрела и следом – второго.

Уже не маскируясь, пошёл на звук выстрелов и тут увидел огромного секача, несшегося в сторону целящегося в него отца.

Грохнул выстрел, но кабана это не остановило и он, словно пушинку, смёл с дороги охотника, ринувшись затем в сторону Акима.

Краем глаза заметив, как отец упал на землю, Аким ясно увидел свирепые тёмные пуговицы глаз на огромной голове: «Побольше ёжика вырос и немного позлее, – стал успокаивать себя, неожиданно вспомнив отца Натали и его слова: «Если столкнёшься со смертью, смейся над ней, она и не страшна будет». – Спокойно. Не надо спешить, – скомандовал себе, целясь в массивную голову. – Под «штык» бесполезно бить, но он прёт на меня», – переместил прицел между злобных глаз.

Секач, словно думая: куда ты теперь денешься, – раскрыл пасть, показав огромные клыки, но резко остановился шагах в двадцати от стрелка, отвлекшись на вцепившуюся в него собаку. Следом налетела и вторая.

Зверь мотнул головой, отбросив от себя пса и на секунду повернувшись к охотнику боком.

Прицел Акима застыл под левой лопаткой животного. Он даже не услышал выстрел и не почувствовал отдачи в плечо, а лишь увидел, что вепрь вздрогнул, а из его пасти потекла, розовато пенясь, густая кровь: «Неужели в темноте я вижу её цвет? Или представляю, что так должно быть», – ещё раз нажал на курок.

Кабан зашатался: и словно моряк в штормовую погоду на палубе, – так потом об этом рассказывал Аким, – медленно побрёл в его сторону.

И тут раздался ещё один выстрел и ещё – то подбежали отец и братья Ивановичи.

Взревев, вепрь рухнул на жёлтые листья, окрашивая их в красный цвет.

– Сынок?! С тобой всё в порядке? – тормозил Акима отец.

– Всё нормально, папа', – медленно приходил в себя, постепенно ощущая запахи прелой травы, мха и ёлки, что росла неподалёку.

Обойдя мёртвую тушу с потухшими, но по-прежнему яростными глазами, он направился к раненому Трезору, лежащему на подстилке из листьев.

Тот ещё дышал, тяжело вздымая при вдохе распоротый бок. Рядом парили вывороченные из живота кишки.

Аким погладил голову пса и тот ещё успел лизнуть его руку, прежде, чем перестал дышать и вздрагивать боками.

«Это последняя моя охота», – решил для себя Аким, с трудом сдерживая слёзы жалости к погибшей собаке.

Рядом, тоскливо опустив голову, сидела Ильма, и две мокрые бороздки шли от её глаз к носу.

Остальные охотники, переполненные охотничьим счастьем, и внимания не обратили на умершего Трезора.

Храбрый уже Егорша успел привести, как он выразился: «арьергард», во главе с предводителем дворянства, и они дружно охали и ахали, разглядывая огромного «чертуху», которого, по леденящим кровь рассказам егеря, завалил ни кто иной, как именно он.

Тут же разделали тушу на части, одну из которых взял себе Полстяной.

Неделю вся Рубановка обедалась кабанятиной и на все лады прославляла Егоршу, поднимая авторитет егеря до уровня владельца леса и многих десятин окрестной земли.

На праздник жизни пожаловали даже хуторяне: Хован со Степаном. Деревня их приняла – свои мужики всё-таки, хотя и начинаются теперь со слога «ху...».

Максим Акимович велел Ефиму отвезти кабанью башку в уездный город, чтоб из неё сделали чучело на стену.

А Трезора без всяких почестей мужики закопали на поляне под ёлкой.

После знаменательной охоты Максим Акимович дал денег Антипу, и тот выкупил у помещика Ермолая Матвеевича Северьянова рубановский дом с медным петухом на крыше.

У Акима отпуск заканчивался, и он засобирався в Петербург, выправив у местного уездного эскулапа листок с мудрёным названием болезни по латыни, которую тот записал, перепив у Рубановых мадерки, шумерской клинописью.

В день отъезда лил дождь и Аким настоял, что поедет на станцию лишь с Ефимом и провожать его туда не следует.

– Ильме и ливень нипочём, на поляну побежала, – вздохнула Натали.

– Каждый день бегают, – отчего-то перекрестилась на икону мать.

Надев на форму плащ с капюшоном, Аким покрутился перед зеркалом, и, делая бодрый вид, пошутил: «Ну, вылитый грибник», – стал обниматься с родными.

Натали была последней, с кем он прощался.

В лёгком поклоне и пустых, незначащих словах, скрыл безнадёжность и грусть, легко коснувшись губами её руки, и зная наверняка, что она тоже прячет в прощальной улыбке не испытую пока тоску и боль.

Жену, которая оставалась в Рубановке, поцеловал в губы – традиция, никуда не денешься.

Ефим, в таком же плаще с капюшоном, понуро сутулился на облучке коляски с поднятым верхом. Через Рубановку ехали шагом, разбрызгивая колёсами мутную воду из луж и оставляя за собой глубокую колею в раскисшей земле. Встречные мужики шлёпали по грязи, накрывшись рогожами и, приметив коляску с барином, отходили к плетню, низко там кланяясь. Лишь шедший навстречу учитель гордо держал голову вверх и не отступил, за что был с ног до непреклонной головы окачен грязной жижей от попавшего в ямку колеса.

«Апрэ ну ле дэлюж», что означает в переводе с французского: после нас хоть потом», – оглянувшись вслед коляске, подумал он.

От лошадей, после пробежки до деревни, валил пар. Выбравшись на уездный тракт, под чутким руководством Ефима, они вновь перешли на рысь.

В Питере Аким отдал эскулаповскую справку в канцелярию полка и его оставили в столице, так как время летних лагерей заканчивалось и Павловский полк со дня на день должен был прибыть к месту постоянной дислокации.

Вскоре, «насладившись» парфорсными охотами, из Виленской губернии подъехал Глеб, а следом за ним и вся семья из Рубановки.

– Что-то Ильмы не вижу? – целуя на вокзале супругу и мать, удивлённо спросил Аким.

– Убежала на лесную поляну. Не захотела с нами ехать, – ответила сыну Ирина Аркадьевна.

В конце сентября Антип прислал письмо, в котором подробно доложил, что Ильма ощенилась, и он оставил двух щенков – точную копию Трезора и самой матери.

Бегущие дни приносили новые события и постепенно отпуск в Рубановке, лето и последняя охота стали забываться.

Максим Акимович обсуждал с генералом Троцким освобождение Стесселя из тюрьмы и отставку Герасимова с поста начальника охранного отделения Санкт-Петербурга.

Рубанов совершенно не помнил, кто такой Герасимов, но эта тема чрезвычайно волновала Владимира Иоанникиевича, как коменданта столицы.

К тому же, новый начальник охранного отделения полковник Карпов в декабре был убит эсером. Данное событие тоже подверглось анализу и обсуждению двух генералов, пришедших к выводу, что ежели полиция не в силах защитить себя самоё, то что тут говорить о защите простых людей и, тем паче, генералов.

После новогодних праздников Максим Акимович откупил у владельца особняка третий этаж и поселил там сыновей с жёнами.

Натали стала относиться к Акиму прохладнее, нежели прежде и старалась не оставаться с ним наедине, находя предлог покинуть его, если волею случая оставались вдвоём.

Это очень радовало Ольгу и огорчало её супруга.

Зима для Акима пролетела удивительно быстро: полк, казарма, семья.

Чувствуя холодное отношение любимой женщины, он старался реже встречаться с ней, даже выходные дни проводя на службе, и полковник Ряснянский, ставя его в пример другим офицерам, приписал это своему педагогическому методу в портретном зале.

1-я рота по всем показателям держала второе место в полку, идя впритык за будановской.

Пал Палыч считал данное положение вещей не заслугой командира 2-й роты, или, прости господи, фельдфебеля Иванова, а колдовским влиянием дрессированного кота.

Укрепила его в этой мысли утренняя проверка внешнего вида личного состава роты.

«Вот мой бывший камчадал вчера гладил его, а сегодня сапоги забыл вычистить», – увидел пакостившую весь строй тусклую обувь дисциплинированного, до общения с котом, нижнего чина.

– Панфёр, – взъярился он, сурово разглядывая камчадала. – Как ефрейтора получил, враз зазнался. В таких сапожищах, да ещё под моим патретом стоишь, плесень. Почему сапоги не почистил?

– Так это... Зуб вчера донимать зачал...

– От зубной скорби пиявок к пяткам следует ставить, а не котов чужих гладить. На первый раз наряд не в очередь не стану на тебя налагать... Но в воскресенье пойдёшь «католиком» в костёл. Попы ихние длинно служат. Ноги заломят – долго о сапогах помнить будешь. А в следующий раз к тебе в компанию унтер-офицеров Сидорова с Козловым определю, чтоб, значит, за личным составом внимательнее наблюдение вели. И неважно для службы, что с самим ротным командиром воевали... Вольно, разойдись.

В 10.00 утра выходного дня дежурный по батальону фельдфебель 2-й роты Иванов, предварительно напившись с Пал Палычем и полковым знаменосцем Евлампием Семёновичем чаю с булками, поинтересовавшись затем у товарища, сколько времени показывают его призовые часы, вышел из казармы, и во всю фельдфебельскую глотку заблажил:

– Католики! – тихонечко добавил: – Мать вашу. – И вновь во всю глотку: – Выходи строиться на двор Первого батальона.

Через минуту бодро встали, плечо к плечу, три католика и, нога за ногу, плелись строиться около дюжины православных нижних чинов.

– Шустрей, шустрей, пехота, – рыкнул Иванов, заметив, что Пал Палыч с Медведевым наблюдают за построением из окна. – Панфёр, тебя-то за что в католики назначили? – заржал фельдфебель, указывая приятелям пальцем на провинившегося.

– Так получилось..., – вздохнул несчастный, с завистью наблюдая, как православные товарищи, по форме одетые и в начищенных до блеска сапогах, собираются пить пиво в увольнении.

– Василий Егорович, что у тебя до сих пор католики не построены? – подошёл назначенный старшим по католикам поручик Ляховский. – Служба уже скоро начнётся: «Удружил Аким Максимович. Наблюдай теперь полдня, чтоб православные католики пиво пить вместо службы не побежали».

* * *

Всю весну Николай Второй не спеша, «с чувством, с толком, с расстановкой», в свободное время, внимательно читал изданные в прошлом году в Берлине литературные труды генерала Куропаткина: «Для своего оправдания сей труд сочинил, – листал книгу. – И сделал вывод, что в поражении русских войск виновны все, кроме него. Что за время такое наступило? Никто прямыми обязанностями заниматься не хочет, но пишут все... Ладно, офицер Краснов публикует в печати свои корреспонденции. У него много и полезных, интересных вещей. Витте, говорят, высунув от усердия язык, чего-то сочиняет. Подозреваю, гадость какую-нибудь про меня. Пишут революционеры, генералы, министры и члены царской фамилии. Пишут, пишут и пишут... Чеховы, тоже мне. Лучше бы делом занимались... Хорошая мысль. Следует в дневник занести, – улыбнулся, открывая солидную тетрадь в кожаном переплёте. – Мне можно. Раскрою в старости страничку и гляну, что в этот день молодым делал», – чиркнул по бегемоту спичкой и закурил папиросу.

Щурясь от лезущего в глаза дыма, вновь начал листать книгу Куропаткина: «Есть у него, конечно, умные мысли и правильные выводы, – загасив в пепельнице окурков, принялся за чтение: «В 80-х г.г. 19в. произошёл упадок церкви и духовенства, что подготовило почву для восприятия разрушительных учений Запада». – Не уследил за своими попами Победоносцев, не уследил... Тоже писательством грешил, – перелистнул несколько страниц и углубился в текст: «Александр Третий руководящим девизом царствования сделал: Россия для русских. И принял следующую программу действий:

Удовлетворить народному русскому чувству, по которому Россия должна принадлежать русским.

Освободить внешнюю политику от опеки иностранных держав.

Упорядочить и скрепить внутренний строй управления.

Развить духовные и материальные силы русского народа.

Русскому племени свойственно отсутствие гордости перед побеждённым народом, великодушные...» – Так оно и есть, – задумался государь, вновь закуривая папиросу и продолжая читать: «В 19в. произошло расширение пределов России на Кавказе, в Средней Азии, в Фин-

ляндии, но русские не получили возмещения даже малой части принесённых ими жертв и даже наоборот, для устройства окраин правительство извлекало средства из русского племени.

Окраины имели льготы – освобождение от воинской повинности, без установления соответственного военного налога. Их защищали и помогали развиваться. Результат. Русское население ослабло и оказалось не в силах противиться обратному завоеванию богатств России иностранцами и инородцами...

В.Гурко: «Место русского купца всё более и более занимается евреем, а промышленность сосредотачивается в иностранных руках. Русские капиталы тают и переходят в иноземные руки. Англичане скупили большую часть акций Ленского золотопромышленного общества. Велико участие иностранцев на юге России и в Сибири. Мурманский рыбный промысел в руках норвежцев. Крупная торговля Владивостока в руках американских и немецких фирм».

В России евреев 4% населения. Несмотря на это они захватили в свои руки значительные денежные средства и прессу.

Ныне 1909г., в их руках значительная часть торговли. Отличаются крайней неразборчивостью в средствах для достижения своих целей. Главное из них – подкуп. Умеют обходить закон и уже давно разрушили черту оседлости.

Такой промысел – как хлебная промышленность, весь перешёл в руки евреев.

В горячей статье М. Меньшикова «Превращение хлеба» указывается, что каждый продавец зерна опутывается еврейской паутиной. Все барыши достаются еврею, а не земледельцу. Зерно до портов доходит чистым, а там всыпают в него целые вагоны всякой дряни для увеличения количества и веса.

Торговля в Одессе, Варшаве и Киеве в руках евреев. Вторжение их в Москву и Петербург идёт непрерывно». – Так я и думал. Куропаткин стал националистом, как и журналист Меньшиков. Читывал некоторые его статейки. Ну куда я дену этих евреев? На луну их не отправлю и в Чёрном море не утоплю, хотя от них идут одни неприятности, а следом – погромы. Чего там ещё интересного? – полистал книгу: «С.Татищев. В 1890 г. писал: «За последние десять лет и немцы и русские успели свыкнуться с несомненной истиной, что политика чувства, а тем более – чувствительности, не ведёт к добру».

Так война 1877-78г.г. принесла христианским народам Балкан огромные блага: кровью русского народа Сербия и Румыния получили полную независимость, создалось Болгарское государство.

Россия вышла из войны обессиленная расходами и потерей 260 тыс. человек убитыми и ранеными. И не получила ничего.

Вот потому политика чувств была заменена возвратом к русской национальной политике», – это правильно, – перелистнул ещё несколько страниц император: «Высокие качества наших войск во всех войнах выказывались при обороне. Профессор Н. Сухотин сделал следующее заключение: Будучи народной, наша армия на театрах войны являла те же свойства, с каковыми прожил русский народ своё историческое прошлое: терпеливость в беде, безграничная выносливость и стойкость, тягучая, спокойная, несокрушимая настойчивость, отвага без задора, смелость без бахвальства.

Эти свойства русской вооружённой силы выражаются в способности русской армии к обороне. Несмотря на обширные территории, идея нападения в народных симпатиях отводится второе место». – Совершенно согласен с этим тезисом», – задумался император, анализируя прочитанное.

Летом венценосная семья надумала нанести неофициальный визит родственникам Александры Фёдоровны.

Но главной целью поездки в Германию являлся длительный курс лечения, который необходимо было пройти императрице.

Первым чиновником, отправившимся в Германию, был не представитель министерства иностранных дел, а начальник Дворцовой полиции Герарди. С середины июля он разрабатывал и проводил оперативные мероприятия по подготовке визита, задействовав прибывших чуть позже сотрудников Дворцовой охраны и агентов Департамента полиции.

Ему-то и пришла в голову неординарная мысль использовать автомобили «Собственного» гаража императора, поскольку весьма скромный гараж брата императрицы, великого герцога Эрнста Людвига Гессенского, не в силах был обеспечить нужное количество машин.

Министр императорского Двора барон Фредерикс оперативно утвердил «список лиц, имеющих находиться за границей во время пребывания там Их Императорских Величеств».

6 августа государь поздравил выпускных юнкеров, среди которых находился и юнкер Михайловского артиллерийского училища Арсений Рубанов с производством в офицеры.

В середине августа монаршая чета, их пятеро детей и свита выехали со станции Новый Петергоф, и через двое суток прибыли в Гессен, разместившись в замке Фридберг.

После Боснийского кризиса император назначил товарищем министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова, готовя его на место Извольского, допустившего «скандал Бухлау». Так это звучало на дипломатическом «диалекте».

В Берлине переполошились, активно наводя справки о восприемнике, и выяснили, что Сазонов практически урегулировал Гульский инцидент 1904 года, когда эскадра Рождественского обстреляла в районе Доггер-Банки английские рыболовные суда. С марта 1906 года – он министр-резидент при Папе Римском. В 1907 году назначен посланником в США.

А самое главное, его супруга – Нейдгарт Анна Борисовна, является родной сестрой жены Столыпина.

Поскольку визит считался неофициальным, Николай сменил привычную военную форму на гражданский костюм. Через некоторое время кузен Ники получил от кузена Вилли предложение навестить его в Потсдаме.

– Ваше величество, – обратился к Николаю Сазонов перед поездкой императора в Потсдам. – Статс-секретарь имперского ведомства иностранных дел Германии, по поручению Вильгельма Второго дошёл до моего сведения, что Берлин не настаивает на невыгодных для нас условиях, и согласен посредничать в спорах России с Австрией, лишь бы Петербург не вступал в международные Союзы, враждебные Берлину. Именно об этом с вами и станет говорить кайзер.

– Благодарю вас, Сергей Дмитриевич, я уже догадался о теме беседы, – отпустил Сазонова император.

– Ники, – прощаясь с супругом, напутствовала его Александра Фёдоровна, – Хотя Вильгельма и выставляют глупцом, но это далеко ни так. Я-то его знаю лучше, чем ты, несмотря на то, что вы кузены. По совести говоря, он один из умнейших императоров Европы... Идёт сразу за тобой, – улыбнулась мужу и погладила лацкан пиджака. – У него множество талантов. Вилли виртуозно играет на скрипке, мандолине и рояле. Недурно поёт, пишет масляными красками картины-аллегии и даже дирижирует симфоническим оркестром. Не говоря уж о том, что берёт первые призы, управляя яхтой под парусами и обладает славою прекрасного стрелка... Будь с ним внимателен и осторожен. И может быть, стоит прислушаться к его советам...

– Аликс... Ну что ты говоришь?! Я тоже слышал, что он умеет приготовить бульон и поджарить бифштекс... Но это не показатель ума. Вилли болтун, бахвал и позёр. Слышал от берлинцев такую фразу: «Наш великий и бесподобный кайзер желает быть новорождённым на всех крестинах, женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах». А Сазонов рассказал мне, что недавно кайзеру представили двести премиленьких дам из Лотарингии.

Вильгельм, как водится, произнёс перед ними патриотическую речь, заключив её словами к бургомистру: «Вы обязаны сделать из них хороших германских матерей, чтобы каждая родила по солдату для армии», – на что напуганный бургомистр в панике возопил: «Ваше величество! Я жизнь свою отдам за вас... Но поверьте, в мои года совершенно не под силу исполнить ваш приказ», – развеселил супругу и поцеловал её в губы. – А ты говоришь: слушай Вилли. Он, пожалуй, мне назовет...», – развеселился сам.

По дороге в Потсдам Николай развлекал себя чтением афоризмов

Генерального штаба Германии: «Наихудшая вещь в политической жизни – апатия и душная атмосфера всеобщего мира. Продолжительный мир – это мечта, и даже не прекрасная. Война есть существенный элемент божественной системы мира».

«Недавно прочёл у Куропаткина программу действий моего отца. До этого она как-то ускользнула от внимания. В одном из пунктов сказано: «Освободить внешнюю политику от опеки иностранных держав». Вот и буду следовать этому постулату.

Прохладно, однако, – выйдя из вагона, зябко передёрнул плечами. – Да ещё статское пальто с кепкой, – мысленно поиронизировал над гражданской формой одежды. – То ли дело шинель».

Ники, как шикарно ты выглядишь в этом щёгольском пальто, – встретил его на вокзале Потсдама кайзер.

Сам он блистал гусарской парадной формой русского генерала с Андреевской лентой через плечо.

«Вот и уел меня», – расстроился Николай, крепко пожимая руку кузена – свою он успел натренировать колкой дров и плаванием на байдарке.

– Ники, сегодня отдохнём, а на завтра приглашаю поохотиться в Роминтенской пуше. Это, конечно, не твоё беловежье с зубрами, но оленей обещаю, – страдальчески сморщил лицо.

– Что с тобой, Вилли? – сочувственно произнёс Николай.

– Зуб донимает. А вырвать боюсь, – шёпотом признался кайзер. – Только не говори никому.

– Надеюсь, это не я вызвал зубную боль? – пошутил Николай.

– Как ты можешь так говорить, Ники. Увидев тебя в кепке и гражданском пальто, мне даже стало как-то легче, – фамильярно похлопал по плечу кузена.

«Это он за зубную боль отдался, – усмехнулся русский император. – Спасибо ещё калоши на ботинки не надел».

Ровно в назначенное время императоры прибыли в Роминтенский охотничий замок.

«У меня в Заячьем ремизе ушастые лучше живут», – критически оглядел некрашеную досчатую обшивку стен и пыльные охотничьи трофеи на них Николай.

– Ни одной медвежьей башки, ваше величество, и кабаньи головы какие-то чахлые, – прошептал государю сопровождающий его Сазонов.

– Сергей Дмитриевич, – улыбнулся император, – на мой взгляд, вы ещё не достигли того дипломатического мышления, что соответствует статусу министра иностранных дел.

– Извините, ваше величество. Неудачно пошутил, – покраснел Сазонов.

– Я же не интересуюсь, не родственник ли вы того Сазонова, что покушался на Плеве, и находится сейчас в Зерентуйской тюрьме, – неожиданно для себя обиделся за кузена Николай: «Осуждать или критиковать императора вправе лишь император, но не чиновник, пусть даже высшего ранга».

«Зуб у Вилли свербит, – трясся рядом с кузеном в плетёном шарабане по вычищенной от сучков и листьев широкой прямой просеке Николай, всю «ивановскую» пользуясь моральным правом критиковать кайзера. – Лучше бы я его на своём «Делоне-Белльвилле» куда надо доставил», – вылез из шарабана у обсаженного низким ельником бревенчатого сруба, рядом с которым их ожидали обвешанный ружьями егеря и пожилой лесничий.

День выдался хотя и свежий, но безоблачный и солнечный.

Усевшись бок о бок с кайзером на низкие раскладные стулья, устали на поляну, окружённую хвойным лесом. Кайзер задумчиво поправил зелёную шляпу, украшенную глухаринными перьями, и погладил ложе штуцера, сделанного по индивидуальному заказу специально для него.

– Ники. Хотелось бы довести до твоего сведения, – трудно начал разговор Вильгельм, – что неудача переговоров в Бухлау между Извольским и Эренталем имела причины, так сказать, их личной недоговорённости, – благодушно оглядел пустую поляну. – Но мы с тобой, дабы сохранить европейский мир, должны поставить, как это у вас в пословице, все точки над «и», – потрясённо замер, и через секунду разразился громким хохотом, притопывая ногой и колотя здоровой правой рукой по коленке. – Твоё присутствие, Ники, весьма благотворно влияет на меня. Даже зуб перестал болеть. У нас имеется скромная просьба к России, чтоб она не мешала Германии строить Багдадскую железную дорогу, несмотря на противодействие Англии в этом вопросе, которая считает Персию своей колонией, хотя это и не так. Ники, не мы тебе враги, а англосаксы. Это они поддерживают революционные настроения в твоей Державе, это им не нравится мощная Россия. Если бы ты был моим союзником, – мечтательно закатил глаза к небу, не обратив внимания на трёх, выбежавших на поляну оленей, – Европа была бы наша. Но я даже не решаюсь просить тебя об этом, надеясь лишь на то, что Петербург сохранит лояльное отношение к Германии, и не будет поддерживать враждебную политику Англии и Франции по отношению к нам. Со своей стороны Германия всей силой своего авторитета надавит на Австрию, дабы она считалась с интересами России на Балканах, и умерила там свою агрессивную политику... Только и всего, Ники, – выжидательно глянул на русского императора.

– Ничего не могу обещать, Вилли, но подумаю над твоим предложением...

– Ваше величество, – послышался за спиной кайзера почтительно-укоризненный шёпот и лёгкое покашливание егеря.

– Да! – увидел оленей Вильгельм: «Он подумает...» – почти не целясь, открыл по оленям стрельбу.

Первым упал старый рогач: «Это Англия, – свалил второго. – Это Франция, – долго палил по третьему, скрывшемуся в лесной чащобе. – Это Россия», – отложил штуцер.

Николай не успел произвести ни единого выстрела. Зато Сазонов, находившийся в соседнем срубе, с первого выстрела уложил огромного рогача, за что после охоты, в конце октября, удостоился чести занять должность министра иностранных дел.

– Поздравляю, Сергей Дмитриевич, – пожал руку новому министру государь. – Теперь вы доказали, что соответствуете статусу новой высокой должности, показав, что русские тоже умеют поражать цель, когда им это нужно.

* * *

15 августа Глеб благополучно закончил Офицерскую кавалерийскую школу, и с гордостью навесив на грудь серебряный знак с короной и Николаевским орлом, под которым клинками вверх блестели золотыми эфесами скрещенные палаш, шашка и сабля с буквами «О.К.Ш.» на завязанной бантом ленте, отбыл вместе с Натали в Москву.

Аким грустил от осени. От жёлтых листьев и вообще, от избытка жёлтого цвета, напоминающего Её глаза.

«Мерседес» с его рычанием и выхлопами как-то не вязался с лирическим осенним настроением, и Аким передвигался по городу в пролётке с рысаками, коими правил богатырь Ванятка.

Вечер и дождь на Невском проспекте. Намокшие спины лошадей и клаксоны авто. Зонты женщин и звонки трамваев. Тусклый свет фонарей и блеск брусчатки. Понурые ветви деревьев и жёлтый свет в окнах домов. Шелест капель по тротуару и смеющиеся женские глаза из-под шляпки. Цилиндры кавалеров и звуки рояля из раскрытого окна. Запах свежести, голоса прохожих, цокот копыт и дождь...

И всё это – жизнь!..

– Иван, вези на Марсово поле, в Павловский полк, – решил поужинать в офицерском собрании.

Компания подобралась большая. С одной стороны стола, во главе с полковником Ряснянским, сидели старшие офицеры и солидно обсуждали важные служебные вопросы.

На противоположном торце стола шумно ужинала полковая молодёжь – субалтерн-офицеры. Они не столько пили запрещённые напитки, сколько веселились, радуясь жизни, молодости и тому, что гвардейские офицеры.

Часто с их стороны раздавался нелепый возглас Ляховского:

– Кто виноват?!

В ответ молодёжь жизнерадостно вопила какое-нибудь женское имя. На этот раз прогорланили:

– Матильда! – и закатились хохотом.

Неожиданно для себя Аким позавидовал им, подумав, что с удовольствием бы поменял ордена и четыре звёздочки на погонах на беспечную юность. Чтоб всё было впереди, и он на этот раз выбрал бы... – услышал рёв подпоручиков:

– Натали!..

– Новую церемонию где-то подхватили, – ни то осуждающе, ни то одобряюще, покачал головой Гороховодатсковский.

– Подхватить, Амвросий Дормидонтович, кое-что другое можно, – тут же опорочил мнение штабс-капитана полковник Ряснянский. – А это становится полковой традицией. Пусть веселятся, пока молоды.

И ещё один человек страдал от осени, а может – от самой жизни.

Это Лев Николаевич Толстой.

Сдвинув занавеску, глядел в окно, пытаясь уловить мимолётную, но часто мелькавшую в предыдущие дни мысль.

Ночь... Дождь... Тоска...

И какая-то неуловимая, но очень важная мысль.

«Ну вот. Опять мерещится кабанье рыло», – вздрогнул от испуга и поднёс к стеклу тусклую свечу.

Но кроме своего тёмного отражения ничего не увидел.

Только: ночь... дождь... тоска...

И тоска ни какая-то обыкновенная... А чёрная, страшная, предсмертная тоска...

«Чёрная ночь, чёрная тоска и чёрное кабанье рыло сведут меня с ума... Если уже не свели, – сел на разобранную постель и задумался. – Днём, прогуливаясь по усеянными листьями дорожкам яснополянского парка, тоже видел мерзкую кабанью морду, выглядывающую из-за куста малины. И эти клыки. И страшный оскал пасти... Невероятно... Но я же видел, – вздрогнул, поймав наконец долго ускользавшую мысль. – Надо срочно... Не откладывая, ехать

в Оптину Пустынь. К старцу. Как жаль, что умер Амвросий. Какую радость душевного общения доставлял он мне. Выходил из его кельи со слезами на глазах. Сейчас старчествуется отец Иосиф. Он мне всё объяснит, всё расскажет и успокоит», – торопливо стал собираться в дорогу.

Надев пальто и шапку, опять задумался, тяжело упав в кресло и закрыв глаза – так яснее мыслится: «Хотя бы последнее, отпущенное Богом время – не знаю, сколько его осталось (а оставалось всего одиннадцать дней), следует прожить в простоте, занимаясь физическим трудом. А то даже последователи и единомышленники критикуют, – вспомнил поэта Добролюбова, опростившегося и странствующего по России без денег. – Он написал мне: «Лев Николаевич. Ты всю жизнь сражался за некоторую часть веры и за телесный труд. Ты близок к смерти. Потому подыми ещё раз меч за это. Разъясни свою ошибку, что не продал имения и не ушёл из барского дома. Не давай повод ищущим повода...» Не точно, но смысл такой, – провёл дрожащей ладонью по лицу: не давай повода ищущим его... Я уйду! – поднялся из кресла. – Непременно уйду, и остаток дней проживу в Оптиной Пустыне. Там хорошо и легко... И нет кабаньих рыл. Я готов выполнять любую работу вместе с монахами. Я должен, должен провести остаток дней согласно своему учению... и в душевном мире с собой», – в волнении, со свечой в руке, заспешил через анфиладу комнат вниз, в спальную младшей дочери.

Разбудив её, произнёс всего лишь два слова:

– Я уезжаю!

Она не спросила – куда? Не протестовала, не уговаривала остаться, а молча укладывала необходимые в дорогу вещи.

Отец её в это время прошёл в комнату к домашнему врачу Душану Петровичу Маковицкому, и предложил ехать с ним, рассудив, что один не осилит превратности дороги.

После принятого решения в нём проснулась неуёмная жажда деятельности и какая-то молодая, бьющая ключом энергия.

Загасив свечу, он вышел во двор, и, забыв о кабане, чуть не бегом направился к деревянной избушке, где жил кучер и нервно застучал в окошко, велел выбежавшему на крыльцо мужику в кальсонах и накинутом зипуне, срочно запрягать.

Таким же скорым шагом поспешил к дому, обронив с головы сбитую веткой шапку.

«Некогда искать, Попрошу дочь вынести другую. Скорее, скорее, пока не проснулась Софья Андреевна».

– Готовы? – ворвался в дом.

Пока ехали по «прешпекту», в висках предательски застучала мысль, что больше не увидит этой аллеи, этого дома и две эти невысокие башенки у главного въезда в усадьбу, – вытер непрошенные слёзы, когда пролётка выехала из имения на дорогу к станции.

Первый, из оставшихся одиннадцати дней сумасшедшего гения, начался.

Станция с газовым фонарём. Билеты до Козельска в третий класс – коли решил опроститься. Ожидание поезда среди мужиков.

«Наконец-то я с ними... С народом... И поэт Добролюбов больше не станет меня осуждать».

В Козельске первым делом поехали с доктором в монастырскую гостиницу, что рядом с монастырём под горой, и сняли в ней номер.

Немного передохнув с дороги, Толстой надумал посетить скит, где жил старец Иосиф.

До него от монастыря было примерно с полверсты. Вход в Оптину Пустынь находился со стороны реки Жиздры. От гостиницы до главных ворот монастыря, что стоял на холме, вела неширокая лестница.

С трудом уже поднявшись по ней – энергия бесследно куда-то исчезла и наступила тягостная апатия, Лев Николаевич остановился у звонницы, не решаясь пройти в монастырь. Через

него до скита добираться было легче и ближе, нежели идти снаружи, кругом монастырской стены.

«Мне, отошедшему от Церкви, неудобно входить в монастырь без приглашения, – подумал он. – Придётся идти кругом», – постояв и оглядевшись, пошёл вдоль стены в обход.

А силы убывали...

Добравшись до скита, остановился, и, дрожа ногами от усталости, ждал, что выйдет келейник и пригласит к старцу.

Он не знал, что старец тяжело болел и никого не принимал.

«Вот и не верь в приметы после этого. Не зря в народе говорят – потерять шапку – к беде», – разбитый физически и опустошённый духовно, вернулся в гостиницу.

– Лев Николаевич, – взяв его за руку и посчитав пульс, произнёс Маковицкий. – Вам бы полежать. Недавно разговаривал с одним монахом. Он рассказал, что по монастырю уже разнеслась весть о вашем приезде. Некоторые монахи видели вас стоящим в ожидании у ворот. Но, поскольку имеется постановление Синода, пригласить не решились. Игумен отец Варсонофий запросил епархиальные власти в Калуге.

– Пока они решают, завтра с утра съезжу к сестре в Шамордино. Это недалеко отсюда.

Монахиня Мария без команды епархиальных калужских властей, провела брата в келью, куда пришли близкие к ней монахини.

– Лев Николаевич, обязательно посети старца Иосифа, – посоветовала сестра. – Хотя он и болеет, но тебя непременно примет, поговорит и обязательно даст полезный совет, так как славится своей мудростью, не меньшей, чем у его учителя.

– Да и игумен Варсонофий умён и начитан. С ним бы тоже полезно побеседовать, – посоветовала одна из монахинь.

– Пока он не получит разрешения из епархии, говорить не будет, – произнесла сестра.

– Знаю я их, – привычно стал обличать церковников Толстой. – Калужский епископ побойтся что-либо решать и телеграфирует в Синод. Там тоже, пока суть да дело, не один день минует... Останусь-ка пока у вас, в Шамордино, – решил Лев Николаевич. – Сниму избу и буду ждать ответа из Синода и приглашения отца Варсонофия. После и в скит наведаюсь, – вернулся к вечеру в монастырскую гостиницу за вещами, где и заночевал.

На следующий день, 30 октября, отца в гостинице навестила его дочь Саша, сообщив, что мама, узнав об уходе мужа, хотела покончить с собой, бросившись в пруд, но утонуть не сумела, ибо воды там курице по колено: «Теперь собирается ехать сюда за тобой, чтоб увезти домой».

Лев Николаевич не сознался дочери и доктору Маковицкому, что более всего и желает этого... Хочется домой, в Ясную Поляну. Сил уже нет. Он устал и ему нужен покой и уход.

Но в этот день жена не приехала.

Дочь, фрондируя против матери и по-молодости думая, что оказывает большую услугу отцу, предложила ехать дальше на юг, где Софья Андреевна не сумеет найти своего супруга.

Лев Николаевич чувствовал себя изнеможенным, ничего уже не понимающим и не контролирующим обстановку. И опять эти кабаньи морды кругом: «Бежать, бежать от них. Вот что значит – шапку потерять», – с помощью дочери и доктора сел в поезд №12, что шёл в южном направлении необъятной России.

Здоровье от нервов, переживаний и физических нагрузок, которые так расхваливал поэт с фамилией великого критика, ухудшалось не по дням, а по часам.

Дождливый промозглым вечером 31 октября 1910 года к платформе маленькой, никому не известной станции Астапово, подошёл товарно-пассажирский состав.

Доктор Маковицкий, видя, что писатель совсем плох и временами теряет сознание, выпрыгнул из вагона и, увидев дежурного по станции, бросился к нему.

– Пожалуйста, не отправляйте поезд, – заполошенно кричал он, глотая слова и не умея сразу выразить мысль. – Здесь граф Толстой. Ему плохо. Где найти начальника станции?!

– Пить надо меньше, – сделал замечание издёрганному пассажиру с всклокоченной бородкой и красными глазами станционный чиновник.

Но подумав, смиростивился:

– Вон евойная хата, – указал на небольшое станционное строение неподалёку от железнодорожных путей, огороженное жёлтым штaketником.

Начальник станции Иван Иванович Озолин ужинал в кругу семьи, пригласив соседа по дому, а по службе являвшегося его помощником. Тот с набитым ртом умудрялся читать утреннюю газету: «Лев Толстой ушёл из Ясной Поляны. Настоящее местопребывание его неизвестно».

– Вы бы прожевали вначале, сударик, а потом уж читали, – сделала замечание соседу супруга начальника, – а то всю скатёрку заплевали, – услышали стук в окно, затем в дверь.

– Кого ещё нелёгкая несёт? – тоже с туго набитым ртом пробубнил начальник, окончательно рассердив супругу.

– Там какой-то господин буйный вас спрашивает, – недовольно глядя на хозяйку и вытирая руки несвежим фартуком, доложила служанка.

– Приси! – в пику жене велел немного выпивший супруг.

– Извините ради бога, – прижал руки к груди вошедший, вернее даже, вбежавший, средних лет мужчина со слезящимися глазами. – Господа, я доктор Льва Николаевича Толстого. Писатель следует этим поездом. Он болен и его жизнь в опасности.

Изо рта потрясённого начальника станции, который попытался что-то произнести, раздалось невнятное клокотание, закончившееся кашлем.

Не услышав ответа, взволнованный Маковицкий продолжил:

– У него высокая температура, частый пульс... Дальше ехать не в силах, – сжимал и разжимал перед грудью пальцы.

Немного пришедший в себя Озолин, раскрасневшийся и с таким же пульсом, как у его кумира – заболевшего писателя, вскочил со стула:

– Да... Я просто счастлив, – тоже стал сжимать и разжимать перед грудью пальцы. – Вы не так меня поняли... Хоть что-то сделать... Как-то услужить... Оказать любезность... Гостиницы у нас нет... Ведите Льва Николаевича сюда...

– Располагайтесь в этой половине дома, а мы перейдём в другую, – выручив мужа, внятным голосом произнесла его супруга. – Хотя у нас всё немудрёно и незатейливо, но постель свежей простынёй сейчас застелю и милости просим...

– Простите! Если это удобно. Иного выхода у нас нет...

– Удобно, удобно. Ну что вы, мужчины, какие растерянные. Иван Иванович, – строго глянула на мужа, – ступай, помоги графа довести.

У вагона уже собралась толпа, потому как кондуктор успел по секрету шепнуть торговавшей семечками бабе, что тут едет сам Толстой.

Хотя Россия и считалась неграмотной страной, но пришли даже рабочие из железнодорожного депо. Кто посмелее – заглядывали в окошко, мечтая увидеть писателя, и всю жизнь потом этим хвалиться.

– Лев Николаевич, комната найдена, – пробравшись сквозь толпу в вагон, обратился к Толстому доктор. – Начальник станции любезно предоставил своё помещение.

– Благодарю вас, – коснулась руки Озолина дочь писателя.

Обмирая одновременно от счастья и горя, Озолин бережно подхватил под руки тяжело дышащего старика, и вместе с доктором осторожно повел его по вагонному коридору к выходу.

– На руках, на руках надо нести. Сам не дойдёт, – раздался голоса.

Рабочие подняли графа и аккуратно, стараясь не сделать больно, понесли к пристанционному домику.

Лев Николаевич, когда его поставили на ноги, внимательно оглядел невзрачное одноэтажное строение с низкими окнами и, неожиданно для себя перекрестившись, шагнул внутрь.

Тяжёлая деревянная дверь громко захлопнулась за ним.

Ранним утром 7 ноября Льва Николаевича Толстого не стало.

Просто и тихо ушёл из жизни великий писатель, умерев так, как мечтал жить – среди простых людей в бедном доме «станционного смотрителя».

«Как в данном случае вести себя? – получив письменный доклад о смерти Толстого, размышлял император. – С одной стороны его смерть – большая русская утрата. С другой – он отлучён от церкви и согласно православным канонам и традициям государственная власть не должна воздавать ему посмертные почести. Придётся выбрать компромисс: не принимать участия в гражданских похоронах, но и не препятствовать тем, кто придёт на погребение», – взяв ручку и макнув перо в чернильницу, поставил на докладе помету: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во времена расцвета своего дарования в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым Судией».

Позже императору доложили, что в похоронах приняли участие несколько тысяч человек – в основном студенческая молодёжь.

«Последний приют у Льва Николаевича уютный, – закурил государь, размышляя о смерти. – Зелёный летом холм в цветах у Ясной Поляны. Судьба сподобила умереть графа в избушке богом забытой станции. Это же надо... Но хотя умер в избушке, похоронен при большом скоплении народа. В основном – студенчества. Его антипод, отец Иоанн Кронштадский тоже похоронен при огромном стечении людей. В основном – крестьян. Я-то, ясное дело, упокоюсь в Зимнем дворце Петербурга или в Александровском, Царского Села. Но вот придёт ли ко мне по велению сердца столько подданных, дабы отдать последний долг и проститься? Скорее всего – всё сведётся к традиционным протокольным похоронам. И кроме дочерей, сына и жены вряд ли кто хоть слезинку уронит... Лицемеры...» – вспомнил великих князей и ближайшее окружение.

Смерть Льва Толстого, как и ожидалось в министерстве внутренних дел, вызвала студенческие беспорядки.

«Не начало ли это поворота?» – ликующе писал Ленин в заграничном органе социал-демократов.

Да ещё в конце месяца, на каторге, в знак протеста против телесных наказаний каторжан, отравился и умер убийца Плеве Егор Сазонов.

В Петербурге, на Невском, произошли уличные демонстрации, к которым, впервые после 1905 года, примкнула небольшая часть рабочих.

В середине декабря начались рождественские вакации, и студенческие волнения пошли на убыль.

К тому же 11 января наступившего 1911 года, Совет министров своим распоряжением запретил сходки в стенах высших учебных заведений, что, разумеется, вызвало бурю возмущения не только учащихся, но и профессоров.

В Московском университете ректор Мануйлов, его помощник Мензбир и проректор Минаков подали в отставку.

В ответ их не только сняли с занимаемых постов, но и отрешили от профессорских должностей.

Тогда часть студентов объявила забастовку на весь весенний семестр. Но среди студенчества уже не было того единства, что в революционные годы. Многие продолжали посещать лекции.

Министр народного просвещения Кассо, сменивший осенью прошлого года Шварца, предпринял решительные действия против всякой агитации и потребовал от преподавательского состава читать лекции при любом количестве слушателей.

Посещаемостью особенно отличились Высшие женские курсы. На лекции приходило всего по несколько человек.

К ним министр просвещения никаких репрессий не предпринимал, помня, что во время войны с Японией, учившиеся в этих стенах дамы даже слали поздравительные телеграммы микадо, став потом верными подданными российского императора и добропорядочными матерями и жёнами.

«И эти перебесятся и успокоятся», — думал он.

Весь февраль и март студенты пытались срывать занятия, но в начале апреля выдохлись или «перебесились», по мнению министра просвещения.

Число слушателей стало возрастать, и студенты приняли решение о возобновлении занятий.

Газеты активно и оживлённо освещали эти события, посвящая им первые полосы, но в обществе студенческие беспорядки и забастовки не вызывали былого сочувствия.

И даже наоборот.

Пресса, не желая терять читателей, мигом перестроилась, публикуя на своих страницах критические статьи, осуждающие школьников: «Надо надеяться, что студенты сами поймут моральную недопустимость и полную нецелесообразность этого средства борьбы, разрушающего высшую школу».

Эсеры и социал-демократы в быстром наведении порядка винили Столыпина, обвиняя его в том, что сумел переломить настроение большинства россиян в пользу государственной идеи, нанеся огромный удар революционному движению.

К тому же девятый и десятый года были самыми урожайными в истории России — чего бастовать-то — живи и радуйся.

Император с семьёй, после революционных лет, когда не осмелились прибыть даже на похороны великого князя Сергея, смело ездили не только за границу, но и по просторам Российской империи.

Так, в конце августа — начале сентября 1911 года в Киеве намечалось открытие памятника императору Александру Второму.

Официальные торжества решил посетить император с дочерьми.

Помимо государя ожидалось прибытие некоторых великих князей и высших сановников, включая Председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина.

Тайная полиция заблаговременно стала готовиться к визиту. И тут же начал разгораться первый скандал.

Общее руководство охраной император возложил на товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов, генерал-лейтенанта Павла Григорьевича Курлова.

Однако, согласно давней традиции, за обеспечение безопасности царской семьи отвечали генерал-губернаторы.

Столыпин весьма удивился, когда узнал, что Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор Фёдор Трепов младший, указом императора, в сфере безопасности подчинён Курлову.

Это беспрецедентное решение император принял без согласования и даже уведомления министра внутренних дел. Столыпина просто поставили перед фактом.

Пётр Аркадьевич сдержал эмоции и не стал устраивать демарш, рассчитывая позже обсудить это казусное решение с императором.

Однако генерал-адъютант Трепов воспринял такое положение вещей как унижение – подчиняться какому-то там прохвосту Курлову, и подал рапорт об отставке, мотивируя своё решение тем, что считает оскорбительным то обстоятельство, что его отстранили от высшего надзора за охраной государя. В этом он усматривает признание его недостойным занимаемого поста.

Столыпин, дабы погасить разгорающийся перед началом киевских торжеств скандал, написал Трепову письмо, в котором не очень убедительно пытался оправдать ошибочность высочайшего решения. Следом отправил ещё одно, с припиской: по прочтении уничтожить, где реалистично обрисовал ситуацию, в которой министр внутренних дел не всегда властен назначать своих заместителей: «Генерал-лейтенант Курлов – креатура дворцового коменданта генерал-адъютанта Владимира Дедюлина, весьма влиятельного в ближайшем окружении царя. А так как он видится с императором чаще, то сумел повлиять на него. Государю, как я понял, важна система политических противовесов. Николай не желает, чтоб премьер обладал всей полнотой власти, ибо хозяин земли русской – ОН».

Курлов отрядил в столицу Юго-Западного края тридцатитрёхлетнего статского советника Митрофана Веригина, которому недавно посодействовал в назначении вице-директором Департамента полиции. И попросил Дедюлина направить в Киев мастера политического сыска полковника Спиридовича, занимающего должность заведующего охранной агентурой, выполняющей функции обеспечения безопасности императорской семьи.

– Ибо он находится в вашем подчинении, а не министерства внутренних дел. К тому же прекрасно знает Киев, поскольку три года занимал там должность начальника охранного отделения, кою, можно сказать, передал своему товарищу по Павловскому военному училищу подполковнику Кулябко.

– И не только должность, но и сестру, – хохотнул Дедюлин. – Подполковник является свойственником Спиридовича. Но находится явно не на своём месте. Два года назад Киевское охранное отделение инспектировал полуопальный, – вновь хохотнул, – генерал Герасимов. Очень умный господин. Он констатировал полный развал агентурной работы, беспечное разбазаривание выделенных на неё средств и низкий профессиональный уровень агентов, с характерными агентурными псевдонимами: «Водочный», «Пивной», «Ликёрный».

– Да-а. У Кулябко своеобразный, судя по кличкам, контингент, – в свою очередь гоготнул Курлов.

– А Спиридовича в Киев я направлю. Ему и по должности положено там находиться. Разве что – вместе с государем. Но пусть отправится пораньше. Государь не будет против. Я недавно с позором проиграл ему три партии в шашки. На радостях – согласится, – поразил Курлова амикошонством по отношению к императору.

Неразлучные приятели: Бобинчик-Рабинович, Ицхак и Хаим мирно ужинали в скромной киевской корчме «Гопак», что на Большой Владимирской.

– Господа, давайте к украинскому борщу и жаркому закажем-таки карпа с грибами, галушки, уточку с домашней лапшой, – изощёл слюной Бобинчик-Рабинович, тряся пухлыми щеками, – и... варенички со сметанкой, – вытер платком губы. – А шо? Я справлюсь. Если фамилия двойная, то и порция должна быть в два раза больше, – загоготал над своей шуткой.

– А есть ещё картофель со свиным мясом и черносливом, шпигованное сало, буженина, и другая некошерная пища, – стал издеваться над обжорой тощий доходяга Ицхак, не удосужившись оценить кухонный юмор приятеля. – Мы сюда не жрать... пардон... не кушать пришли, а на важную встречу, – огляделся по сторонам. – Может ещё от полиции удирать придётся, вот и плакали денежки, уплаченные за заказ. – Пампушки жуй и помалкивай, – велел молчаливому Хаиму. – И не переговаривайся.

– Да я молчу! – возмутился тот.

– А на лице у тебя написано, что споришь.

– Ицхак, давай хотя бы голубцы с мясом закажем.

– Ша, Бобинчик! Вон оно идёт, – незаметно кивнул в сторону двери, и все трое стали внимательно разглядывать приближающегося к ним изысканно одетого, высокого худого человека с толстыми губами и в очках под выпуклым лбом.

– Дмитрий Богров, – подойдя, представился вошедший и улыбнулся, показав крупные, по мысли Бобинчика – лошадиные, зубы.

– Как ви нас узнали? – поразился Ицхак

– Вас трудно спутать с хохлами, господа, – независимо уселся на свободный стул. – Неужели нельзя было назначить встречу в приличном ресторане, а не в этом трактире, – брезгливо окинул взглядом помещение.

– Вот и я того же мнения! – поддержал пришедшего Бобинчик. – Хотя и здесь, при желании, можно неплохо провести время.

– Почему – Дмитрий Богров? – заволновался Хаим, почесав лысый затылок. – А говорили, что НАШ.

– Ваш, ваш, – иронично глянул на него гость. – Мордохай Гершкович Бехарер. Внук известного еврейского писателя Герша Бехарера, книгами коего вы просто зачитывались в юности, – вновь съязвил и громко заржал, выставив, по мысли Бобинчика, два ряда «прелестных лошадиных зубов». – Коли задумали чего, нарушающее заповедь «не убий», так у меня в кармане браунинг заряженный, – предупредил единоверцев, подпортив аппетит Бобинчику.

– Мы тоже, Дмитрий, не хочется называть тебя благородным именем – Мордохай, не с пустыми руками пришли, – сурово обвёл взором гостя Ицхак. – Даже если вдруг сумеешь прикончить нас, от организации не уйдёшь... И все евреи, услышав о тебе, станут плевать и проклинать твою маму. Тебе хочется этого? – с удовольствием заметил, как гость отрицательно помотал головой. – Идут разговоры, что ты, милейший, служишь осведомителем и несколько раз давал жандармам ценную информацию, – обличительно воззрился на Богрова Ицхак.

– Да нет же, братья, – утратил тот свой апломб. – Моя цель – войти к ним в доверие, как Азеф, и уничтожить кого-либо из высших государственных лиц, вплоть до министра. Чтоб очиститься перед вами и доказать свою невиновность, хоть сейчас могу застрелить первого попавшегося на улице полицейского... Но кому от этого будет польза? Просто одним хохлом станет на свете меньше. Могу ликвидировать даже подполковника Кулябко, явившись к нему, якобы, по делу...

– Реабилитировать и обелить себя, господин, э-э-э, Богров, ты можешь лишь в том случае, если устранишь министра, – просипел Ицхак. – Для этого заинтригуешь тупого хохла Кулябку, навешав на его уши «ценную» информацию о готовящемся покушении на Столыпина... Всё мною продумано. Расскажешь жандарму, что месяц назад тебя нашёл знакомый по Петербургу, где ты «стучал» на нас полковнику Коттену.

– Не было этого, мамой клянусь... и дедушкой писателем, – побожился Мордка Бехарер, он же – Дмитрий Богров. – Коттена для внедрения посещал...

– Ша! Слушай сюда. Поведает жандармскому хохлу..., сбил меня с мысли... Ах, да. Нащупал её. Скажешь, что этот знакомый – боевик и эсер Николай Яковлевич, сообщил тебе, будто во время киевских торжеств планирует совершить покушение на одного из министров. И у него есть помощница-женщина. Кулябко клюнет. Потому как его предки носили на голове хвост, который звали – оселедец, – расслабился Ицхак.

– Гы-гы, – развеселился Бобинчик. – А всему миру известно, что хвост имеет свойство расти только из задницы... Его не обманешь, – рассмешил компанию и сам загоготал на всю корчму.

Вечером 26 августа на Бульварно-Кудрявской улице, в квартире начальника Киевского охранного отделения подполковника Николая Кулябко, ужинали столичные гости: Веригин и Спиридович.

– Всё под неусыпным присмотром, господа, – распинался перед ними хозяин. – Драгоценной жизни императора и его семьи ничего не угрожает. Тотальный и повсеместный контроль. Тем более, в помощь нашей полиции вместе с вами прибыли сто восемьдесят девять жандармов и сотрудников филёрского отряда. Весьма опытные и обученные люди, как я понимаю. С моей стороны владельцам домов и усадеб предписано держать запертыми ворота в местах проезда высших особ. Все дворники уведомлены, чтоб тут же сообщали, куда следует, о подозрительных жильцах и прочих личностях. Разносчики, извозчики, газетчики, посыльные, лавочники, находящиеся в районах охраны получили подробные инструкции, и сами будут постоянно проверяться чинами охраны на вопрос подставных лиц. Офицеров полиции обязал несколько раз в сутки проверять бдительность постов охраны и добросовестное исполнение ими своих обязанностей.

– Единственно, волнует отношение Петра Аркадьевича к своей безопасности, – вздохнул Веригин. – Пережить столько покушений и так безответственно относиться к мерам охраны... Уезжая в провинцию Столыпин может брать людей из числа сотрудников столичного охранного отделения, но никогда этого не делает.

– Аналогично премьер повёл себя и сейчас, – поддержал его полковник Спиридович. – Завтра он прибывает в Киев и намерен поселиться в доме генерал-губернатора на Институтской улице. Где его безопасностью займётся лично Трепов, – услышали звонок в прихожей и насторожились.

Хозяин не поленился, и лично пошёл встречать незваного гостя.

– Господа, – через минуту явился в сопровождении высокого молодого мужчины с беспокойно бегающими глазами за стёклами очков. – Прошу знакомиться. Присяжный поверенный Дмитрий Григорьевич Богров. Проверенный и ценный секретный сотрудник по кличке Аленский. Прибыл с важной информацией.

Хозяин усадил гостя за стол и он, начав издали, поведал столичным полицейским начальникам, что около года назад встречался с неким Николаем Яковлевичем.

– Знакомство завязалось через моего товарища, присяжного поверенного Кальмановича и журналиста Лазарева...

– Известны своими связями с партией эсеров, – перебил секретного сотрудника подполковник Кулябко. – Продолжайте, Дмитрий Григорьевич.

– В отношении с ними я выдавал себя за революционера, хотя на самом деле выполнял задание начальника Петербургской охранки полковника фон Коттена.

Спиридович, извинившись, мгновенно поднялся из-за стола и прошёл в другую комнату к телефону, дабы проверить сообщение агента.

Фон Коттен подтвердил, что Богрова помнит и одно время сотрудничал с ним.

– Недавно от Николая Яковлевича получил письмо, и мы встретились на даче моих родителей под Кременчугом, – продолжил рассказ Богров. – Он попросил подыскать в Киеве на время мероприятий, так он назвал торжества, конспиративную квартиру из нескольких комнат на трёх человек и лодку для плавания по Днепру, – заметил, что весьма заинтересовал жан-дармов. – Из его намёков понял – готовится крупный террористический акт из разряда «центральных», что на их языке означает убийство высшего сановника государства.

После ухода агента о сообщённых им сведениях тут же доложили Курлову.

– Не было печали, да купила баба поросю, – заорал тот в трубку, привнеся в ругань украинский фольклор. – Немедленно установить за его домом наружное наблюдение. Завтра Столыпин приезжает, а двадцать девятого числа – государь. Землю роите, но этого Николая Яковлевича разыщите и обезвредьте.

Столыпин прибыл в Киев в ночь с 27 на 28 августа, всего с одним охранником, выполнявшим, в основном, функции адъютанта, штабс-капитаном Владимиром Есауловым.

28 числа генерал-губернатор Трепов, забравший после убедительных просьб Петра Аркадьевича рапорт об отставке, на своём автомобиле и со своей охраной, сопровождал премьера при посещении Софийского собора Киево-Печёрской лавры, и готовящегося к открытию педагогического музея имени цесаревича Алексея.

29 августа в Киев прибыл император с семьёй и Фёдор Фёдорович, согласно своей должности, занялся сопровождением государя.

С этого момента охраны у Столыпина практически не было, но всё шло спокойно и согласно намеченной программе торжеств.

30 августа вместе с государем и высшими сановниками, Столыпин присутствовал на открытии памятника Александру Второму. На вечер следующего дня намечались гулянья в Купеческом саду.

Именно в этот день Богров дал о себе знать, сообщив Кулябке по телефону, что накануне ночью приехал Николай Яковлевич и остановился у него на квартире.

– Я выяснил, что их целью являются либо Столыпин, либо министр народного просвещения Лев Кассо.

– Это не телефонный разговор, господин Аленский, – прервал его подполковник. – Жду вас у себя с подробным письменным донесением.

«Какой же он тупой и доверчивый, – усмехнулся Богров. – Хвост не обманешь», – поехал на Бульварно-Кудрявскую, стращать начальство:

– Да, да! – подтверждал написанное в псеводоносе. – У него в багаже два браунинга. Сообщил, что приехал не один, а с девицей Ниной Александровной, которая будет у меня завтра. Думаю, что она везёт бомбу, – ввёл в ступор незадачливого и наивного подполковника. – Николай Яковлевич велел мне взять у вас билет в Купеческий сад, чтоб я собрал там точные приметы намеченных жертв, – перепугал жандарма, весьма высоко подняв в его глазах свою персону.

– Кулябко полностью мне доверяет и уцепился за мою персону, как утопающий за соломинку, – придя на встречу в харчевню «Гопак», сообщил Ицхаку и его товарищам. – Подумал, что раскусит, когда с дури ляпнул о намерении собирать точные приметы намеченных жертв, но он даже в голову не взял, что портреты Кассо и Столыпина часто печатают в журналах.

– Случайно хохлацкого хвоста за собой не привёл? – струхнул Бобинчик, уразумев, что игра пошла по крупному и ставки весьма высоки... Вплоть до его жизни.

– «Хвост» сейчас соображает тем местом, из которого растёт, как заработать орден за сохранность жизни Его величества.

– Ну что ж. Мы верим тебе, – поощрительно похлопал по плечу Богрова Ицхак, не заметив пренебрежительную гримасу на его лице.

Утром 1-го сентября Спиридович лично проинформировал Столыпина о готовящемся покушении, попросив его передвигаться по Киеву в закрытом авто.

– Да увольте меня, полковник, от своих страшилок, – не поверил ему министр внутренних дел. – Государя лучше берегите, – и пешком, оставив дома даже адъютанта, прогулялся по Институтской до дома Госбанка, где проживал его товарищ, министр финансов Коковцев.

Вечером сидел без охраны в обычной ложе на ипподроме, где проходил смотр «потешных», или бойскаутов, по-заграничному, состоящий из учеников гимназий.

На 21.00 в Городском театре, что на Большой Владимирской, согласно программе торжеств, была запланирована опера «Сказка о царе Салтане», в присутствии императора с дочерьми и его свиты.

– Театр проверить с чердака до подвала, – нервничал Кулябко, отдавая распоряжение своим подчинённым. – Досконально проверить пол в зале, бархатную обшивку барьеров и хрустальную люстру: «Не подпилил ли её Николай Яковлевич». – А главное – тщательный отбор публики. Все билеты именные, кроме десяти в задних рядах партера для агентов охраны.

Секретный агент Алентов, он же Бехарер, он же Богров, лично из рук Кулябко получил билет на место №406 в 18 ряду.

Театральную площадь в тот вечер охранял усиленный наряд полиции. По прилегающим улицам без устали прогуливались столичные и киевские филёры. Перед главным входом в Киевский театр оперы, конные городовые без промедления отгоняли освободившихся извозчиков.

В 20.45 автомобиль подвёз Столыпина к боковому подъезду театра. Через 5 минут он прошёл в зал и занял место в 1-м ряду.

В обширном зрительном зале, как говорится, яблоку негде было упасть, хотя не все высокие киевские чиновники удостоились чести получить именные билеты в Оперу.

Фраки, мундиры и умопомрачительные женские наряды, как цветы в оранжерее, украшали ложи и партер театра.

Музыканты настраивали инструменты.

Чем-то недовольный капельмейстер, сжимая в правой руке палочку и временами угрожающе взмахивая ею, переругивался с вихрастым евреем-скрипачом, канифолившим смычок, которым, в свою очередь, страшал капельмейстера.

Но вот всё стихло и замерло.

Угомонились даже капельмейстер со скрипачом.

Взгляды избранной публики благоговейно вперились в глубину слабо освещённой генерал-губернаторской ложи, где появился император с дочерьми.

Через несколько минут зазвучали начальные аккорды оперы, прерванные множеством громких голосов, кричащих одно слово: «Гимн!»

Офицеры в партере поднялись во весь рост и повернулись кругом, лицом к находившейся в конце партера генерал-губернаторской ложе.

Кричал почти весь зал. Музыка смолкла. Капельмейстер взмахнул палочкой, и музыканты поднялись со своих мест. Последним нехотя встал вихрастый скрипач.

Взвился занавес.

На авансцене живописно выстроилась участвовавшая в представлении труппа. По знаку капельмейстера хор, под звуки оркестра, торжественно грянул: «Боже, царя храни».

Весь зал начал подпевать.

Император медленно поднялся из кресла и замер, держа по швам руки и откинув вверх голову.

Взгляд его с люстры переместился к сцене и первому ряду, задержавшись на крупной фигуре своего премьера.

Председатель Совета министров глядел не на своего государя, а в сторону выхода из зала.

«Что, интересно, он там увидел?» – расслабился Николай, услышав заключительные аккорды гимна, и просунул левый локоть под эфес пашки.

– Ур-ра! – кричали сотни голосов.

У барьера вдоль оркестровой ямы столпились офицеры, и даже генералы.

Занавес опустили. Музыканты сели, держа наготове инструменты, чтоб начать оперную мелодию сказки.

Но крики не смолкали.

И по взмаху палочки капельмейстера, оркестранты вновь поднялись, и второй раз исполнили гимн.

Кулябко, чувствуя непонятную внутреннюю тревогу, приказал жандармскому чину в штатском вызвать Богрова, пока в театре творится тарарам.

– Дмитрий Григорьевич, что-то тревожно мне. Слетай-ка по-быстрому на свою квартиру и проверь, там ли твой гость или ушёл.

Исполнив поручение, Богров не смог сразу попасть в театр. Жандармский офицер в форме с погонами штабс-капитана, не пускал его – так как билет был надорван.

– Вызовите подполковника Кулябко, господин офицер. Я отлучался по его заданию.

– Ваша фамилия? – строго нахмурился вызванный из зала Кулябко.

– Штабс-капитан Банников, – щёлкнул каблуками офицер. – Вчера прибыл в Киев по личному приказу фон Коттена, для проверки агента Алентова.

– Да не кричите, капитан, – повысил столичного жандарма в чине подполковник. – Это и есть тот самый агент.

– Знаю! Ознакомлен с фотографией. Разрешите побеседовать с ним.

– Не разрешаю. И приказываю немедленно пропустить его. Что вы себе позволяете?

– Это вы что себе позволяете, господин подполковник? Допустив своего агента в театр, вы нарушили циркуляр Департамента полиции от 3-го октября 1907 года, запрещающий использовать секретных сотрудников для наружного наблюдения. Во-вторых, нарушаете Инструкцию об охране высочайших особ, согласно которой осведомители не допускаются в места присутствия императора.

– Вправе написать рапорт и подать его хоть фон Коттену, хоть генерал-лейтенанту Курлову. А сейчас приказываю пропустить в театр господина Богрова. Хотя вы и из столицы, но не лезьте не в своё дело, господин штабс-капитан, – не очень уверенно произнёс Кулябко, взяв под руку агента и провожая его в зал.

После второго акта Столыпин обернулся к своему адъютанту Есаулову, сидевшему через ряд за его спиной, и велел готовить автомобиль к отъезду:

– Третий акт самый короткий, – поднялся и распрямил затёкшую спину.

Увидев у барьера оркестровой ямы министра Двора Фредерикса и шталмейстера Потоцкого, подошёл к ним.

Растрёвоженный имеющими быть карами от столичного жандарма, Кулябко подозвал Богрова.

– Спектакль заканчивается, потому лучше езжайте домой контролировать заговорщиков. И, если столкнётесь, не задирайте приезжего офицера, – посоветовал ему подполковник, направившись к появившемуся в конце партера у царской ложи Спиридовичу.

«Столыпин здесь, – медленно идя к выходу, размышлял Богров. – Сам Столыпин... Ну пересплю за свою жизнь ещё с сотней женщин... Ну выпью ещё сто бочек коньяку... И всё!.. Уйду в иной мир... И никто не вспомнит обо мне... Никогда!.. Словно меня и не было на этой земле... А Я был... Я не умею сочинять стихи или прозу... Я не в силах что-нибудь создать... Но Я могу УБИТЬ... Как убил Пушкина Дантес... Как убил Лермонтова Мартынов... И об этих ничтожествах помнят...

А я не НИЧТОЖЕСТВО!..

И Я – МОГУ!

И обо Мне тоже будут помнить... Смерти Я не боюсь!.. Боюсь ЗАБВЕНИЯ!»

Повернувшись, уверенным шагом направился в сторону Столыпина, пробираясь между вторым и третьим рядами.

Встав напротив, выхватил браунинг, и без всяких эмоций, словно плохой актёр в дешёвом спектакле, дважды выстрелил в удивлённо глядящего на него ЧЕЛОВЕКА, а не червя, как сам.

Столыпин замер, медленно наклоняя голову и устремляя взгляд к кровавому пятну на груди.

Уже сквозь какую-то пелену он видел, как его убийца сначала медленно, потом быстрее и, наконец, бегом устремился к выходу. Увидел, как с шашкой наголо, прыгая по креслам, к убийце бросился Спиридович. Увидел, как стрелявшего в него человека у выхода из зала схватил за шиворот какой-то жандармский офицер и с силой ударил по лицу, затем ещё и ещё раз. Другой офицер старался спасти убийцу, вырывая из рук налетевших на него господ во фраках и мундирах... А затем взгляд его остановился на входящем в ложу императоре и Пётр Аркадьевич, прежде чем осесть в кресло и потерять сознание, махнул ему рукой, показывая, что здесь опасно и надо уйти, потому как может быть и второй убийца.

Потом этот жест оценят как благословение, присовокупив кем-то расслышанные слова: «Счастлив умереть за царя».

К убийце подбежал Кулябко.

– Это Богров! – схватился за голову. – Банников, что стоите? Пулей летите к дому Богрова и арестуйте всех, кто там находится.

– Николай Николаевич, распорядитесь отвести задержанного... ну хотя бы в курительную комнату, где проведём допрос, – застеснявшись юнкерских эмоций, убрал шашку в ножны Спиридович, и вытянулся во фрунт, когда мимо него пронесли Столыпина и уложили на диван в конце холла, неподалёку от касс.

Около раненого хлопотал врач, останавливая кровотечение.

– Господа, лишних прошу удалиться, – глянул на вошедших в курительную комнату Спиридовича с Кулябко прокурор Киевской судебной палаты. – Как я понял, свою миссию вы уже выполнили, – полным сарказма голосом проскрипел он, с вызовом продолжив монолог: – Допрос поручаю подполковнику Иванову, спасшему арестованного от самосуда.

Разъярённые жандармы вышли в холл.

– Доктор, куда увозят Петра Аркадьевича? – обратился к врачу Спиридович, с трудом сдерживая негодование.

– В клинику Маковского на Малую Владимирскую. Может, выкарабкается, – словоохотливо продолжил врач. – Одна пуля легко ранила Столыпина а руку, но другая попала в грудь. Однако его превосходительство спас покровитель Киева и святой Руси Владимир в образе ордена, куда попала пуля и изменила губительное направление в сердце, – на едином дыхании выпалил он, и поспешил за носилками с раненым.

– Ну, слава Богу, – широко перекрестился Спиридович, краем глаза заметив вошедшего в холл штабс-капитана.

К нему уже подошёл Кулябко.

– Ну что? Арестовали злоумышленников?

– Никак нет, господин подполковник. Все двенадцать комнат оказались пусты.

– Что, никого там не было? – совершенно растерялся жандарм, понимая, что оказался обыкновенной пешкой в чьей-то умной игре.

– Ну как не было? – вспомнил хамское отношение подполковника в первую их встречу у дверей в вестибюле. – Кот из-под кровати выглядывал, морда эсеровская.

– Нашли время шутить, – отмахнулся, даже не оскорбившись, Кулябко.

Допрос Богрова продолжался до утра, после чего уже сам Курлов попытался забрать убийцу к себе, в охранное отделение.

Но прокурор проявил характер и приказал отправить арестованного в тюрьму Киевской крепости – Косой капонир.

В первые дни газеты печатали оптимистичные бюллетени, описывая, что режим в клинике весьма благоприятный для лечения, и даже мостовую на Малой Владимирской, по приказу генерал-губернатора, застелили соломой, дабы проезжавший транспорт не создавал шума.

Пулю изъяли, но оказалось, что осколки ордена сыграли роковую роль, поразив печень, и 5-го сентября Столыпин скончался.

Вскрыв завещание, присутствующие замерли от какого-то мистического ужаса, прочитав: «Я хочу быть погребённым там, где меня убьют».

– Бедный, он знал, он чувствовал, что его убьют и постоянно жил с этой мыслью, – разрыдалась жена.

9-го сентября Столыпин был погребён в Киево-Печёрской лавре.

В трапезной церкви, где проходило отпевание, собралось правительство, высшие генералы и офицеры, члены Госсовета и даже крестьяне из ближайших деревень.

Государь не присутствовал...

«Я не смогу держать маску хладнокровия, уверенности, невозмутимости и разрыдаюсь, как мальчишка. При жизни я мог быть чем-то недоволен и даже злиться на него, а сейчас в душе лишь бесконечная жалость от потери этого умного человека. Второго такого мне не найти», – отстояв 6-го сентября панихиду во Владимирском соборе, уехал из Киева, где всё дышало произошедшей трагедией, в Севастополь.

Следствие двигалось удивительно быстро, и уже 9-го сентября состоялось заседание военно-полевого суда, приговорившее убийцу к смертной казни через повешение.

Вечером следующего дня приговор утвердили, но исполнение отложили на сутки, потому как наступила ночь с субботы на воскресенье. А казнить накануне воскресенья в России не полагалось.

В ночь на 12-е сентября, приговорённого вывели на один из фортов крепости – Лысую гору, где соорудили виселицу, и в 3 часа ночи приговор привели в исполнение.

Император назначил расследование действий должностных лиц.

Виновные тут же нашлись: генерал-лейтенант Курлов, вице-директор Веригин, полковник Спиридович и Кулябко.

Курлов написал рапорт и к радости генерал-губернатора Трепова тут же получил отставку – не в свои сани не садись.

Веригина по-тихому уволили из министерства внутренних дел.

Спиридович совершенно не пострадал, поскольку его главной функцией являлось обеспечение безопасности царской семьи и государя, а они не пострадали.

Николай Николаевич Кулябко был отрешён от должности, и кроме обвинения «в бездействии власти, имевшим особо важные последствия», подвергся проверке и был уличён в рас-

трате средств. За это предан суду и приговорён к тюремному заключению. Отсидел, правда, вместо шестнадцати месяцев всего четыре.

Затем проживал в Киеве, удачно трудясь агентом, только не в полиции, а по продаже швейных машинок.

Не воруй, однако!

А что жизнь премьер-министру не сохранил – это дело десятое.

Армейское бытие, между тем, шло своим чередом.

В начале октября командир лейб-гвардии Павловского полка генерал-майор Некрасов собрал в портретном зале офицерский состав.

– Господа! – начал он. – Вы знаете, что международная обстановка после русско-японской войны существенно осложнилась и правительство понимает – без мощной армии Россия великой державой не будет. А некоторые офицеры совершенно завалили работу по внедрению благоразумного безалкогольного образа жизни в стройные ряды нашего полка, – осуждающе глянул на Акима. – А ещё председатель полкового общества этой, как бишь её – трезвости. Штабс-капитан Рубанов, что вы сделали недовольное лицо? Где адъютант полка? Завтра утром на моём столе должен лежать приказ, начинающийся со следующих параграфов, – задумчиво откашлялся, и продолжил: »В 5.00 часов вечера в Михайловском манеже Его высокопревосходительство командир Гвардейского корпуса генерал от инфантерии Данилов...

– По прозвищу «Петрушка», – шепнул Буданову Аким.

– ... будет производить очередную разбивку новобранцев. Для приёмки новобранцев от полка нарядить и выслать к указанному часу в манеж по два унтер-офицера и фельдфебелей от 1-й и 2-й рот. Для наблюдения за приёмкой и для отвода новобранцев в казарму назначаются штабс-капитаны Рубанов и Буданов». – Утром на подпись, – исподлобья глянул на адъютанта полка, продолжив лекцию: – Комплектование армии – одна из главнейших задач военного министерства. Согласно статистическим данным, во время русско-японской войны в Маньчжурской армии выбыло тридцать процентов офицерского состава и двадцать процентов нижних чинов. Убыль восполняется тем, нравится это кому-то или нет, что с 1911 года во всех военных училищах, за исключением Пажеского корпуса, отменены сословные ограничения при приёме...

– Такого даже в Англии нет, – поразился Ряснянский. – Полежут к нам в друзья тороватые купчишки и прочие разночинцы, – недовольно уставился на портрет генерал-майора Моллера и вздрогнул, потому как ему показалось, что Фёдор Фёдорович одобрительно кивнув, поддержал его.

– Та-а-к... Адъютанту полка внести в завтрашний приказ параграф: «Общее руководство по разбивке новобранцев от лейб-гвардии Павловского полка осуществляет полковник Ряснянский». Язык, Евгений Феликсович, может ни только до Киева довести или Михайловского манежа, но и до отставки, – насупился генерал. – К тому же право на пенсию вы уже выслужили сполна, отдав армии четверть века своей жизни. После училища каждый офицер обязан прослужить не менее пяти лет. Не важно, дворянин он или, как выразился господин полковник – купчишка. Вот и всё, что я хотел довести до вашего сведения, господа.

К 5 часам вечера полковник, два штабс-капитана, фельдфебели и унтер-офицеры первых двух рот лейб-гвардии Павловского полка стояли у ворот манежа.

– Пал Палыч, сколько на твоих призовых? – поинтересовался полковник.

– Ровно семнадцать часов, ваше высокоблагородие.

– Пройдёмте в манеж, – распорядился Ряснянский. – Музыканты прибыли? – вновь обратился к фельдфебелю.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – опередил с ответом товарища Василий Егорович. – В семь вечера к задним воротам манежа подойдут.

– Такова диспозиция Свиты Его величества генерал-майора Константина Герасимовича Некрасова, – отрапортовал Буданов и улыбнулся.

Во всю длину ярко освещённого манежа с ноги на ногу переминались около тысячи пёстро одетых парней в армяках, зипунах, треухах, кепках, а один, в первом ряду, выделялся жёлтым пальто и цилиндром.

– Явно приказчик из галантерейной лавки, – определил его статус Рубанов.

– А мне кажется – купеческий сынок, – оглядел новобранца Буданов.

– Пал Палыч, ступайте с Ивановым, пока высокого начальства нет, опросите новобранцев, выбирая мастеровых: кузнецов, слесарей, столяров, особенно поваров, портных и сапожников. В хозяйстве пригодятся и музыканты. А этих, как их, приказчиков и купчиков не берите.

– Знамо дело, Евгений Феликсович, не впервой, – подтянул белый ремень на шинели Иванов.

– Это что за самовар на голове? – оскорбил павловский головной убор владелец блестящего чёрного цилиндра. – И сверху – ёрш для чистки, – продолжил делать свои «гнилые», на взгляд павловцев, умозаключения новобранец.

– Мы мужчины ёжики, за голенищем держим ножики, – пропел его товарищ, приплясывая и топая в ритм ногами в лаковых сапогах.

– Левонтий, – обратился к старшему унтер-офицеру Сидорову Пал Палыч. – Этих артельщиков горбатых, хотя и нужны они нам – как игуменьи шпоры, возьмём в полк, – прошли дальше вдоль ряда.

– Да-а, разбивка – дело нелёгкое, сделал вывод Ряснянский. – В старину император Александр Второй любил производить её лично. Позднее великий князь Владимир Александрович с наслаждением занимался распределением новобранцев по гвардейским полкам. Аким Максимович, ты первый раз на подобном мероприятии? – и, не слушая ответ, добавил: – Полюбуйтесь на старинные традиции. Вон и корпусной прибыл, – услышали: «Смирно!» и вытянулись во фронт.

Махнув рукой, что означало – отставить, Данилов с помощью вестового снял шинель и направился к группе офицеров.

Фельдфебели и унтера от гвардейских полков сновали между рядами и учили рекрутов, как полагается приветствовать начальство.

Приехавший с командиром корпуса один из генералов, встал перед пёстрой шеренгой и во всю глотку крикнул:

– Смирно! Слушай меня! Сейчас командир корпуса с вами поздоровается. Ответите: «Здравия желаем, ваше высокопревосходительство».

Вперёд важно выступил генерал-адъютант Данилов.

– Здорово, молодцы! Будущие царские гвардейцы!

И обомлел, слушая: «Здрасте!» «Добренького здоровьечка».

А новобранец в жёлтом пальто снял цилиндр и вежливо поклонился.

Лишь владелец ножичка за голенищем пьяно, но с воодушевлением проорал:

– Здравия желаю вашему степенству!.. И многих лет жизни, – чуть подумав, добавил он.

– Провал полнейший, – констатировал прискорбный факт Рубанов.

Данилов, придя в себя, взял у вестового заранее заготовленный мел и начал священнодействовать, медленно шествуя вдоль первой шеренги.

За ним семенил адъютант штаба войск гвардии с целой кипой списков, а рядом шёл верзила-унтер в форме Преображенского полка.

Ряснянский с ротными командирами, сбросив шинели, поспешили к группе офицеров, пристроившихся за штабным адъютантом.

За унтером-преображенцем шествовала толпа фельдфебелей и унтеров из других гвардейских полков.

Подойдя к новобранцу и внимательно окинув его генеральским взором, Данилов поставил у того на груди метку «1».

К удивлению Акима и тем более новобранца, великан-преображенец не просто прокричал, а протрубил своей лужёной глоткой: «Преображенский», -и, встряхнув за плечи такого же здоровяка, как сам, что есть мочи швырнул растерянного гиганта в группу приёмщиков.

Там его, стараясь делать серьёзный вид, подхватили и проводили к стене, где стояли другие преображенские приёмщики.

– Согласно традиции, обязательно следует швырнуть рекрута. И чем сильнее, тем лучше, – просветил Рубанова полковник. – Новобранец сразу теряет спесь и понимает, что по «его» тут делать не станут, ибо он теперь – нуль, под который вскоре его и подстригут.

– Семёновский! – услышали бычий рёв, и ещё один рекрут полетел в руки унтеров-приёмщиков.

– Ваше высокоблагородие, – по-уставному обратился к Ряснянскому Пал Палыч. – Нам бы вон ту парочку гусаков заполучить, – указал, кого именно. – Повар и музыкант-барабанщик, – принял грех вранья на душу, плотоядно поглядывая на парней: «В случае чего завсегда можно отвертеться, оправдавшись, что повар оказался «вторым супником-коклеточником» из третьеразрядной харчевни, в которой питались ломовые извозчики».

Переговорив с корпусным командиром, Ряснянский выпросил у него оказавшихся не особо нужными другим приёмщикам новобранцев.

– Но они же не курносые блондины, коими комплектуется ваш полк, – на минуту заколебался Данилов.

– Ваше высокопревосходительство, постепенно мы сделаем из них курносых, – честными глазами глядя на генерала, пообещал Пал Палыч, с удовольствием принимая летящего и подывающего от страха приказчика в жёлтом пальто.

По его цилиндру деловито топталось озабоченное скопище унтеров.

– Чего-то на этот раз нам достались сплошные скоморохи, – оглядел изломанную линию усталых новобранцев, выстроенных у задних ворот манежа, Ряснянский.

– Нормальный российский контингент, господин полковник, – стал спорить Буданов. – Немного крестьян и рабочих, босяков и хулиганов, парикмахер, повар, музыкант, а также сыновья питерских дворников, швейцаров и купцов, – под гром оркестра, исполняющего воинственный марш, повели несчастных в казарму.

Вечером, у полковой канцелярии, набежавшие из собранской столовой ротные, расхватили рекрутов, оставив Рубанову два унылых расфранчённых типажа, которых сразу взял в оборот Пал Палыч, перво-наперво сообщив им, что были они до армии дураки дураками в жёлтых пальто, а теперь могут поумнеть и даже до унтеров дослужиться.

– Как тебя, плясун, кличут? – обратился к подстриженному уже и одетому в военную форму солдату.

– Так, это...

– Смирно! И отвечай по уставу, глядя на меня преданно и бодро.

– Трофим Барашин, – попытался щёлкнуть каблуками нижний чин.

– Так я и думал, – жизнерадостно воскликнул фельдфебель. – Теперь ты, жёлтое пальто, обзовись.

Поклонившись и затем приложив руку к голове, второй солдат, безрезультатно пытаясь скорчить молодежавый вид, доложил:

– Нифонт Карпович Махлай

– Во как! – чему-то поразился фельдфебель. – Запомни на всю жизнь, служивый, – к пустой башке руку не прикладывают. Карпович, значит...– многозначительно произнёс Пал Палыч. – Теперь учись на свою лысую голову благородную гренадёрку надевать. Ефрейтор Сухозад. Назначаю тебя «дядькой» к плясуну Барашину. Обучишь его всем премудростям шагистики, отданию чести и уставам. Ну а я уж займусь нижним чином Махлаем, – многозначительно оглядел бывшего владельца цилиндра. – Как стоишь?! Ноги составь!

– Ну, дела-а! – обсуждал с товарищем прошедший день Нифонт Махлай. – Все друг перед другом навтыжку. Комбат перед командиром полка. Перед ним ротные держат руку под козырёк. И каждый божий день уборка помещения. Ложиться и вставать по сигналу...

– Да ещё и наряды не в очередь, – поддержал приятеля Барашин. – Чижало-о... Тут, брат – держись! Потому – дисциплина!

В начале ноября началась подготовка к полковому празднику, который выпадал на 23 ноября – день Александра Невского.

С утра полк шёл в Михайловский манеж, где проводилась репетиция парада. Занимались до обеда.

Ближе к полковому дню стали ходить в манеж и после обеда.

Прибывшее пополнение не брали, чтоб не портили строй. Их обучали отдельно.

В манеже было холодно и неудобно.

– Конюшной несёт и сырыми опилками, – недовольно ворчал Буданов.

– Любимый запах моего брата, – отчего-то развеселился Аким. – Ещё бы навозцу пару-тройку телег, да чтоб эскадронные лошади помочились, вот тогда бы полностью всё соответствовало кавалерийскому амбре.

– Рубанов, у вас что за праздник? Отчего такие восторги? Репетить пора. Стройте батальон, а я со стороны за равнением понаблюдаю. Сейчас отработаем прохождение развёрнутыми ротами и взводными колоннами. Наша задача добиться широкого и мощного шага.

Через два часа Ряснянский надумал отрабатывать одновременный выход командиров рот на середину перед строем.

– Буданов! – возмутился он, – вы не по центру стоите. Совсем глазомер растеряли.

– Зато у него, господин полковник, усы начали расти, – внёс струю юмора в мокрые от пота головы, Рубанов.

– Аким Максимович, – не воспринял шутку Ряснянский. – Подчиненная вам Царёва рота гренадёрки по команде «шапки долой», снимает – кто в лес, кто по дрова. А вы в упоение от непонятной мне причины вошли. У второй роты гренадёрки сдёргивать поучитесь, – поддел штабс-капитана и особенно фельдфебеля с дарёными часами.

«Это оттого, что у них кот учёный имеется», – вздохнул Пал Палыч.

– Пока другие роты отдыхают, Первая занимается одновременным снятием гренадёрок, – всё не мог отойти от командирского ража Ряснянский.

За три дня до праздника прибыл постоянный участник парадного ужина, «анахронизм», как называл его Евгений Феликсович, старик Вормс, начавший службу ещё в 1854 году, когда, вслед за Турцией, Англия и Франция объявили войну России, вошедшую в историю как Крымская, или Восточная.

В отставку старичок вышел в несуществующем сейчас чине майора при императоре Александре Втором, захватив и Турецкую кампанию 1877-1878 годов. «Анахронизм» любил щеголять в форме того времени, особенно гордясь кепи и полусаблей.

Ряснянский же был фанатик гренадёрки, о чём, как следует выпив на ежегодном праздничном обеде, бесконечно спорил с папашей Вормсом, крича: «Если бы носил гренадёрку а не кепку, я считал бы тебя реликвией, а не анахронизмом».

Между тем старичка он любил, и каждый год волновался – приедет ли дедушка на этот раз отмечать полковой праздник.

В этом году майор расстарался и привёз с собой старика-фельдфебеля.

– Пашка, ёш твою кош, – зашамкал ветеран, столкнувшись в казарме с Пал Палычем. – Шмель ты испанский, ошвобождай мою фатеру, – кивнул на каморку, – а шам в кажарме пошпишь. Фельдфешей штал, щучий потрах, а ведь шовшем недавно коровам хвошты крутил... Как штоишь... Ноги шоштавь, – лил и лил бальзам на истомившиеся сердца Махлая и Барашина. – И патрет мой в тенётах вешит... Ну, Пашка, ёш твою кош, пойдёшь ночью шартир чиштить, – пригрозил красному от разыгравшихся нервов фельдфебелю.

Утром 23 ноября старичок досконально проверил чистоту полов в казарме.

– Чиштые. Печи тоже чиштые. Молодец Пашуля. Глядишь, толк иш тебя и выйдет, – похвалил Пал Палыча, расплывшегося в блаженной улыбке.

– Портрет ваш, господин фельдфебель, а также картины и таблицы начищены до небывалого сияния. Шам, тьфу, сам проверял. Ни единой пылинки или пятнышка не имеется.

– Молодшина. Пошли ошмотрим шолдат.

– Опять лацкана ввели, – хвалился перед дедушкой. Ну-ка, ребята, подтяните пояса и поправьте помпоны на гренадёрках. Не срамите роту перед ветераном. Первый взвод. Шагом арш на улицу. Сейчас вместе с оркестром за знаменем полка в Зимний дворец пойдёте, – уговорил ветерана ехать к манежу на извозчике, а не топать пешком.

Полк выстроился на Марсовом поле и ожидал прибытия знамённого взвода.

– Морозит. А так вроде и ничего погодка, – сидя верхом на своём «Шантеклере», общался со стоящим у стремени Ряснянским командир полка. – Небольшой снежок лучше, чем дождь. Звуки марша слышишь? Наши идут. По-о-лк! Под знамя, шай на краул! – прокричал команду Некрасов.

Подождав, когда знаменосец с офицерами-ассистентами встанут на правом фланге роты Его Величества, под гром оркестра, треск барабанов и свист флейт, повёл полк в Михайловский манеж.

– Сапоги почистите, ребята, – суетился Пал Палыч, – у каптенармуса щётки берите. Шинели аккуратно кладите, да лацкана оправьте, – волновался он, боясь ударить лицом в грязь не столько перед императором, сколько перед бывшим своим фельдфебелем.

– Командир бригады генерал-майор Иелита-фон-Вольский пожаловал, – поправил темляк на пашке Рубанов, и вместе с полком ответил на приветствие генерала.

– А следом начальник дивизии генерал Флуг с генерал-адъютантом Даниловым прибыли, – зашептал Ляховский.

Полк дружно и громко ответил на их приветствие.

– Поручик, а чего шепчете? Холодного пива в третьеразрядном ресторане вчера напились?

– Никак нет, – углом рта улыбнулся офицер. – Это от уважения, – развеселил Рубанова.

– Смир-р-но! – скомандовал командир полка, заметив вошедшего в манеж маленького бородатого генерала в мундире Забайкальского казачьего войска.

– Помощник командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа генерал Газенкампф.

– Поздравляю с полковым праздником, братцы, – с удовольствием вслушался в дружный ответ Павловского полка.

– А вот и наш Царственный однополчанин великий князь Николай Николаевич, – вместе с полком прокричал здравицу Рубанов. – За какие такие заслуги государь причислил Лукавого к пехотному полку?

– Какого «Лукавого?» – приглушённым голосом поинтересовался Ляховский.

– Э-э-х, молодёжь. Вся гвардия его так зовёт. Николай Николаевич заимствовал прозвище из слов молитвы: «Избави нас Господи от Лукавого», – прикусили языки и вытянулись во фронт по команде: «Смирно!» – то прибыл сам император.

– Полк, шай на краул! – загремел гвардейский марш и полк, затаив дыхание, замер, наблюдая, как знамя медленно склоняется перед государем.

– Здорово, павловцы! – как-то просто и по-домашнему, поздоровался с полком император.

Знамя, качнувшись, медленно поплыло вверх – Евлампий Семёнович Медведев службу знал чётко.

– Здравия желаем ваше императорское величество!

– Поздравляю вас с полковым праздником!

– Покорнейше благодарим, ваше императорское величество!

– Ура! – кричали государю батальоны, когда он медленно проходил мимо них, всматриваясь в лица солдат и офицеров.

После обхода полка Николай встал по центру, и тут же принесли аналой, к которому подошли полковой знаменосец со знаменем, полковой священник и хор певчих.

Как положено, отслужили молебен с многолетием.

После окончания, вдоль манежа распределились линейные.

– К церемониальному маршу, поротно, на одного линейного дистанцию-ю, – зычным голосом командовал замершему полку генерал-майор Некрасов. – Первый батальон прямо, прочие на право, шагом марш, – мысленно перекрестился генерал, вслушиваясь, как трубы заиграли сигнал атаки, их поддержали барабаны, и Ряснянский, чеканя шаг, следом за знаменем с двумя ассистентами по краям, повёл батальон перед императором.

– На руку! – скомандовал он, и ровная линия винтовок с примкнутыми штыками с солдатского плеча переместилась «на руку».

«Слава тебе Господи! Чётко исполнили! – чеканил шаг Пал Палыч, – император со старичком-фельдфебелем не осудят». – Рады стараться, ваше императорское величество, – в унисон с ротой прокричал ответ на царское приветствие.

Следом за полком прошла нестроевая команда, а за ней, перед школой солдатских детей, вызвав на губах монарха добродушную улыбку, бодро промаршировал старый фельдфебель в подаренном ему Ряснянским мундире с алым лацканом и в гренадёрке на седой голове.

«Неплохо «шамкалка» прошёл, – поощрительно подумал Пал Палыч. – Помнит ещё полковую выучку. Павловец – это на всю жизнь», – к своему удивлению даже пустил скупую «фельдфебельскую» слезу.

После парада генерал Некрасов выстроил перед императором батальонных и ротных командиров.

– Благодарю за службу, господа, – мягким голосом произнёс император и улыбнулся на офицерскую разноголосицу: от «премного благодарны», до «рады стараться, ваше величество».

Ряснянский пошёл красными пятнами, а Некрасов, дабы оправдать полковой начсостав, решил превратить всё в шутку:

– Сегодня в ночь, ваше величество, помоют полы в казарме, а завтра начну с ними занятия.

– У вас прекрасный полк и прекрасно обученные солдаты, – пошёл вдоль ряда, пожимая руку каждому из офицеров.

– Штабс-капитан Рубанов, – представился Аким, когда очередь дошла до него.

– Максима Акимовича сын?

– Так точно, ваше величество.

– Смотрю, воевали в русско-японскую?! И, судя по наградам – весьма храбро. Помнится, мой дядя, великий князь Владимир Александрович, на гауптвахту вас отправил за сон на дежурстве..., – развеселился от воспоминаний государь. – И вот результат его воспитательской деятельности.

Перешедший от красных пятен к бледно-зелёному цвету лица, Ряснянский собрался сказать, что в этом есть и его немалая педагогическая заслуга, но не решился.

– Молодец, молодец, – ещё раз удостоил рукопожатием Рубанова-младшего император. – Передайте батюшке, пусть навестит меня в Царском Селе. Совсем своего царя забывать начал, – пошёл дальше вдоль ряда, – окрасив последней фразой лик старшего полковника в голубой цвет с красно зелёными прожилками.

«Чего это с Ряснянским? – поразился Аким. – Словно французский художник-импрессионист над ним поработал. Или умылся раствором после окраски моего кителя в Маньчжурской армии.

– Благодарю за отличный парад, – закончив рукопожатия, ещё раз поблагодарил офицеров государь и улыбнулся, на сей раз, от их дружного ответа:

– Рады стараться, ваше величество!

В казарму полк шёл уже расслабленно и вольно.

Солдаты даже позволяли себе зубоскалить с горожанами, поздравляющими их с праздником.

Офицеры замечаний не делали, перебирая в памяти перипетии парада и общение с государем.

А впереди их ждал обед в Зимнем дворце в Высочайшем присутствии.

– Папа', всё прошло как по маслу, – примчавшись на извозчике домой, сообщил отцу Аким. – Ольга, где Николаевская шинель? В ней на обед поеду.

– Я только знаю, где Михайловская шинель, а где Николаевская – не имею понятия, – подтрунивала над мечущимся супругом. – У денщика спрашивай.

– Говорил мне папочка – не жани-и-сь, – шутливо ворчал Аким. – Кстати, папа', сегодня самодержец передал тебе через меня приглашение навесить его в Царском Селе. Очень расстраивался, что стал забывать своего императора...

Семья, в суете сборов, как-то не обратила внимания на это известие, может даже, приняв сообщение за розыгрыш.

– Вот сейчас, смею вас заверить, ненаглядный супруг мой – на гвардейца стали похожи, – любовалась мужем Ольга. – Наконец-то воротник и обшлага украсили золотым шитьём, да алый лацкан на мундир соизволили пристегнуть.

– Спешу, спешу, – чмокнул её в щёку. – Сегодня не ждите. Вечером в офицерском собрании ожидается ещё полковой парадный обед. Заночую на квартире в казарме.

– Ты же говорил, что какого-то майора Вормса там поселил, – насторожилась Ирина Аркадьевна.

– Мама', тогда в библиотеке заночую, – убежал, не став слушать нравоучения женщин о высоком назначении библиотек.

Не откладывая приглашение в долгий ящик, Максим Акимович созвонился с бароном Фредериксом, и в назначенное время, услышав в телефонной трубке голос дворцового теле-

фониста: «Вас вызывают из апартаментов Его императорского величества», – направился в Царское Село, выбрав романтическое путешествие на удалой тройке, а не на поезде.

Кучер Архип Александрович в тёмно-зелёном кафтане, такого же цвета бархатных шароварах и в новом треухе, громко покрикивая на коней, уверенно правил санями.

Застоявшиеся жеребцы бежали широкой размеренной рысью, красиво изогнув шеи и пуская из ноздрей пар.

Мелькнул пёстрый верстовой столб на шоссе.

«Лепота, – кутал ноги в натуральную медвежью полость Рубанов. – Не то, что эти пыльные вагоны и дымящие паровозы.

В раздумьях незаметно добрался до Царского Села: «Как там у Гоголя? Или Сабанеева? «Путешественники ехали без приключений». Нет, всё-таки у Гоголя, потому как на охоте всегда поджидают приключения».

– Барин! – загудел с облучка кучер. – Шементом два десятка вёрст отмахали, – направил тройку вдоль высокой железной ограды, остановив у распахнутых ворот, находящихся под охраной бородатых казаков в чёрных меховых шапках и с шашками наголо. – Прости Господи! – перекрестился Архип Александрович, увидав вышедшего из-за дерева полицейского в чёрном пальто с поднятым воротником, в чёрных брюках навыпуск, в блестящих чёрных калошах на ботинках и, почему-то, с раскрытым чёрным зонтом над головой в чёрном котелке. – Дождя не наблюдается, а снежок самую малость идёт, – стал глазеть на подошедшего солдата в длинной шинели, папахе и начищенных сапогах.

Пошептавшись с казаками, тот показал жестом, что можно проезжать.

«Представляю снегопад слухов, что пойдут после моей встречи с государем», – удивлённо оглядел небольшую раскрашенную повозку на полозьях, с мальчиком и лакеем на запятках, время от времени отталкивающимся ногой от заснеженной дороги для придания транспортному средству скорости.

Тянул это допотопное средство передвижения маленький ослик.

– Ну и дилижанс! – закатился смехом Архип Александр.

«Наследник катается», – дошло до Рубанова: – Уступи дорогу! – велел кучеру, увидев прицепленные за такими же, как у него санями, четверо разукрашенных санок с визжащими от удовольствия дамами: «Царские дочери, – упустил из виду – выйти из саней и поклониться. – Совсем придворные навыки растерял», – осудил своё поведение.

Во дворце Максима Акимовича ожидал лакей в красной накидке и шапке с разноцветными страусовыми перьями. Вежливо поклонившись, повёл прибывшего гостя через гостиные, банкетный зал, затем вниз, по длинному коридору в царскую приёмную.

«Дворцовый протокол неизменен и существует уже сам по себе», – лёгким поклоном ответил на приветствие флигель-адъютанта, поспешившего доложить императору о прибытии отставного генерала. – Чего-то сегодня государь выбрал старый кабинет, – шагнул в небольшое помещение, когда из раскрытой американским «эфиопом» двери появился флигель-адъютант и пригласил к императору.

Николай, добродушно улыбаясь, принял своего бывшего генерал-адъютанта стоя у стола и сложив на груди руки.

– Без церемоний, Максим Акимович, – указал на кресло. – Прошу садиться, – обошёл стол с развёрнутыми географическими картами и уселся на стул. – У вас прекрасный сын. Недавно беседовал с ним.

– Благодарю за приглашение, ваше величество и за добрый отзыв о сыне. А я сейчас видел цесаревича, – улыбнулся Николаю, лицо которого тоже расплылось в доброй отцовской улыбке. – Катается на повозке и очень этим доволен. Только что-то иноходец маловат, как конёк-горбунок.

– Любимец сына – ослик Ванька, – рассмеялся император. – Из цирка затребовал отставную живность. Ничего, бодрый ещё ишачок.

– И ваши дочери на санках променад совершают.

– А я и не знал. У матери гулять отпросились, – легко поднявшись, подошёл к единственному в кабинете окну и выглянул в парк. – Не видно. Проехали уже. Сын и сообщество «ОТМА». Так великие княжны договорились о своём единстве, и установили одну подпись на всех, составленную из первых букв их имён. Да вы это и сами знаете. Просто мне приятно говорить о детях. Да практически, кроме жены и барона Фредерикса, поговорить о них не с кем. Вы меня оставили. Шучу, шучу, – усадил, попытавшегося было подняться из кресла гостя. – Я очень люблю моих девочек, – расчувствовался Николай, велел принести в кабинет кофе. – Курите, если желаете. Вы ведь знаете их всех с самого рождения, – закурил папиросу. – Главная у них – Татьяна. Хотя Ольга и старше на полтора года, но не спорит с ней и уступает мнению младшей сестры. Обе они очень любят друг дружку. Ольга больше похожа на меня, – взял со стола шкатулку с фотографиями. – Вот, полюбопытствуйте, – стал вынимать из неё фотокарточки и по одной передавать севшему рядом Рубанову.

– Нежная и мягкая девушка, – разглядывал снимок Максим Акимович. – С русским лицом и добрыми синими глазами. Искренна и остроумна. Но в жизни им всем будет трудно, ваше величество.

– Почему? – встрепнулся государь, требовательно глядя на гостя.

– Да потому, что они совершенно не знают людей и привыкли в семье к ласке, добру и любви. А люди в основном злы, завистливы и лицемерны.

– Эх, как вы их, людей этих, – усмехнулся государь. – По графу Витте судите?

– Не только. В вашем окружении много таких.

– Смелы вы стали, Максим Акимович. Можете много врагов нажить, – невесело улыбнулся царь. – Но что страшно – правы, – протянул ему следующую карточку. – Татьяна.

– Высока, стройна и элегантна. Что называется – породиста и красива.

– Спасибо, царица вас не слышит. А то бы поинтересовалась: вы о женщинах или лошадях говорите.

– Извините, ваше величество. Мария, – принял из рук императора фотографию.

– В семье зовём попросту «Машка», – улыбнулся Николай. – Любит рисовать, но вместе с тем – ленива и беззаботна, – с любовью произнёс он. – В детстве, как помните, была румяна и круглолица, словно крестьянская дочь. Глаза – во! – поднёс ладони к лицу, показывая согнутыми пальцами огромный размер. – Звали их «Машкины блюдца». А вот Настенька, – протянул ещё одну фотографию. – Младшая дочка. Прелестная непоседа и хохотушка. Шалунья и умница. Имеет абсолютный слух и большую способность к языкам. Аликс зовёт Анастасию «ужасное дитя» или «сорванец», за её способность лазить по деревьям, бесстрашно кататься на велосипеде и плавать. Это всё – в детские годы. А вот и наследник, – с любовью разглядывал фотографию. – С закадычными друзьями: осликом Ванькой и спаниелем Джоем.

Рубанову показалось, что на глазах императора от любви к сыну выступили слёзы.

– Максим Акимович, давайте и мы сфотографируемся, – позвонил в колокольчик и велел вошедшему лакею пригласить в кабинет господина Янгельского. – Высочайшим указом присвоил ему звание «фотограф Его величества», – хохотнул государь. – Ну а что? Человек работает на износ. Только в прошлом году напечатал около двух тысяч наших семейных фотографий, – пока ждали фотографа, рассказывал император.

Когда он появился, сделали два снимка. На одном Рубанов сидел рядом с государем за столом с раскрытыми географическими картами. На другом – плечом к плечу, стояли у окна.

– А теперь милости прошу отобедать с нами, – пригласил гостя император. – Супруга болеет, но дочери будут присутствовать.

После обеда, вечером, следуя с сопровождающим его флигель-адъютантом к выходу, столкнулся в тёмном коридоре с мужиком в косоворотке и бархатных штанах. Вначале даже подумал, что это Архип Александрович прогуливается, его ожидаячи.

– Кто таков? – так, без особой нужды и от выпитого за обедом, поинтересовался у встречной бородатой сущности.

– Возжигатель царских лампад, – уверенно ответила та.

– Да откуда ты взялся? – вспомнил рассказ барона Фредерикса о новом фаворите венценосной четы.

– Вообще-то из Сибири, но по жизни я – калика перехожий. Апостольским хождением был на Соловках, в Оптиной Пустыне, в Сарове, в Киевской Лавре, а недавно носил свою веру в Иерусалим, где встречался с паломниками из многих царств и даже из Индийского государства.

– Ого! – по-простонародному отреагировал отставной генерал. – И как их верующие? Тоже Триединого Бога почитают? Или ежам молятся? – склонив голову на бок, стал дожидаться ответа от замявшегося старца.

– Дык! Э-э! Во всякое веруют. Нам, пскопским, всё было удивительно, – закатив глаза, зачистил мужичок. – Их верующих – кришнаитами кличут. Насобачились, еретики индусские, на свой пуп молиться, доказывая, что таким вот способом с Богом в какую-то гармонию соединяются... Одна барышня как-то объясняла мне, что нашенская буква «х» – «хер» по-научному прозывается... И тоже несёт в себе гармонию... мировое равновесие... и этот, как его, божественный порядок... С помощью гармони соединиться в чём ином запросто могём... Вот от этого ихнего богохульствия, – смачно выговорил вторую половину слова, – и прёт хрень нико-нианская, – пришёл к парадоксальному выводу лохматый мужичок.

Конец 1911 года ознаменовался событием глобального масштаба – в ночь перед Рождеством, в фешенебельном ресторане «Донон» произошло бракосочетание штабс-капитана Дубасова с белокурой девицей Полиной, как пошутил Аким Рубанов, поздравляя в ресторане новобрачных.

Дубасов, рисуясь перед гостями, взял у метрдотеля карту меню и заказал дополнительно к брачному столу: «Шницель министерский» и «котлеты по-царски», а также «цыплят по-венгерски» и, дабы вспомнить поездку в Маньчжурскую армию – жареных рябчиков. – Почесав макушку, закатил очи долу.

– Вспоминает название блюда, – шепнул Ольге Аким и услышал:

«Сюпрен де вой яльс с трюфелями».

– Неделю разучивал, – вновь шепнул жене, внимательно прислушиваясь к следующему заказу.

«Волован Тулиз Финасвер».

– Bravo! – похлопал в ладони, глядя на довольного молодожёна.

А на сцене уже во всю шло представление.

Мужчина во фраке, приплясывая, исполнял куплеты:

В Париже был недавно,
Кутил там славно.
В кафешантане вечно
Сидел беспечно.

Матчиш прелестный танец,
Живой и жгучий,
Привёз его испанец,
Брюнет могучий.

– Виктор, вот прекрасная полковая песня для 145 пехотного полка, – посоветовал приятелю Аким.

Но тот не услышал пожелание товарища, угощая «Тулиз Финасвером» свою ненаглядную.

Тем временем мужчину на сцене сменила дама «в полуголом платье» – с недавнего времени это определение вошло в гвардейский обиход, и, эротично виляя бёдрами, пропела шансон:

Я – красotka полусвета,
Бар «Донон» – вот мой дом.
Постоянно я согрета
Пляской, страстью и вином.

– Эту песенку Дубасов специально заказал перед первой брачной ночью, – зашептал жене Аким.

– Как тебе не стыдно, о, вульгарный супруг мой, – не очень-то рассердилась Ольга.

– Не будьте такой чопорной, мадам, – с удовольствием, не забывая пить за счастье молодых, аплодировал французским каскадным танцам под румынский оркестр.

Следом гости ресторана «Донон» увидели один из вошедших в моду «фарсов».

На этот раз сыграли короткую комическую пьесу, закончившуюся искромётным канканом, в исполнении дам в полупрозрачных одеяниях.

Под занавес вышла стройная танцовщица в обтягивающем трико и продемонстрировала живые картины: «Жертва», «Пробуждение Галатеи» и «У моря».

Когда разъезжались, Аким преподнёс молодым сборник эссе Луначарского «Нагота на сцене».

– Автор провозглашает: «Борьба за наготу – есть борьба за красоту, здоровье и свободу», – поцеловал в щёку новобрачную.

– Во! – показал ему кулак молодожён, подумав, что приятель намекает на купание нимф в Дудергофском озере.

* * *

В первых числах апреля, в кабинете Рубанова раздался телефонный звонок, отвлекший его от необычайно сложной дилеммы: выпить перед обедом рюмочку коньяка «Шустов и сыновья» или плеснуть в бокал из «готического» графина рябиновки, произведённой на заводе господина Смирнова.

– Аз есьм! – взял трубку и услышал голос дворцового телефониста:

– Вас вызывают из апартаментов Его императорского величества. Завтра в полдень просят прибыть а Александровский дворец Царского Села.

«Видно, фотограф Янгельский, работая на износ, сумел отпечатать карточки», – гениально разобрался с дилеммой, решив, что не станет обижать ни Шустова с детишками, ни заводчика Смирнова.

После обеда прибывший фельдъегерь продублировал звонок, протянув Рубанову конверт с запиской от самого барона Фредерикса.

Максим Акимович проснулся в прекрасном расположении духа. Нашупав ногами туфли, накинул халат и, стараясь не шаркать ногами, пошёл в ванную.

Лакей Аполлон, морально воспрянувший духом после отъезда в Рубановку Антипа, приготовил горячую воду, правленную бритву и полотенце.

Приняв ванну, Рубанов вылез и, пригладив шевелюру, бородку и усы, обтёрся подогретым полотенцем.

Профессионально побрив барина, Аполлон попрыскал на его лицо французским одеколоном, и, заслужив благодарность, довольный жизнью и профессией, поспешил накрывать лёгкий завтрак.

Домочадцы ещё нежились в постелях.

Облачившись с помощью Аполлона в парадный мундир, Максим Акимович поинтересовался погодой на улице.

– Чрезвычайно прохладно и ветрено, ваше высокопревосходительство. Будто и не апрель, – с удовольствием, словно свою игрушку, оглядел барина.

– Тогда подай лёгкую шинель, – чуть поразмышляв, произнёс Рубанов: «До вокзала Архип Александрович доставит, а затем на поезде, – мысленно разрабатывал план поездки. – А в Царском Селе на станцию дворцовую карету пришлют».

Николай встретил своего бывшего генерал-адъютанта приветливо и тут же преподнёс две подписанные фотокарточки.

«Всё! Голицыны-Оболенские-Долгоруковы и прочие Пахомовы от зависти помрут», – бережно убрав фотографии в подаренную вместе с карточками тонкую кожаную папку с императорским вензелем.

От души поблагодарил императора, с радостью приняв его приглашение прогуляться по парку.

– Погода наладилась и стала гвардейской. Даже солнышко выглянуло. Вот и подышим свежим воздухом, – повёл гостя привычным маршрутом по Крестовой аллее в сторону китайского театра. – Чувствуете, какой мягкий воздух, и что важно, нет посторонних ушей... Почти, – усмехнувшись, узрел выглядывающего из-за толстого ствола агента дворцовой охраны. – Вот вы, Максим Акимович, нормальный отставной генерал, – изумил гостя своей сентенцией император. – Это я к тому, – улыбнулся, глянув на удивлённое лицо, – что ведёте нравственный образ жизни...

«Знал бы государь, как я вчера решил дилемму по поводу Шустова и Смирнова», – покраснел Рубанов.

– Мы не быстро идём? А то вон как раскраснелись.

– Никак нет, ваше величество. Хороший солдатский шаг.

– Я люблю физические нагрузки: зимой колоть или пилить дрова, расчищать дорожки от снега, летом – байдарка, велосипед, теннис. А при ходьбе лучше думается... О проблемах империи... О людях... На чём мы остановились?

– О нравственном образе жизни, ваше величество.

– Вспомнил. Благодарю. Это я к тому, что герой Хивинского похода тысяча восемьсот семьдесят третьего года Александр Николаевич Меллер-Закомельский, восстановивший в ноябре-декабре пятого года спокойствие в Севастополе и на Транссибирской магистрали. Генерал от инфантерии с девятьсот шестого года, кавалер многих высших орденов и член Государственного Совета, скомпрометировал себя махинациями с майоратным имением и сожительством с молодой особой. Докатился на старости лет. В прошлом году председатель Госсовета Акимов от моего имени предписал ему не появляться на заседаниях, а с начала этого года пришлось перевести его в неприсутствующие... Это размышления о людях. А теперь проблемы государства... Вы в курсе трагических событий, произошедших на приисках Ленского золотопромышленного товарищества четвёртого апреля? – и на утвердительный кивок и «так точно», продолжил: – В результате забастовки и шествия более двух тысяч рабочих, по при-

казу жандармского ротмистра Трещенкова, солдаты открыли огонь. На следующий день после расстрела газета «Русское слово» со ссылкой на «Консультативное бюро иркутских присяжных поверенных» сообщила о ста пятидесяти убитых и более двухсот пятидесяти раненых. Как мне доложили, создано две комиссии: правительственная, под руководством сенатора Манухина, и общественная, сформированная Госдумой, которую возглавил какой-то малоизвестный адвокатишка Керенский. Я внимательнейшим образом изучил всю, так сказать, подноготную сей компании, – дойдя до центра Крестовой аллеи, взял Рубанова под локоть и повёл по дорожке к Арсеналу. – Правильно пишет публицист Меньшиков, коего цитировал в своём труде Куропаткин, что приличная доля российской промышленности принадлежит иностранному капиталу. Шестьдесят шесть процентов акций «Ленского золотопромышленного товарищества» принадлежат англичанам. Несмотря на это, непосредственное управление рудником осуществляет директор-распорядитель барон Альфред Гинзбург. Директора правления у него: Мейер и Шамнаньер. Члены ревизионной комиссии: Век, Слиозберг, Грауман, Фридляндский и Эбенау. Вот эти достойные джентльмены и спровоцировали рабочих на забастовку. А то что-то тихо в России стало...

– Ваше величество, хотя я официально не вступил в какой-либо из черносотенных союзов, но их идеям сочувствую. Всероссийский национальный союз, исходя из мысли, что государство есть господство, ставит первой задачей господство русской народности, провозгласив три высших его основы: православие, язык и кровь... Да куда там! Для начала русским хотя бы сравняться в правах с покорёнными народностями. Говорю ни столько о государственных должностях, сколько о засилье инородцев в области промышленности. Несчастье России в том, что она забыла о своей гордости. Хотелось бы напомнить русским людям, что мы – господа! Что Отечество наше носит титул Империи. И что предки наши, под руководством царственных вождей, неимоверно расширили пределы Московского княжества, превратив его в громадную ДЕРЖАВУ. А поучиться гордости и самоуважению, ваше величество, нам следует у Мейера, Слиозберга, Граумана и их соплеменников. Они сильны пафосом породы, считая себя избранным Богом народом. И шаг за шагом, из века в век добиваются власти и денег.

– В чём-то вы правы, Максим Акимович, – подошли к четырёх, красного кирпича башням с зубцами, и остановились. – Именно возросшая независимость России в экономической и военной сфере и вызывает обеспокоенность Запада. Мои закордонные царственные родственники с завистью следят, как Россия занимает видное место в мировой экономике и продолжает развиваться ускоренными темпами. Наш бюджет за двадцать лет увеличился почти в три раза, с одного миллиарда двухсот миллионов до трёх с половиной миллиардов золотых рублей. Пропорционально росту населения увеличивается численность армии, составляя сейчас миллион триста тысяч хорошо обмундированных, прекрасно обученных, сыто накормленных солдат. Возрождается флот. Пойдёмте прогуляемся до башни Шапель – и домой, – предложил император, прервав монолог.

– А Ленская забастовка, ваше величество, была выгодна всё тем же межнациональным финансовым группам, которые материально поддерживали Японию во время войны с нами и субсидировали революционеров. Ну сожгли бы рабочие свои гнилые бараки и чёрт с ними... Гинзбург никуда бы не делся и новые построил. И началось-то всё с чего? Как пишут в газетах, поводом послужила «история с мясом». Одна из версий: жена рабочего купила в лавке кусок мяса, похожий на конский половой орган, – хмыкнул Рубанов. – Рабочий разозлился, увидев в руках благоверной сей огромный предмет и...

– Максим Акимович, остыньте, – засмеялся Николай. – Я знаю полёт казарменных фантазий на эту тему... Сам гусаром в молодости служил. А факт в том, что этот дурачок Трещенков угробил полторы сотни человек и в два раза больше искалечил. Дай-то Бог, чтобы опять не начались всероссийские забастовки.

– Чему будет очень рад одиозный американский финансист Шифф. Его собратья всем на приисках и крутят, – вклинился в возникшую паузу Рубанов.

– С Шиффом я ничего поделать не могу, а вот жандармского ротмистра прикажу разжало́вать в рядовые.

Через два года бывший ротмистр Трещенков, после его неоднократных просьб, по «высочайшему соизволению» был зачислен в действующую армию, в 257-й пехотный Евпаторийский полк. В бою с австро-германцами 15 мая 1915 года пал смертью храбрых, ведя в атаку свой батальон.

Времена меняются и образованное общество в основе своей уже насытилось революцией. Небольшая часть либеральной интеллигенции ещё сотрясала воздух, доказывая «бесчеловечную жестокость царской власти», но большинство населения империи поняли, что виновна более администрация приисков, доведшая рабочих до забастовки и вызвавшая войска. Виноват хозяин приисков Гинзбург, а не император Николай Романов, по приказу коего было проведено расследование с освобождением арестованных рабочих и наказанием виновных – вплоть до увольнения министра внутренних дел Макарова.

– Евреи, хватит демонизировать нашего царя, – в ответ либеральным депутатам в Думе кричали черносотенцы, – разберитесь лучше со своим Гинзбургом.

А с эстрады циничные конферансье насмешничали, что Ленский – это объект Онегинских шуток. Правда, тоже закончившихся выстрелами. И вообще, расстрел – это гигиенично. На каждого отдельная пуля. И шею верёвка не трёт – раздражения кожи потом не будет...

Правильно калякают. Любая драма со временем превращается в фарс...

Какой Ленский расстрел, господа, когда при Бородино погибло в разы больше народа...

Ведь кроме трагической страницы, на этот год выпало великое событие русской истории – в августе 1912 года исполнилось столетие победы России в Отечественной войне.

Основные торжества намечались в Москве и Бородино, где уже были установлены монументы героям и отдельным частям войск. К юбилею приурочили открытие памятников: в Полоцке, Витебске и Смоленске.

Благодаря великой дате, в России рос державный дух русского патриотизма. Росло все-народное единение.

С амвонов православных храмов звучали проповеди: «Народ Святорусский. Соборный и Державный. Два Рима пали в ересь и суетных соблазнах мира сего, не сумев сохранить чистоту веры и светлое мироощущение апостольского Православия. Третий Рим – Россия. Государство народа русского. Святая вера Православная осватила и укрепила в нас любовь к Отечеству. Она воодушевляла героев Бородина: Ермолова, Дохтурова, Раевского, Тучкова, Сеславина и других. Восстановление русского мужества, чести и силы – вот цель Православия. Восстановление души народной, какою её создал Бог. А для этого нужно СОГЛАСИЕ. Нужно древнее единодушие. Нужна общая когда-то народная мысль и общая идея – сохранение России.

Мы обязаны сохранить для потомков РОДИНУ!»

Гимназисты учили наизусть «Бородинское поле» Дениса Давыдова, «Бородинскую годовщину» Александра Пушкина и «Бородино» Михаила Лермонтова. Двойки цвели в «табели об успехах учащихся» красными взрывами, и как результат – отеческие ремни шли в генеральное наступление на зады бестолковых чад, улучшая память и приучая гордиться славной и знаменитой Бородинской битвой.

Максим Акимович заделался ярым коллекционером различных мемуарных источников, приобретая печатные издания, начиная от открыток и лубочных картинок, изображающих эпи-

зоды войны, до книг воспоминаний участников событий. Особенно ему нравились записанные на граммофонные пластинки произведения, посвящённые Отечественной войне 1812 года.

Удивлённая Ирина Аркадьевна ежедневно слышала раздающиеся из кабинета любимого супруга боевые марши гвардейских полков, солдатские песни в исполнении мастеров оперной сцены, а то гремели и целые хоры, распеваящие воинственные песнопения, прерываемые сигналами боевого управления.

«Эти-то перлы искусства где исхитрился достать? – вздрогнула от звука сигнала к атаке, исполненного солистом-трубачом.

В середине августа Первый батальон Павловского полка отбыл в Москву для участия в торжествах.

В двадцатых числах выехали в Первопрестольную и Максим Акимович с супругой.

Ольга с маленьким Максимкой остались дома.

– А мы вас уже несколько дней ждём! – целовал на вокзале родителей Глеб.

После него подошла поздороваться Натали.

– Жить только у нас. Никаких гостиниц, – подозвал носильщика Глеб. – Акима тоже уговорил.

– Этот чемодан сверху кладите, – велела бородатому пожилому крепкому мужичку в сапогах, фартуке и с бляхой на молодецкой груди, подтверждающей, что сей славный, в меру пахнущий водочкой «муж», действительно является носильщиком, а не водопроводчиком или мясником.

Удачно содрав с господ пятиалтынный, московский голиаф⁷ запыхтел к выходу с перрона, бодро катя тележку с багажом.

«Господи помилуй. Не этот ли носильщик, давным-давно, когда мы приехали перед Рождеством в Москву с Акимом и Любочкой, тащил наши вещи, – улыбнулась Ирина Аркадьевна. – Ну, точно!» – поразила она, когда на слова Глеба, что им нужно два экипажа, мужичок ответил:

– Да хоть десять. Понаехали к поезду на хвостатых. Кум, Господь привёл до тебя, – подвёл рубановское семейство к очастому, в котелке, извозчику. – За пятак ещё одну пролётку подгоню, – жизнерадостно пообещал носильщик, почистив рукавом кормилицу-бляху.

Вечером Рубановых пригласили в гости Новосильцевы.

Ужин накрыли в большой столовой с белыми полуколоннами и резными гербами на спинках старинных громоздких стульев.

– Благополучно ли изволили доехать? – поинтересовался у гостей супруг Машеньки Новосильцевой.

– Благодарствуем. Доехали, слава Богу, без приключений, – тактично ответил Максим Акимович.

Он, практически, не был знаком с четой Новосильцевых, и от этого старался держаться излишне вежливо, но в то же время – уверенно, изредка принимая участие в общем разговоре.

Главную тему пока не нащупали, хотя подругу Ирины Аркадьевны просто распирало от женского любопытства и нескромного желания спросить, почему Натали стала женой младшего сына, а не старшего, танцевавшего с ней на давнем Рождественском балу.

Разговор вертелся вокруг нейтральных, ничего не значащих вещей: о долголетию черепах и попугаев, о лечении мёдом и о приведениях.

Отобедав, общество перешло в одну из гостиных с окнами на Кремль, пить кофе.

⁷ Голиаф. Библейский филистимлянин-великан. Убит Давидом камнем из пращи.

Откинувшись на спинку кресла с вытканными полуголыми пастушками и кудрявыми, почему-то синими овечками, Аким любовался Натали, а если случайно встречался с ней взглядом, то, смущаясь, начинал внимательно разглядывать высокую спинку её кресла, где вышитый пастушок, раздув щёки, улаждал слух розовых коров игрой на дудочке.

– Сынок, – обратился к Глебу отец. – Слышал, твой полк вновь название сменил? – с удовольствием оглядел золотые, с гусарскими зигами по краям, и продольным красным кантом с четырьмя звёздочками, погоны. – Чего это за единица с точкой между звёздочек? – делая вид, что не знает, поинтересовался он.

«Ой уж, форма, – на минуту отвлёкся от Натали Аким. – Вырядились, словно герои-любовники в оперетте... Или персонажи порнографических открыток... Там все почему-то гусары... Даже обидно за гвардейскую пехоту», – покраснел от фривольных своих мыслей, вновь обратившись взглядом к Натали.

– Не успеваем полковые документы переделывать, – обрадовался приятной теме разговора Глеб. – В прошлом году именовались «1-й гусарский Его величества короля Датского Фредерика Восьмого». С одиннадцатого мая сего года «1-й гусарский Сумской», а с августа «1-й Сумской генерала Сеславина» полк. О чём и сообщает единичка на погоне.

– То есть супруг проделал нелёгкий путь от принца Гамлета до генерала Сеславина, – улыбнулась не мужу, а его брату Натали, подняв градус любопытства хозяйки дома на невиданную высоту.

– Вот и правильно. Кто такой король Фредерик – гусарские солдаты и слухом не слыхивали, а героя Отечественной войны генерала Сеславина все знают.

– Благодаря лубочным картинкам, что ты купил, – усмехнулась Ирина Аркадьевна.

– И не только им. Ещё воспоминания участников есть. И песни. Так что ваша усмешка, сударыня, в данном случае совершенно неуместна, – разошёлся отставной генерал. – Следует на примерах своих героев молодых офицеров и солдат воспитывать. Несколько лет назад в мои руки попала продажная газетёнка «Красное Знамя», что литератор Амфитеатров в Париже издавал. И название выбрал какое-то эсеровское.

– Следовало назвать «Международный листок имени Фредерика Восьмого», – вновь, по мысли Максима Акимовича, нехорошо усмехнулась супруга.

– Матушка, ну что ты говоришь? Повторяй за мной: о, господин мой, по отношению к вам я допустила бестактность, о чём сожалею и коленопреклонённо приношу извинения...

– Как всё это правильно, но неисполнимо, – глянул на свою супругу Новосильцев.

– Не дождётесь! – фыркнула Ирина Аркадьевна и рассмеялась. – Сабанеев благотворно на вас влияет, мой друг. Это краснопёрки, если не клюют, пусть за свою бестактность извиняются...

«Каких «краснопёрок» она имеет в виду?» – на секунду задумался Рубанов-старший, пытаясь вникнуть в монолог.

– ...И чем, интересно, господин Амфитеатров вам насолил?

– Да не мне. И даже не краснопёркам, – проявил чувство юмора Максим Акимович. – В своей аналитической статье Русское военное сословие перед лицом революции», он признал, что бунты пятого-седьмого годов провалились из-за стойкости офицерского корпуса и его влияния на солдат. В революцию шли самые плохие, обиженные жизнью и начальством офицеры. Выживший из ума лейтенант Шмидт, например... И этот красноточный публицист пришёл к парадоксальному выводу, что будущих офицеров следует учить за границей в европейских военных школах.

– Самое лучшее военное образование это у нас, в России, – поддержали отца сыновья.

– На мой взгляд, всё зависит не от места учёбы, а от его духовного и политического наполнения, – наморщив лоб, выдала своё видение предмета Новосильцева.

– Машенька, очень умная мысль, – похвалила подругу Ирина Аркадьевна. – А Европа даже либерала Герцена разочаровала.

– Читал его оханья: «Поймут ли, оценят ли грядущие поколения наши страдания», – опорочил либерального «страдальца» Рубанов-старший.

– То ли дело – Сабанеев. Если улов хороший, то и батюшка-царь неплохой. А коли рыба не ловится...

– Сударыня, экая ты сегодня либералка, – упрекнул супругу Максим Акимович. – Даже Чехов едко отозвался о нашем образованном обществе: «Я не верю в нашу интеллигенцию – лицемерную, фальшивую, истеричную...»

– А Максим Горький, идут слухи, в разговоре как-то обронил: «Россия по-прежнему страдает своей хронической болезнью – избытком мерзавцев, и мы, разночинцы, с удовольствием пополняем их толпы», – дополнила цитатой мысль свёкра Натали.

– Молодец, дочка, – похвалил сноху Максим Акимович. – А под разночинцами он и подразумевал либералов.

– Сомневаюсь, что пролетарский писатель, с образом коего позиционирует себя Алексей Максимович, мог такое сказать..., – засомневалась Машенька Новосильцева.

– Думаю, эта мысль скоро появится в каком-нибудь его произведении, – вступил в полемику с супругой хозяин дома.

– Ну да! Как у Сабанеева. Коли рыбку поймал, следует литературно зафиксировать сие деяние, – развеселила общество Ирина Аркадьевна.

– Мадам, вы сегодня несносны, – отсмеявшись, произнёс Рубанов-старший. – Ведёте себя словно юная задиристая гимназистка.

– Мысль о разночинцах Максим Горький высказал ещё в конце прошлого века в романе «Фома Гордеев», – сделав умное лицо, поразил окружающих и особенно младшего брата своей эрудицией Аким.

– И ты читал эту книгу? – поперхнулся кофе отец.

– Сразу после «Воскресения» Льва Толстого, чтоб один раз пострадать за два нудных романа.

– А сейчас что читаешь? – делая безразличный вид, поинтересовалась Натали.

– Матушка, только не говори, что сын читает Сабанеева или Устав караульной службы, – хохотнул Максим Акимович.

– Я вообще промолчу, поскольку вопрос не ко мне.

– Здесь, в Москве, читать особо некогда. Но недавно попал в руки старый номер журнала «Весы», в коем с удовольствием прочёл статью поэта Андрея Белого о «засилье» нерусских элементов в литературе и художественной критике. За точность не ручаюсь, но автор написал следующее: «Главарями национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди. Чистые струи родного языка засоряются иностранными словами. Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш. Учреждается международный жаргон. Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов, – возмущается поэт. – И увидите сплошь имена евреев, пишущих на каком-то своём жаргоне и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык».

Глеб тоже решил внести в разговор свою лепту, и, сморщив лоб, вспоминал, что же такое умное недавно в офицерском собрании произнёс пострадавший от жидов полковник Микеле Рахманинов: «Вспомнил, – мысленно обрадовался он. – Куприн, коего когда-то хотел вызвать на поединок, начинает исправляться... Испугался, наверное...»

– Дамы и господа, – взял он слово, – Куприн в письме к Ф.Д. Батюшкову... Ф и Д сами расшифруете, – имя с отчеством напрочь вылетели из гусарской головы, – написал, а тот опубликовал: «Можно печатно иносказательно обругать царя и даже Бога, но попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, докторов и особенно

среди русских писателей еврейского происхождения». – «Интересно, тот еврей, с коим великий скульптор Рахманинов в театре сидел, каким промыслом занимается?»

– Они кругом. Пovýлазили из черты осёдласти – аки раки из-под коряги... И, не приведи Господь, ежели заползут во власть, – перебил его мысли отец.

– Сударь, вашего Сабанеева евреи не трогают, а Гоголь или этот... Куприн..., своим творчеством сами за себя постоят.

– Дамы и господа, приглашаю полюбоваться моей оранжереей в зимнем саду, – видя, что разговор начинает приобретать нежелательный характер, предложила гостям Мария Новосильцева.

Как-то так получилось, что когда, оглядев оранжерею, все ушли в столовую продолжить, или, вернее, начать по-новому трапезу, Аким с Натали остались вдвоём на садовой деревянной скамье.

– Мне ночью снилась божья коровка на ромашке, – сделал попытку вызвать её на разговор Аким.

Но она промолчала, задумчиво разглядывая неизвестный ему цветок.

– А потом снилась ты и твои глаза, напоминающие листопад золотой осени, – взял её ладонь и поднёс к губам.

– Я давно догадывалась, что в душе ты – поэт, – мягко отняла свою руку. – Сочини сонет и назови его «Не судьба».

– Как я ненавижу эти горьких два слова... – вновь попытался взять её за руку, но она не позволила и поднялась со скамьи.

– Пора идти, а то нас спохватятся, – оправила платье.

– Я не сумею, а какой-то поэт написал: «Любовь пролетела как ветерок, легко коснувшись лица, и исчезла, оставив ощущение приятной мимолётности».

25 августа, в канун Бородинской битвы, прибывшие на юбилейные торжества военные части построились у батареи Раевского.

Гремя медью, буйно ликовали полковые оркестры.

И под музыку разудалых военных маршей, стоящий в строю Аким подумал, что ровно сто лет назад на этом поле сражался и был ранен его прадед, которого никогда не видел, но остро чувствовал сейчас его присутствие.

«Связь времён не может разорваться, потому что мы не Иваны, непомнящие родства. Я уверен – те, кто бился на этом поле, тоже смотрят на нас сверху..., – глянул в синее небо с редкими облаками. – И мой прадед видит меня», – вытянулся во фрунт и отдал честь.

– Капитан Рубанов, кому это вы козыряете? – удивился полковник Ряснянский.

– Своему прадеду, – серьёзно ответил Аким.

Полковник не удивился, и даже стёр набежавшую слезу:

– Мой дед сложил тут голову, – вытянувшись во фрунт, приложил ладонь к виску, глянув в бездонность неба. – Они смотрят на нас и радуются, что мы – воины, и если понадобится, умрём за Россию.

Получивший несколько дней назад, как и Рубанов, следующий чин, штабс-капитан Ляховский не чувствовал метафизической глубины момента и улыбался, с иронией глядя на старших товарищей.

Максим Акимович, стоя в кругу генералов и высших чиновников различных гражданских ведомств у могилы Багратиона, словно прочёл мысли старшего сына и тоже вспомнил деда, раненого может быть на этом клочке земли, где он сейчас стоит.

Под колокольный звон Спасо-Бородинского собора, возведённого в память о погибшем муже вдовой генерала Тучкова, на автомобилях прибыла семья императора.

Торжественно встреченная духовенством во главе с митрополитом Владимиром, венценосная семья прошла в собор и, отстояв короткую службу, направилась на Бородинское поле.

У батареи Раевского император сел на приготовленного коня, а дочери с сыном и женой разместились в экипажах, и начался объезд войск.

После объезда, в полдень, к Бородинскому полю прибыл растянувшийся на четыре версты крестный ход, шедший из Смоленска с чудотворной иконой Смоленской Божьей Матери, которой благословляли войска сто лет назад перед сражением.

«Как всё связано единой исторической нитью», – думал Аким, сняв гренадёрку и осеняя себя крестным знамением.

В день Бородина 26 августа, на поле раздались раскаты пушечных выстрелов, известив войска и народ о продолжении юбилейных торжеств.

После литургии в храме Тучковского монастыря, крестный ход направился к могилам героев Бородинского сражения.

На следующий день торжества переместились в Москву.

С раннего утра народ собрался возле Кремля.

Под колокольный звон царская семья вышла на Красное крыльцо у Соборной площади и, склонившись перед замершим народом, направилась затем в Успенский собор, где отстояла молебен с коленопреклонением перед обожжёнными и прострелянными боевыми знамёнами минувшего века.

«А свершится ли в моё царствование такое событие, чтоб им гордились и помнили через сто лет? – молился перед пробитыми пулями штандартами Николай. – Пока лишь произошла бесславная русско-японская война», – через несколько дней увёз уставшую от торжеств семью на отдых в Беловежье.

– Аликс, всё-таки славно отдыхать с минимальным количеством свиты и слуг, – наслаждался осенью и устроенными вакациями Николай.

Его жена, сидя на деревянной скамье, любовалась жёлто-красными деревьями и усыпанными листвой дорожками.

– Ники, а какой здесь воздух, – глубоко вздохнула и закашляла. – Подержи, пожалуйста, зонтик, – рассмеялась, и, достав платочек, промокнула глаза.

– Аликс! Как ты красива. Я говорил, что люблю тебя?! – взяв у жены платочек, нежно вытер её глаза и поцеловал в губы.

– Что ты делаешь? Увидят, – всполошилась императрица. – Кругом люди. А насчёт любви – впервые слышу, – отняв у супруга зонтик, побаловалась им, несколько раз закрыв и раскрыв. – Ну, говорил несколько раз, что вроде бы нравлюсь, – с трудом сдержала смех, встретившись взглядом с укоризненными глазами супруга. – Да дети увидят, – постучала кулачком по мужскому плечу и уронила зонтик, расслабившись, и с жаром ответив на поцелуй. – Всё-всё-всё, – счастливым голосом отвергла дальнейшие гусарские порывы. – Девочки могут увидеть. Учю их нравственности, а сама окажу дурной пример.

– С мужем – можно, – блаженно жмурился от осеннего солнышка, и особенно от близости жены, Николай. – Это вот, ежели, с Рубановым, к примеру, такую картину дочери увидят, – дурачась, надул щёки, представив адюльтер.

Неожиданно они задохнулись от смеха, всё никак не умея остановиться.

– Ох, Ники. Ну и шутник ты, – вытерла глаза платочком. – А как было бы славно, коли ты был бы простым полковником. Все завидуют нам, а я завидую обыкновенным людям с их

тихими семейными радостями и непринудительной жизнью, над которой не властвуют протокол и дворцовые традиции. Пойдём в дом. А то что-то не к добру смеёмся...

С утра следующего дня приглашённые на охоту счастливчики собрались на лужайке перед дворцом и ждали выхода венценосной четы.

– Ники, я бы лучше отправилась с детьми на речку, покататься на лодке, – шепнула супругу Александра Фёдоровна, стоя рядом с ним у экипажа. – Что-то сегодня у меня нет охотничьего настроения, и вообще плохое предчувствие.

– Значит, будешь постоянно мазать. Но я выручу тебя и подниму твой авторитет. Сразив зубра, всем скажу, что это твоя заслуга.

Охотничий день традиционно закончился показом трофеев на лужайке перед дворцом.

Согласно ритуалу, старший егерь, под звуки фанфар, подал императору ведомость о результатах сегодняшней охоты.

За ужином шло бурное обсуждение удачных выстрелов и досадных промахов от заоравшего под руку кузнечика, или не вовремя заголосившей над головой сороки, а барона Фредерикса и вовсе подтолкнула лягушка. Единственно, кого за время охоты он убил. И то прикладом.

После ужина Николай пошёл желать доброго сна детям.

– Ники. Меня беспокоит Маленький, – со страхом в глазах зашептала ему жена перед комнатой цесаревича. – Алексей сегодня разбаловался и упал, сильно ударившись о борт лодки левым бедром. Сейчас лежит в постели и стонет от боли. Я как чувствовала, что случится нечто страшное.

– Санни, успокойся. Ничего страшного пока не произошло. Всё будет хорошо, – тоже разволновался, но не подал виду, Николай.

– Зря мы так смеялись, – вытерла глаза платочком царица, и, старательно улыбаясь, следом за мужем прошла в комнату сына.

– Мне больно! – услышали они.

Рядом с цесаревичем находился доктор Боткин, проводивший осмотр больного. Лицо врача было напряжённо и хмуро.

– Доктор, ну что с Маленьким? – скрывая волнение и стараясь не выдать своё беспокойство, спросил Николай, когда врач вышел из комнаты в коридор.

– У мальчика от удара образовалась опухоль и гематома в паху. Положение более чем серьёзно. Я выписал порошки и микстуры. Будем надеяться на лучшее. А главное – покой.

Через несколько дней цесаревичу стало лучше.

– Аликс, а ты уже нафантазировала, бог знает чего, – облегчённо улыбаясь, погладил руку жены Николай.

Они сидели на той же деревянной скамье, где так весело и легкомысленно совсем недавно вели себя. Но теперь настроение было подавленным и осенняя красота природы не трогала душу, наполненную волнением за сына.

– Аликс, ну что ты плачешь? Всё позади, – нежно гладил её руку. – Давай переедем отсюда в Спалу. Отвлечёмся и развеемся. Алексей, слава Богу, выздоравливает.

– Прости меня, Ники. Это я виновата. Из-за меня страдает сын. По моей вине он мучается и терпит эти невероятные боли.

– Да что ты говоришь, милая?! В чём твоя вина?

– Ты же сам знаешь, что моя бабушка, английская королева Виктория, передала мне эту страшную болезнь – гемофилию. Сама я не чувствую, но кровь моя отравлена, – разрыдалась императрица. – И страдают от недуга только сыновья. Дочери у нас здоровы. От всякого, даже самого незначительного ушиба у Алексея может произойти внутреннее кровоизли-

яние... Я консультировалась у Боткина. Кровоизлияние часто сопровождается мучительным воспалительным процессом, который может привести даже к смерти. Представляешь, Ники... К смерти...

– Ну успокойся, Санни. Всё же обошлось. Мы, практически, ни в чём не ограничиваем ребёнка. Единственно, не разрешаем кататься на велосипеде. А в остальном он обычный живой и подвижный мальчишка, – нежно улыбнулся государь. – Катается на лодке, купается в реке и даже лазает по деревьям. Мы не станем, как испанские Бурбоны, тоже получившие от твоей английской бабушки «наследство», одевать Алексея, как они своих сыновей, в одежды, подбитые ватой. Бедным принцам почти не позволяют двигаться, и даже деревья в королевском парке, куда они выходят поиграть, обмотали ватой и высоко подрезали ветви, дабы не забирались на них.

– Внутренне ты всё-таки осуждаешь меня, – вытерла глаза царица. – Видимо, из-за этого и твоя мать ненавидит меня. Она знает, что мой дядя, принц Леопольд, страдал гемофилией и умер от незначительного ушиба головы в возрасте тридцати одного года... Я слышала твой разговор с министром иностранных дел Сазоновым о том, что Англия вечно вредит России.

– Так это мы о политике говорили, – поцеловал супругу в щёку Николай. – Решено! Едем в Спалу, – поднялся со скамьи и помог подняться жене.

В Спале родителям показалось, что сын поправился.

Николай приглашал на охоту представителей польской шляхты, а Александра Фёдоровна старалась как можно больше времени проводить с выздоравливающим сыном.

Они вместе отправлялись на прогулки: пешком, рядом с охотничьим домом, либо уезжали в экипаже по невероятно красивым нешироким лесным дорожкам.

В одну из поездок колесо наехало на камень или выступающий корень дерева и коляску сильно трянуло.

Вечером Алексей стонал от боли и ночь провёл без сна. На следующий день устраивался званый вечер, на который августейшей четой были приглашены сливки польского общества.

– Санни, не будем показывать гостям, что у нас горе, – сели в первом ряду зрителей, бурно аплодирующих великим княжнам Марии и Анастасии, играющих сцену из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

Когда представление кончилось, Александра Фёдоровна, с трудом скрывая от гостей волнение и беспокойство, вышла из зала, чуть не сбив встречного лакея в ливрее, нёсшего на подносе прохладительные напитки.

Придерживая обеими руками длинное платье, бегом, словно простолюдинка, бросилась по коридору в комнату сына.

– Мама, мне больно... Помоги мне, мамочка, – шептал тот, стараясь сдерживать слёзы от невыносимой боли.

– Потерпи сынок, мама поможет тебе, – обнимала мальчика. – Где доктор? – выбежала из комнаты. – Я спрашиваю, где Боткин? – накинулась на склонившегося перед ней начальника охраны Спиридовича.

Остановившись перед дверью в зал, несколько раз глубоко вздохнула и, наклеив на лицо улыбку, вошла внутрь, стараясь не выказывать тоску и безысходность.

Лишь заметив беседующего с сановниками супруга, не удержавшись, всхлипнула, бросив на него полный отчаяния взгляд, но тут же взяла себя в руки.

На следующий день у цесаревича поднялась температура и по совету Боткина из Петербурга вызвали профессора Фёдорова, доктора Раухфуса и педиатра Острогорского.

– У мальчика огромная гематома в паху и кровь заполнила весь низ живота, – жалая родителей, поставил диагноз профессор.

Коллеги поддержали его заключение.

– Я выписал болеутоляющие и кровоостанавливающие средства.
Но ничего не помогало.

Алексей кричал от боли и метался в постели. Несколько дней мать не отходила от него, страдая вместе с сыном.

– Ваше величество, – не отважившись заговорить с императрицей, подошёл к Николаю барон Фредерикс. – Положение цесаревича очень серьёзно. Только сейчас беседовал с врачами. Температура под сорок и отрок мечется в бреду. Мужайтесь, Николай Александрович. Прошу вашего соизволения, не указывая самой болезни, начать публиковать бюллетени о состоянии здоровья наследника престола.

– Делайте, что хотите, Владимир Борисович, – махнул рукой государь и, не стыдясь старого царедворца, разрыдался, тут же прикрыв лицо платком и уйдя в свою комнату.

Болезнь быстро прогрессировала.

Александра Фёдоровна сидела у постели сына и изо всех сил сдерживала слёзы. Боли охватывали его спазмами и повторялись каждые четверть часа. Во время этих приступов она прикладывала к его лбу холодные компрессы и ласково шептала слова утешения.

В одну из минут между приступами, Алексей раскрыл глаза, улыбнулся матери, и нормальным, здоровым голосом произнёс:

– Mamочka, a kогда я умру, мне больше не будет больно?

Силы оставили её.

Погладив сына по щеке и поцеловав в лоб, она вышла из комнаты.

– Медицина бессильна, – склонил перед ней голову профессор. – Надежды нет. Кровь из повреждённых сосудов поступила в нижнюю часть брюшины, и остановить внутреннее кровотечение невозможно.

Николай потерял надежду и по совету барона Фредерикса пригласил священника причастить Алексея.

Лишь одна мать не верила в скорую смерть сына.

– Он не умрёт. Я виновата... Но я не дам ему умереть, – словно в бреду шептала она, не зная, что делать. – Анна! – увидела Вырубову. – Срочно отправь телеграмму Распутину. Где он сейчас?

– Далеко. В своём сибирском селе.

– Отправь старцу телеграфное сообщение с просьбой помолиться о сыне. Я не дам ему умереть...

Через несколько часов Анна Вырубова передала императрице телеграмму из Сибири.

Выхватив её из рук фрейлины и подруги, Александра Фёдоровна прочла: «Бог воззрел на твои слёзы. Не печалься. Твой сын будет жить. Пусть доктора его не мучают».

Просияв лицом и совершенно не беря в голову, что могут подумать о ней врачи и придворные, влетела в комнату сына и прочла скорбящим и ожидающим его смерти царедворцам текст присланной телеграммы.

«Государыня сходит от горя с ума», – переглянулся с врачами барон Фредерикс.

Каково же было их удивление, когда Алексей успокоился, перестал стонать и впервые за много ночей спокойно уснул.

На следующий день боли отступили, и он даже немного поел и выпил чаю.

– Спасибо, мама! – улыбнулся восьмилетний мальчик, поблагодарив то ли за чай, то ли за спасённую жизнь.

Николай, услышав сыновнее «спасибо», прикрыл рот ладонью, чтобы не закричать, и стремительно вышел из детской – маска безразличия никак не надевалась на лицо.

Выздоровление пошло так же быстро, как до этого болезнь.

– Явный феномен! – удивлялись питерские светила медицины. – И кровотечение остановилось. Всё-таки мы правильно подобрали медикаменты.

«Это старец правильно подобрал слова, – думала императрица. – Он Святой и несёт в себе благодать Божию. И никто меня теперь не переубедит, что это не так. Всю жизнь буду веровать в предстательство Распутина перед Богом и никому отныне не дам его в обиду».

«Я пишу Вам, и сердце моё полно благодарности Богу за его милосердие, – умиротворённый и счастливый, писал в своём кабинете письмо матери Николай, поняв, что сын не умрёт. – Он ниспослал нам благодать. Алексей начал поправляться...»

Немного успокоившись и придя в себя, император вызвал в Спалу министра иностранных дел Сазонова. Переезжать в Петербург пока не решался. Врачи сказали, что Алексей ещё слаб и ему необходим полный покой.

– Ваше величество, – начал доклад государю Сазонов, – как вы знаете, в конце зимы, при нашем активном посредничестве, Болгария и Сербия подписали договор о военном альянсе. По этому договору военные действия против Турции, они должны были начинать только с согласия России.

– А согласия мы бы не дали, ибо война нам сейчас абсолютно не нужна, – перебил министра император. – Продолжайте Сергей Дмитриевич, внимательно вас слушаю.

– Позже к заключённым соглашениям присоединились Греция и Черногория. Таким образом, образовался мощный союз против австро-германского блока.

– Это мы так считали. Но Балканская лига думала по-другому, как я понимаю.

– К сожалению, ваше величество, события вышли из-под контроля и союзники, полностью уверенные, что в случае чего Россия за них вступится, решили расширить свои территории за счёт Османской империи. В конце сентября Черногория начала военные действия против Турции, а следом вступили в войну Сербия и Болгария. К ним тут же присоединилась и Греция. В результате мы получили Балканскую войну.

– Ну что ж, отслеживайте ситуацию и постоянно докладывайте мне. Неприятности сыпятся как из рога изобилия, – нахмурился император.

Но, как говорят в народе: Бог любит Троицу.

Это в высоком смысле. А в народном – после двух бед – ожидай третью.

И она не заставила себя ждать.

Буквально через пару дней после встречи государя с Сазоновым, на официальный доклад записался начальник дворцовой Охранной агентуры полковник Спиридович.

– Александр Иванович, только не говорите, что на меня готовится покушение. Мне сейчас совершенно не до этих революционных мазуриков.

– Никак нет, ваше величество. Вопрос находится несколько в иной плоскости, – начал мяться офицер, тут же заинтриговав своей тайной царя.

– Ну, ну, смелее. Я весь внимание, – забарабанил пальцами по столу император.

– Ваш брат, великий князь Михаил, вчера, семнадцатого октября, в Вене, в сербской православной церкви вступил в брак с известной вам госпожой Вулферт.

– Что? – сломал карандаш, поранив при этом палец, император. – Вступил в морганатический брак? Нарушив мой запрет? – отбросив ногой стул, а вместе с ним и хорошие манеры, пробежался по кабинету, лупя кулаком по ладони и пачкая её кровью из пораненного пальца. – Извините, Александр Иванович. И так нервы ни к чёрту, да ещё Мишка удружил, – поднял стул и уселся на него. – Авантюрист! – немного успокоившись, вытер салфеткой кровь. – Я же велел вам послать несколько агентов следить за влюблённой парочкой, когда они улизнули за границу.

– Виноват, ваше величество, – встал по стойке смирно полковник.

– Вы довели до агентов мой приказ – в случае их появления возле православного храма тут же брать влюблённых злоумышленников под стражу и везти в Россию?

– Полицейские не решились, ваше величество. Ни тот статус нарушителей. Растерялись и побоялись брать на себя такую ответственность, – склонил повинную голову. – Я бы тоже не решился, – сорвавшимся голосом добавил он. – Субординация – есть субординация. А Михаил Романов – это не Григорий Гершуни...

– Согласен. И что докладывают агенты?

– Что Михаил Романов и Наталья Вулферт действовали весьма хитро. До Германии добрались на поезде, затем пересели в машину. Такого развития событий агенты не ожидали. Авто у них не было. А дальше, ваше величество, вы знаете... Нашли храм и обвенчались. Причём Вулферт записали в церковной книге под именем дворянки Брасовой.

– Всё ясно. Больше вопросов нет, – поспешил к супруге Николай, дабы донести до неё горестную весть.

По пути, в коридоре, наткнулся на министра Двора Фредерикса.

– Ваше величество, – протянул тот телеграмму. – Послание из Вены, – прятал от императора глаза.

– От счастливого супруга, полагаю? Да не смущайтесь, Владимир Борисович. Вы тут не причём, – взяв телеграмму, прошёл в комнату жены.

– Ники, что-нибудь с мальчиком? – побледнела Александра Фёдоровна.

– Только с другим, – горестно плюхнулся на диван император. – С Мишкой. И во всём виновата твоя родня и Вильгельм.

– И что натворила моя родня и твой кузен Вилли? – спокойным уже голосом, и с искрой интереса в глазах спросила супруга.

– Обвенчали молодых. Моего пройдоху братца и эту интриганку Вулферт.

С пробудившимся женским интересом царица принялась обсуждать пикантную тему, отвлечшись на время от болезни сына.

– Я о подобном развитии событий догадывалась ещё два года назад. Твой брат проявил чудеса терпения. Эта дважды разведёнка не растерялась, и ещё в конце июля десятого года поднатужилась и родила от Мишки сына, коего они называли Георгием, – запыхалась лицом царица. – Эта прохиндейка уже в шестнадцать лет выскочила замуж за племянника купца Саввы Мамонтова, пианиста... забыла, как звать... и родила дочь, – стала по-фельдфебель-

ски вышагивать вдоль дивана, сурово глядя на мужа. – Уразумев, что этот аккомпаниатор ей не пара... Она же – великая и красивая..., вышла замуж за поручика Вулферта, служившего в полку «синих кирасир», лейб-эскадронном коего и командовал тогда Мишка. Но положение жены поручика, хотя и гвардейского, столь же для неё непристижно, как и брак с музыкантом. А тут – великая княгиня... Интриганка!

– Да и Мишка хорош... Нарушил главную офицерскую заповедь: за женой полкового товарища не ухаживай, или снимай мундир. Так значилось в неписаном кодексе традиций, которые передавались в гвардии от поколения к поколению и вменялись всем, в том числе и великим князьям.

«Слава Богу, от болезни Маленького отвлеклась», – стал в душе даже благодарен младшему брату Николай.

– Ники. Вот согласно неписаному кодексу и «сними с него мундир». Уволь Мишку со всех постов и запрети возвращаться со своей пассией в Россию, – села рядом с мужем и прижалась к нему.

– Аликс, а вдруг это любовь?!

– Ники, умоляю тебя... Скажешь тоже... Любовь... Мишка о ней только в книжках с жёлтыми обложками читал. Вот у нас – любовь, – чмокнула супруга в щёку Александра.

«Нет, всё-таки Мишка молодец, – сладко-сладко поцеловал в губы жену. – Следует отвлечь её от болезни сына...»

В ноябре венценосная семья переехала из Спалы в Петербург.

– Ваше величество, – на этот раз в Александровском дворце Царского Села докладывал императору Сазонов. – Османская армия, к нашему удивлению, в течение месяца потерпела полное поражение. Сербские войска дошли до побережья Адриатики, а болгарские до Чаталджинских высот, что находятся неподалёку от Константинополя. Европа в шоке, – патетически воскликнул министр, насмешив царя.

«Вообще-то неприятности имеют свойство рассасываться», – попытожил Николай: – Полагаю, непредвиденные итоги войны озадачили Венский кабинет и кайзера. Теперь они предпримут политические шаги, дабы лишить победителей плодов заслуженной победы. На дипломатическом фронте мы обязаны воевать. Отслеживайте ситуацию, принимайте меры согласно обстановке и держите меня в курсе, – подошёл к окну государь, давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

Армейские будни протекали, как им и положено, со своими разнообразными ляпами.

Павловский полк в сентябре готовился передислоцироваться из летнего лагеря на зимние квартиры в Петербурге.

– Господа, поздравляю вас с окончанием ещё одного Красносельского сезона, – поднял бокал с шампанским Ряснянский.

Сидящие за большим, накрытым белоснежной скатертью столом, офицеры, дружно встали и, крикнув традиционное «ура», осушили хрусталь.

– Господин полковник, – нарушил идиллию зашедший в офицерское собрание из соседнего с ним деревянного строения полковой канцелярии капитан Рубанов, несший дежурство по полку. – Командир дивизии генерал Флуг вызывает в свой дачный дом его превосходительство генерал-майора Некрасова. Но так как командир полка отбыл вчера в Петербург, идти к начальству придётся вам.

– Поздравить, наверное, собирается, с окончанием летнего лагеря, – сделал предположение старший полковник.

– Никак нет! – официально отрапортовал Рубанов, щёлкнув каблуками, и пряча в глазах искры смеха. – Флуг орал в телефонную трубку, что кто-то из стоящих в карауле от нашего полка гвардейцев оставил в его палисаднике «след».

– Чего? – поперхнулся шампанским полковник. – Какой ещё след? Вы сегодня весьма официальны и чопорны, капитан. Садитесь лучше с нами и выпейте шампанского.

– Не положено на дежурстве! – наповал сразил старшего полковника. – К тому же я, по вашему велению и не по своему хотению – председатель полкового общества трезвости.

– Аким, что за след-то, не пойму? – выпил водки Гороховодатсковский и закусил колбасой.

– Вот никак вы, Амвросий Дормидонтович, культурных намёков не понимаете... По словам генерала, размером примерно такой, от которого вы сейчас отрезали кусочек, – указал на колбасу капитан. – Дочка, это нежное флуговское создание, узрев «безобразие», упала в обморок на руки адъютанта, – всё же сел за стол и угостился шампанским.

– Ну и юмор у тебя, Аким Максимович, – брезгливо отодвинул от себя батон колбасы Гороховодатсковский.

– Наши – не могут! – безапелляционно заявил полковник. – Уверен в них, как в самом себе. Кто в карауле был?

– Как раз из моей Государевой роты наряд. Пал Палыч – старший, а часовые: Махлай с Барашиным. Эти могут! И посвятили деяние своему фельдфебелю.

– Но нагадили генералу, – взъярился Ряснянский. – Вот ступайте и разбирайтесь, капитан.

– Не имею права покидать свой пост дежурного по полку, – даже ухом не повёл на приказ Рубанов. – Велено – командиру полка явиться. А вы остались за него. Думаю, что виноваты артиллеристы. Как раз мимо генеральского флигеля на учения ехали, – бросил вслед уходящему полковнику Аким.

– Кто виноват? – дурашливо завопил Ляховский, и все офицеры, включая и старших, дружно ответили:

– Артиллеристы!

В Петербурге на Царёву роту вновь обрушился удар – из ротного помещения пропал револьвер.

«Это уже не «след», а самое настоящее чрезвычайное происшествие, – занервничал Рубанов. – У нас, в отличие от других полков, даже в годы революции сквозь ружейные скобы цепи не продевали и револьверы на замки не запирали... И никогда ничего не пропадало», – вызвал «на ковёр» Пал Палыча.

– Ваше высокоблагородие, непременно дознаюсь и руки обломаю, – клятвенно пообещал ротному фельдфебель. – Завтра в запас ребята уходят, вот и схулиганил кто-то. Разрешите строить роту?

– Строй и дознайся! – приказал Рубанов. – Ведь кто-то не только мою репутацию, но и честь полка замарать хочет.

– Смир-рно! – рыкнул Пал Палыч, обходя строй. – Ну, розаны мои, кто же это разыгрался, как бугай в клевере и левольверт схитил? Махлай, чего хайло расстегнул, словно петль нацелился? Молчать! Барашин, ты тоже вчера у стойки с оружием, как моль возле шинелей, вился... Что, никак нет. Запасных жалко. Все завтра домой поедут, а с нашей роты мужики, из-за какого-то борзого коня, в казарме задержатся неизвестно насколько.

– Пал Палыч, – заволновались настроенные на отъезд солдаты, – дознаемся – забьём гниду!

– Я ноне точно дознаюсь, – вышагивал перед ротой фельдфебель. – К гадалке вечером пойду. Хотя как баба, и жилиста лярва, но в кадке с колдовской водой лицо злоумышленника мне покажет, потому как – ведьма, – хмуро оглядел Махлая с Барашиным.

– Да ей-богу не мы, Пал Палыч. – Вот те крест, – заблажили нижние чины.

– Ты, Нифонт Карпович, ещё своим прошлогодним жёлтым пальто поклянись... Чей бы козлик не взбрыкивал, а у девки – дитё! – философски закончил дознание фельдфебель, основательно изумив роту.

После ужина, когда фельдфебель надевал шинель, чтоб идти к гадалке, старший унтер-офицер Сидоров во всю глотку завопил:

– Братцы, какой-то кобель левольверт мне на постель подкинул... Теперь навряд сыщем озорника.

– Слава Богу, нашёлся наган, – доложил ротному Пал Палыч.

– Ляховский, – усадил перед собой в канцелярии штабс-капитана Рубанов. – Установку вышестоящего начальства выполняешь?

– Так точно. А какую?

– Какую-какую... С недосыгаемых командных высот донёсся призыв к офицерам: станьте ближе к солдату. Вот пойдёшь, и стань! Только не говори: как это? Пойди и стань! – налил из графина воды.

– Можно идти?

– Не «можно», а – разрешите. Ступай с богом, сыне, – шутливо перекрестил офицера Рубанов.

«С кого начать?» – задержал внимание на ефрейторе Сухозаде.

– Панфёр, – обратился к нему по имени штабс-капитан.

И когда удивлённый вояка подбежал, спросил:

– А у вас в селе девки голосисто поют?

– Не могу знать, ваше высокоблагородие. Давно не слыхивал.

– Ага! Гм! А волки в селе есть?

– Никак нет! В лесу есть, а в селе нема, – на всякий случай козырнул офицеру, хотя был без головного убора.

– Ну и дурак! – обиделся на нижнего чина Ляховский, не обратив внимания на приложенную к «пустой башке» руку. – Я и хотел сказать – в лесу. Я и сам знаю, что в селе волков не бывает. Наряд тебе не в очередь, дабы не умничал. Доложи фельдфебелю.

– Чего он к тебе пристал, Сухозад? – вонзился в ефрейтора режущим на куски взглядом фельдфебель. – Честь не вовремя отдал?

– Никак нет. Сказал, что я дурак, коли в нашей деревне волков нет.

– Вот те раз! – оторопел Пал Палыч. – А зачем оне там? Этих господ не поймёшь. Такое иногда загнут – хоть стой, хоть падай, – заспешил в каморку поглядеть на репродукцию «Въезд на ослиати».

Ляховский, в свою очередь, прошёл в канцелярию и доложил ротному командиру о проведённом сближении с солдатом.

– Понял тебя, штабс-капитан. Стать ближе к нижнему чину не сумел, – засмеялся Рубанов. – А про волков ты здорово пошутил... Представь себе, у нас в Рубановке кабаны есть. Ну ладно. Придётся на ротный праздник устраивать игры для солдат, унаследованные не от Куропаткина даже, а от самого Ивана Грозного: бег в мешках, интеллектуальное лазанье по намыленному столбу, а на десерт – поход в цирк Чинизелли.

Вскоре об установке: стать ближе к солдату – забыли. Как и о трезвом образе жизни в офицерском собрании.

Сверху, из Совета Государственной Обороны, для начальской головной боли пришла новая директива – сделать полки не 4-х, а 3-х батальонными.

Генерал-майор Некрасов напряг на выполнение реформы в Павловском полку – Ряснянского.

– Евгений Феликсович, Вникайте! Нормальный состав – сто двадцать нижних чинов в роте. Батальон включает четыре роты. Рота состоит из четырёх взводов. В обязательном порядке должна быть пулемётная рота, состоящая из трёх взводов по четыре пулемёта в каждом. Личный состав: капитан, четыре субалтерна, фельдфебель, пять старших и четыре младших унтера. Пятьдесят шесть строевых, двенадцать ефрейторов. Всего – девяносто один человек на двенадцать пулемётов. Да, и вот ещё что. Примите к сведению моё решение назначить командиром пулемётной роты капитана Гороховодатсковского. Технически грамотный офицер. Как с делами закончите, составьте приказ – и на подпись.

Правда, вскоре вновь вернулись к 4-х батальонному составу полка.

* * *

1913 год тоже был годом юбилейным.

21 февраля в России началось торжественное празднование трёхсотлетия Дома Романовых.

Как гласил Высочайший манифест: в 21 день февраля 1613 года боярина Михаила Фёдоровича Романова, ближайшего по крови к угасшему роду Рюрика и Владимира Святого, единодушно избрали на царство в Москве Великим земским собором.

В 8 утра Рубановых разбудили звуки пушечных выстрелов.

– Максим, что это за канонада с утра? – поинтересовалась у мужа Ирина Аркадьевна.

– Сударыня-я, – зевая и потягиваясь, произнёс супруг. – Согласно утверждённому церемониалу, двадцать один пушечный выстрел от Санкт-Петербургской крепости возвестит о начале торжеств.

– Об этом, сударь мой, вы вчера и беседовали с генералом Троцким до полуночи? Спасибо, Иван в дом помог войти.

– Сударыня, вы явно утрируете, по выражению интеллигентов, или – жмёте на педаль, как говорят в военных кругах, и передёргиваете карты... Как говорят генералы. Тьфу, факты, – никак не мог продеть руку в рукав халата.

– Да выверни, наизнанку он у тебя. И после этого я ещё чего-то там передёргиваю, – добродушно ворча начала одеваться.

– Хотя вы, сударыня, и ворчите на меня с утра, – улыбнулся супруге Рубанов, но я согласен с тем человеком, который выдал такую сентенцию:

«Счастье не в тех женщинах, с которыми хочется спать, а в тех – с которыми хочется просыпаться...»

– Максим, что ты сказал?

– Я сказал, что нам следует на торжественную литургию в Казанский собор поспешить. Сам патриарх Антиохийский Григорий Четвёртый служить будет при сонме российских иерархов.

– Чего там про сон говоришь? – пошутила Ирина Аркадьевна.

– Не про сон, а про сонм... Да ну тебя... Это так вчера Владимир Иоанникиевич выразился. Надо же. В конце прошлого года генерала от инфантерии высочайше получил... Теперь как хочет, выражаться может...

– До сих пор от счастья в себя не придёт, – зевнула жена. – Аким вчера говорил, что уедет пораньше. Получили приказ по пути следования «царского поезда» к Казанскому собору построить полк.

– Ну, не один полк, как я понимаю, а гвардию, – пошёл умываться и бриться в ванную комнату.

В одиннадцатом часу утра, после литургии, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, перед торжественным молебном в Казанском соборе, прочёл манифест о юбилее.

Но начал со слов:

– Россия в тысяча шестьсот тринадцатом году, на Соборе, дала Богу обет стать иконой Неба, – принялся зачитывать Высочайший манифест: «... Совокупными трудами венценосных предшественников наших на престоле Российском, и всех верных сынов России, созидалось и крепло Русское государство... В неизменном единении с возлюбленным народом нашим уповаем мы и впредь вести государство по пути мирного устройства жизни народной...»

– Вот сейчас всё понятно стало, – шепнул супруге Рубанов. – А то вчера Иоанникиевич бубнил с набитым ртом, читая текст Манифеста, так я ничего и не разобрал, – прислушался к голосу митрополита: «...Благородное дворянство российское кровью своею запечатлело преданность Родине... – Ага! Каждого второго на Сахалин отправить следует, – прокомментировал услышанное: – В сиянии Славы и величия выступает образ русского воина, защитника

веры, престола и отечества. Благоговейная память о подвигах почивших, да послужит заветом для поколений грядущих», – вот это сильно сказано, – перекрестился Максим Акимович.

После возгласения протодиаконом многолетия их императорским величествам, начался торжественный трезвон всех церквей Петербурга и артиллерийский салют.

– В три часа пополудни в Николаевском зале Зимнего дворца начнётся принесение поздравлений придворными чинами, министрами, генералитетом и прочими, и прочими сановниками.

– Вольные стрелки, то бишь, отставные генералы, к «прочим» отношения не имеют, по моему разумению, – усаживалась в сани Ирина Аркадьевна.

– Мне завтра поздравлять, – нахмурился её супруг.

В Зимнем дворце, совершенно случайно, Рубанов столкнулся с министром Двора Фредериксом.

– Владимир Борисович, наслышаны, наслышаны... Приношу свои поздравления с возведением вас в графское достоинство, – от души пожал руку вновь испечённому графу.

– Пройдёте в мой кабинет, Максим Акимович, время ещё позволяет, – взял под локоток отставного генерала. – У меня имеется для вас сюрприз, – проводив в кабинет, усадил Рубанова в кресло, а сам, раскрыв шкатулку, вынул красного бархата коробочку. – Восемнадцатого февраля утверждён «Наследственный нагрудный знак для лиц, приносившим их императорским величествам личные верноподданнические поздравления по случаю трёхсотлетия царствования дома Романовых в дни юбилейных торжеств». Вы первый получаете сей памятный знак, – протянул его поднявшемуся из кресла гостю. – Оксидированный ажурный герб дома Романовых, увенчанный императорской короной и окружённый вызолоченным лавровым венком.

– Благодарю его величество и лично вас, Владимир Борисович, – расчувствовался Рубанов.

– Носите на здоровье, – улыбнулся Фредерикс. – На правой стороне груди, ниже звёзд, но выше других дарованных знаков. Разрешается выгравировать на оборотной стороне имя, отчество и фамилию. Согласно статуту, право на ношение знака переходит потом к старшим сыновьям. Так его величество решил. Это, конечно, не украшенный бриллиантами царский портрет, что в знак особого расположения и в память нынешних знаменательных событий, жаловал эмиру Бухарскому Сеид-Алим-хану наш самодержец.

– И чего я не восточный хан, а простой русский генерал, – пошутил Рубанов.

– Да-а, ханом быть неплохо, – поддержал Максима Акимовича Фредерикс. – Восемнадцатого февраля император пожаловал хану Хивинскому Сеид-Асфендиару Богадуру титул «высочества». Звучит много приятнее графского «сиятельства». Пора идти на приём, ваше высокопревосходительство, – напомнил товарищу министр. – Да, чуть не забыл, – вновь раскрыл шкатулку. – Примите три пригласительных билета на грандиознейший бал, что даёт Санкт-Петербургское дворянство в своём Собрании на Михайловской улице.

– Благодарю, Владимир Борисович. Мне уже, как дворянину, вручили два пригласительных... Теперь впятером пойдём, – улыбнулся Фредериксу.

Дома стал размышлять: «Кого же взять на охоту, тьфу, на бал – пятым номером?»

– Ирина, будь добра, посоветуй, кого кроме нас с тобой и Акима с Ольгой, пригласить на бал? Может – Любовь Владимировну?

– Скажешь тоже, мон шер. Любочка без мужа не пойдёт, а Георгий Акимович, в свою очередь, ни в жизнь...

– ...носа не сунет туда, где станут чествовать государя, – продолжил в своей интерпретации её мысль супруг.

– Она позвонила мне и со слезами на глазах посетовала..., не перебивайте меня, сударь, что глава семейства...

– То есть – братец мой...

– Я уже делала вам замечание, – пикировалась с мужем Ирина Аркадьевна. – Разорвал на мелкие клочки два пригласительных билета, которые им презентовали от лица Санкт-Петербургского дворянства.

– Кадет и филистер! Расшифровываю для двоечниц, которые заблудились в ремизах, – хмыкнул Максим Акимович. – Самодовольный, ограниченный человек с мещанским кругозором и ханжеским поведением...

– Вы, дражайший супруг мой, не хмыкайте, а думайте. Про филистера и без вас знаю. О! Мне пришла в голову светлая мысль, – захлопала в ладоши Ирина Аркадьевна. – А не взять ли нам на бал их младшенького?..

– Точно! Максиму предложим пятый билет. Заодно и братца позлю, – воодушевился отставной генерал. – Не послать ли нам гонца..., – запел он.

– За Максимкой?

– За бутылочкой винца-а... – на пафосной ноте завершил арию, – развеселив супругу.

– Эхе-хе-хе! – пессимистически глядел на запрудившую Михайловскую улицу толпу Аким Рубанов, держа под руку жену.

– И чего вы разэхехеклись, сударь?! – беззаботно оглядываясь по сторонам, иронично произнесла Ольга. – Жалеете, что вас выдернули из офицерского собрания и не дали доиграть в покер?

– Откуда, мадам, знаете, во что играем? – поразился Аким. – Буданов или пулемётчик Гороховодатсковский доложили, – озвучил версию утечки из полка тайной информации.

– Максим, не бери пример с кузена и радуйся жизни, – легонько толкнула юного моряка, пытаясь избавить его от застенчивости.

– Стараюсь, – окончательно сконфузился тот, услышав смех молодой женщины.

– Однако, за нос пощипывает морозец, – стал пробираться сквозь оживлённую толпу к главному подъезду Рубанов-старший, словно на буксире таща под локоток супругу.

В это время лихач, громко «тпрукая», натянул вожжи и остановил сани неподалёку от подъезда.

– Один эхехекает, другой тпрукает, – улыбаясь, шутила Ольга, – но жизнь ваша, господин капитан, положительно, налаживается, – кивнула на выбравшуюся из саней чету Дубасовых.

– Бог услышал мои молитвы и послал друга с женой, – целуя руку Полине, бодрым уже голосом возвестил Рубанов, оглянувшись на подъехавший мотор с великокняжескими вензелями на дверцах.

Максиму-младшему всё было в диковину, хотя их корпус славился балами, что 6-го ноября ежегодно давала старшая гардемаринская рота.

Наряженный в камзол с позументами и золотыми государственными орлами по красному полю, лакей в вестибюле, глянув на пригласительные билеты, негромко сообщил, где снять верхнюю одежду и потом получить её.

– Государь точно прибудет, – пришёл к выводу Максим Акимович, критически оглядев лакея, и в особенности его белые панталоны, чулки и чёрные лакированные башмаки. – Дворцовая челядь в помощь местным прислана, – расцвёл в улыбке, узрев идущего навстречу с распростёртыми объятьями генерала Троцкого.

– Максим Георгиевич, да не тушуйся ты и будь смелее. Даже дерзновеннее, – хихикнув, взялась за воспитание гардемарина Ольга, стоя рядом с ним и Полиной у окна, выходящего на Михайловскую улицу.

– Да я не трушу, а, напротив, смел и раскрепощён. Морские волки, кроме своих капитанов, вообще никого не боятся, – стараясь побороть застенчивость, как мог, отбивался от нянек, изумляясь огромному залу с хрустальными люстрами, и прислушиваясь к звукам инструментов, которые, после уличного холода, настраивали музыканты.

Внизу, у подъезда, вдруг грянул Императорский марш, и, отодвинув портьеру, женщины и гардемарины увидели выходящую из подъехавших авто венценосную чету с двумя старшими дочерьми, вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну, великого князя Дмитрия, великого князя Александра Михайловича с супругой, царской сестрой Ксенией, и других великих князей с жёнами.

Юный гардемарин остановил восторженный взгляд на дочерях императора, любясь то одной, то другой девушкой.

«Младшая, великая княжна Татьяна мне больше нравится», – выпустив из ума, что они недоступные для простого смертного царские дочери, оценил их с точки зрения восемнадцатилетнего юноши.

Толпа хлынула в вестибюль, а вместе с ней и Рубановы с друзьями.

Предупреждённый о приезде государя губернский предводитель дворянства князь Салтыков, преподнёс ему на огромном блюде традиционные хлеб-соль, обратившись затем к императору с приветствием.

Младший Рубанов не слушал велеречивые слова светлейшего князя, а исподволь любовался младшей из двух царских дочерей.

Не привыкшая ещё к подобным торжествам Татьяна, ведя полузатворническую жизнь в золотой клетке Царскосельского Александровского дворца, и воспитанная родителями вдали от парадности и суеты большого света, застенчиво, стараясь делать это незаметно, оглядывалась по сторонам, совершенно не вслушиваясь в торжественные слова, которыми закончил приветствие губернский предводитель:

– Санкт-Петербургское дворянство твёрдо верит, что только в тесном единении верного народа со своим самодержавнейшим царём, заключается всё будущее счастье и величие России.

И пока её отец отщипывал от каравая кусочек хлеба и макал его в соль, вновь огляделась, случайно столкнувшись с восторженным взглядом синих, как море, глаз высокого красивого юноши.

Сердце её замерло от какого-то непонятного трепета, и она подумала: «Господи! Он красив как Бог... Ну нельзя же так смотреть на меня, – покраснела от неизведанного доселе счастья и опустила глаза в пол, стараясь внутренне успокоиться и привести голову и сердце в холодное, бесстрастное расположение чувств, – а то уже мама' недоумевающее косится в мою сторону, – вновь вспыхнула пунцовым цветом, встретившись с божественно-пьянящими глазами гардемарины. – Боже, какой дурманыще-приторный аромат источают цветы».

– Татьяна, что с тобой? – зашептала ей сестра. – На тебе лица нет.

– Так сладостно пахнут цветами... Даже закружилась голова, – ответила Ольге и прикрыла ресницами блесевшие от нового, бесконечно-нежного чувства глаза.

– Маман сказала, что целый вагон разнообразных цветов привезли из Ниццы, – зашептала сестре Ольга. – Она волноваться начала, подумав, что тебе сделалось плохо.

– Напротив, мне очень и очень хорошо..., – на секунду зажмурилась от беспредельного счастья юная княжна.

Вкусив хлеба с солью, император с семьёй, родственниками и свитой не спеша, кивая на поклоны знати, направились за лакеем в позументах подготовиться к балу в отведённых апартаментах.

Проходя мимо Максима Акимовича, государь остановился и благожелательно кивнув, произнёс:

– Благодарю, что пришёл поздравить Дом Романовых с великим праздником.

– И не только пришёл сам, ваше величество, но и привёл... – хотел пошутить: «дом Рубановых», но счёл это неуместным, и завершил фразу: – семейство, – указал на жену, сына с невесткой и племянника.

– А с молодым человеком пока не знаком, – окинул благосклонным взглядом вытянувшегося в струнку Максима.

– Гардемарин Морского корпуса Рубанов, ваше величество! – словно находясь во время бури на корабле, громогласно отрапортовал императору Максим, – засмутившись не от того, что докладывал монарху, а по причине перешёптывания и улыбок его дочерей.

– Рапорт принят, – покосившись на дочерей и супругу, тоже улыбнулся Николай. – Вольно гардемарин. Здесь бал, а не корабль.

– Слушаюсь! Но именно так требует докладывать командир батальона, – расслабился и даже позволил себе пошутить, – пытаюсь привести нас «в христианский вид».

– А до этого у вас какой вид был? – увидев, что супруге и дочерям разговор интересен, продолжил беседу монарх.

– Морских чертей, ваше величество, – браво щёлкнул каблуками освоившийся уже гардемарин и нежно, но мимолётно, глянул на Татьяну.

«Что-то Татка моя как маков цвет стала. От скопления народа и повышенного внимания головка, наверное, разболелась», – пожалела дочку царица, даже в мыслях не имея, что дочь может покраснеть от взгляда гардемарина, позволившего себе посмотреть на неё ни как на великую княжну,

а как на простую барышню, пусть даже и столичную.

Через полчаса двери отведённых царской семье апартаментов растворились, оркестр заиграл полонез из «Евгения Онегина», и начался торжественный выход Августейшей семьи.

Впервые присутствуя на столь торжественной церемонии, гардемарин во все глаза смотрел на императора, идущего в паре с супругой какого-то посланника. За ними, опираясь на руку посла, торжественно вышагивала Александра Фёдоровна.

– Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в паре с австро-венгерским послом Сапари дефилирует, – услышал тихий голос Ирины Аркадьевны. – А вдова великого князя Владимира Мария Павловна с японским послом Мотоно шествует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.